Министерство образования и науки Кыргызской Республики
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Кыргызской Республики им. Казы Дикамбаева

На правах рукописи

УДК: 331.556.4 (575.2) (04)

Назаркулова Гульзана Аманкуловна

Влияние внешней трудовой миграции на экономическое развитие Кыргызской Республики

Диссертация на соискание учёной степени доктора философии (PhD)

Научный руководитель:

д.э.н., профессор Акылбекова Нелли Ильинична

Бишкек–2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ……..……..…….. 3

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

1.1. Внешняя трудовая миграция как фактор трансформации рынка труда и развития экономики …….…….…… 13

1.2. Методология оценки влияния трудовой миграции на экономику …. 23

1.3. Опыт зарубежных стран регулирования внешней трудовой миграции с целью повышения экономического роста ……. …. 36

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

2.1. Анализ социально-экономического развития Кыргызской Республики …….…….. 56

2.2. Диагностика миграционных процессов …….…… 80

2.3. Влияние внешней трудовой миграции на рынок труда и уровень занятости …….. ……..……..…… 99

ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИЕЙ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

3.1. Основные проблемы государственной политики в сфере трудовой миграции …….…….……..……..… 110

3.2. Меры по стимулированию возвращения мигрантов и их реинтеграции в экономику страны. ……..…….....…..… 126

3.3. Стратегия трансформации денежных переводов в инвестиции для устойчивого экономического развития…….…..…… 136

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……...…….…….. 144

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ …… 149

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертации. Внешняя трудовая миграция является одним из ключевых социально-экономических феноменов, оказывающих значительное влияние на развитие Кыргызской Республики. В условиях глобализации и экономической нестабильности миграция рабочей силы становится важным источником доходов для национальной экономики, а также инструментом решения проблемы безработицы.

Однако наряду с положительными эффектами трудовая миграция порождает и ряд вызовов. Миграция рабочей силы, особенно квалифицированных кадров, приводит к дефициту трудовых ресурсов в ключевых секторах экономики. Социальные последствия миграции, включая разрыв семейных связей, нарушение структуры рынка труда и усиление региональных диспропорций, также требуют комплексного анализа и управления. Трудовая миграция также сопряжена рядом вызовов, включая ухудшение социального положения самих мигрантов. Большинство трудовых мигрантов сталкиваются с трудностями адаптации, дискриминацией, отсутствием доступа к социальным гарантиям и медицинскому обслуживанию в принимающих странах. Такие условия ведут к уязвимости и нарушению прав мигрантов, что, в свою очередь, снижает их социально-экономическую устойчивость и интеграцию.

Кроме того, изменяющиеся условия на международных рынках труда, ужесточение миграционной политики стран-доноров рабочих мест и возрастающая конкуренция за трудовые ресурсы требуют разработки долгосрочных стратегий управления миграцией. Важность темы усиливается необходимостью интеграции Кыргызстана в международные экономические процессы в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и других международных организаций.

Влияние трудовой миграции на экономическое развитие Кыргызской Республики остается актуальным объектом научных исследований. Улучшение социально-экономического состояния мигрантов может стать

важным инструментом устойчивого развития, способствуя укреплению человеческого капитала и созданию предпосылок для их возвращения и эффективной реинтеграции в экономику страны. Изучение динамики миграционных потоков, их экономических и социальных последствий позволяет выявить резервы для повышения экономической устойчивости страны, улучшения управления трудовыми ресурсами и формирования сбалансированной государственной миграционной политики.

Изучение влияния внешней трудовой миграции на экономическое развитие Кыргызстана, а также на улучшение социально-экономического положения мигрантов, представляет собой важный научно-практический интерес. Исследование факторов, способствующих защите прав трудящихся, повышению их доходов и качества жизни, позволит выработать рекомендации по оптимизации государственной миграционной политики и созданию условий для устойчивого социально-экономического развития страны.

Таким образом, тема диссертационной работы имеет не только теоретическую, но и практическую значимость для достижения устойчивого экономического развития Кыргызстана в условиях современных вызовов. Оно не только способствует научному пониманию текущих проблем, но и служит основой для выработки рекомендаций по улучшению ситуации в области миграции и улучшению социально-экономического состояния мигрантов.

Связь темы диссертации с приоритетными научными направлениями, крупными научными программами (проектами), основными научно-исследовательскими работами, проводимыми образовательными и научными учреждениями. Тема диссертационного исследования связана с реализацией Национальной стратегии развития КР на 2018-2040 гг., Концепцией инновационной модернизации экономического развития КР на период до 2035 года, Концепцией цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024-2028 годы, Целей устойчивого развития в Кыргызской Республике (Цель 8, 9), проекта ПРООН «Разработка

комплексной долгосрочной миграционной политики для КР», Программой развития КР на период 2018-2022 гг. «Единство, Доверие, Созидание».

Цель и задачи исследования. Цель исследования заключается в изучении влияния внешней трудовой миграции на социально-экономическое развитие КР и разработке рекомендаций по эффективному управлению миграционными процессами для обеспечения устойчивого экономического роста и улучшения социального положения мигрантов.

Реализация поставленной цели требует решения следующих **задач,** соответствующих логике и структуре исследования:

- Провести системный анализ понятия внешней трудовой миграции как фактора, способствующего трансформации рынка труда и стимулированию экономического развития.
- Разработать и обосновать методологию оценки воздействия трудовой миграции на макроэкономические и социально-экономические показатели страны.
- Изучить и систематизировать зарубежный опыт регулирования внешней трудовой миграции с целью выявления эффективных инструментов повышения экономического роста.
- Провести комплексный анализ социально-экономического развития Кыргызской Республики в контексте миграционных вызовов.
- Диагностировать основные миграционные процессы, выявить динамику и ключевые факторы, влияющие на внешнюю трудовую миграцию.
- Оценить влияние внешней трудовой миграции на рынок труда и уровень занятости населения с учетом структурных изменений.
- Выявить и проанализировать основные проблемы государственной политики в сфере регулирования трудовой миграции.
- Разработать предложения и меры по стимулированию возвращения мигрантов и их эффективной реинтеграции в экономику страны.

- Сформулировать стратегию трансформации денежных переводов трудовых мигрантов в инвестиционные ресурсы для обеспечения устойчивого экономического развития.

Достижение поставленной цели и решение обозначенных задач позволит получить комплексное представление о влиянии внешней трудовой миграции на экономику Кыргызстана и разработать научно обоснованные подходы к управлению миграционными процессами.

Объектом диссертационного исследования является внешняя трудовая миграция граждан КР.

Предметом исследования выступает влияние внешней трудовой миграции на экономическое развитие страны.

Методы исследования: экономико-математические научной абстракции, экспликации смысла, монографический, логический, сравнительно-сопоставительный анализ, статистико-экономический, структурно-функциональный, графический.

Научная новизна данной диссертационной работы заключается в комплексном исследовании внешней трудовой миграции как фактора трансформации рынка труда и экономического развития, с особым акцентом на её влияние на социально-экономическое положение КР. В процессе работы были выявлены новые подходы и механизмы, которые способствуют использованию миграционных потоков в качестве драйвера устойчивого экономического роста.

1. Впервые в рамках теоретико-методологического анализа обоснована роль внешней трудовой миграции как ключевого фактора трансформации рынка труда и катализатора экономического развития Кыргызской Республики, что позволяет интегрировать миграционные процессы в системный экономический дискурс.

2. Разработана и апробирована комплексная методология оценки влияния внешней трудовой миграции на экономику, включающая

мультидисциплинарные подходы и количественные индикаторы, что повышает точность диагностики миграционных эффектов и позволяет выявлять скрытые экономические взаимосвязи.

3. Проведен сравнительный анализ зарубежного опыта регулирования внешней трудовой миграции с целью повышения экономического роста, на основе которого выработаны адаптивные рекомендации для формирования эффективной миграционной политики Кыргызской Республики.

4. Выполнена глубокая диагностика миграционных процессов в Кыргызской Республике с выявлением современных тенденций, включая влияние пандемии COVID-19 и геополитических факторов, что вносит вклад в обновленное понимание динамики миграционных потоков и их последствий.

5. Определены конкретные направления совершенствования государственного управления внешней трудовой миграцией, в том числе механизмы стимулирования возвращения мигрантов и их экономической реинтеграции, а также разработана инновационная стратегия трансформации денежных переводов в инвестиционный ресурс, способствующий устойчивому развитию национальной экономики.

Таким образом, диссертация представляет собой новаторскую работу, в которой синтезированы теоретические и практические подходы для оптимизации внешней трудовой миграции, повышения её вклада в экономическое развитие и создания условий для её регулирования в интересах устойчивого роста экономики КР.

Научная новизна работы заключается в интеграции теоретических подходов и эмпирических исследований, а также в формировании практических рекомендаций, которые могут быть использованы для разработки национальных стратегий управления миграционными процессами.

Практическая значимость полученных результатов диссертационного исследования:

1. Совершенствование государственной миграционной политики. Результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти для разработки и внедрения эффективных механизмов управления миграционными процессами, направленных на защиту прав мигрантов, минимизацию утечки квалифицированной рабочей силы и повышение социально-экономической устойчивости страны.

2. Оптимизация системы защиты прав мигрантов. Разработанные рекомендации позволят улучшить условия труда и жизни кыргызских мигрантов за рубежом, включая доступ к социальным гарантиям, правовой защите и медицинскому обслуживанию, а также повысить их социальную интеграцию в странах назначения.

3. Использование денежных переводов для развития экономики. Предложенные меры по трансформации денежных переводов мигрантов в инвестиции и развитие малого и среднего бизнеса создадут дополнительные стимулы для экономического роста, повышения занятости и диверсификации экономики Кыргызстана.

4. Адаптация международного опыта. Практические рекомендации на основе анализа зарубежного опыта управления миграцией могут быть внедрены в национальную стратегию, что позволит улучшить управление миграционными потоками, укрепить международное сотрудничество и усилить интеграцию в мировые экономические процессы.

5. Стимулирование возвращения мигрантов. Разработаны инструменты для поощрения возвращения кыргызских мигрантов на родину и их реинтеграции в экономику, включая создание благоприятных условий для трудовой деятельности, открытия бизнеса и профессионального роста.

6. Поддержка образовательных и тренинговых программ. Полученные результаты могут быть использованы для разработки программ профессиональной подготовки и повышения квалификации трудовых мигрантов с учетом требований международного рынка труда, что повысит их

конкурентоспособность. Практическая значимость работы заключается в возможности её использования для решения актуальных задач, связанных с регулированием миграционных процессов, улучшением социально-экономического положения мигрантов и стимулированием устойчивого развития КР.

Экономическая значимость полученных результатов. Теоретико-методологические положения, выводы и практические рекомендации на основе анализа миграционных процессов в демографическом и социально-экономическом контексте могут быть использованы министерствами и ведомствами при разработке концепций и стратегий социально-экономического развития страны, а также прогнозировании и принятия стратегических управленческих решений по управлению миграционными процессами КР. Экономическая значимость результатов заключается в том, что их реализация способствует ускорению экономического роста, повышению устойчивости национальной экономики и созданию условий для долгосрочного социально-экономического развития КР.

Экономическая значимость полученных результатов содержит отдельные направления:

Повышение эффективности использования денежных переводов мигрантов. Результаты исследования предлагают механизмы трансформации денежных переводов в инвестиции в ключевые сектора экономики, такие как сельское хозяйство, строительство и малый бизнес, что способствует увеличению объема национальных инвестиций и созданию рабочих мест.

Снижение уровня бедности. Разработанные рекомендации направлены на повышение доходов домохозяйств через улучшение условий труда мигрантов за рубежом и стимулирование их экономической активности на родине, что способствует сокращению бедности и неравенства в стране.

Оптимизация внутреннего рынка труда. Выявленные в исследовании подходы к реинтеграции возвращающихся мигрантов помогут сбалансировать

спрос и предложение на внутреннем рынке труда, что снизит уровень безработицы и усилит производственную базу экономики.

Сохранение и развитие человеческого капитала. Рекомендации по профессиональной подготовке мигрантов и созданию стимулов для возвращения квалифицированных кадров позволят минимизировать негативные последствия утечки рабочей силы и способствовать развитию человеческого капитала в Кыргызской Республике.

Укрепление налоговой базы. Развитие программ по возвращению мигрантов и стимулирование их предпринимательской активности приведут к увеличению поступлений в бюджет за счет налогов, а также к созданию новых рабочих мест в частном секторе.

Содействие устойчивому развитию регионов. Привлечение денежных переводов для финансирования местных инфраструктурных и социальных проектов укрепит региональную экономику, что поможет снизить миграционное давление на крупные города и поддержать развитие сельских территорий.

Улучшение финансовой стабильности. Предложенные меры по диверсификации потоков денежных переводов и их интеграции в банковскую систему способствуют повышению ликвидности финансовых институтов и укреплению финансовой стабильности страны.

Повышение конкурентоспособности трудовых мигрантов. Рекомендации по улучшению профессиональной подготовки и обучению мигрантов, основанные на требованиях международного рынка труда, позволят увеличить их доходы, что положительно отразится на объемах денежных переводов в страну.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

Теоретическое обоснование влияния внешней трудовой миграции на трансформацию рынка труда и экономику: В диссертации рассмотрено, как внешняя трудовая миграция влияет на структуру и динамику рынка труда,

создавая как возможности, так и вызовы для экономического роста. Показано, что миграция способствует улучшению уровня занятости в некоторых секторах экономики, однако также порождает проблемы, такие как дефицит квалифицированных кадров в других отраслях. Сравнительный анализ международного опыта регулирования внешней трудовой миграции: Изучение опыта зарубежных стран показало, что эффективное регулирование миграционных потоков требует комплексных подходов, включающих как миграционную политику, так и социально-экономические меры, способствующие повышению производительности труда, развитию инфраструктуры и стимуляции экономического роста. Особенности и проблемы внешней трудовой миграции в КР: В работе выделены ключевые проблемы внешней трудовой миграции в Кыргызстане, такие как отсутствие координации между различными государственными и частными институтами, проблемы социальной защиты мигрантов и их семей, а также недостаточная интеграция мигрантов в экономику страны после их возвращения.

Механизмы стимулирования возвращения мигрантов и их реинтеграции в экономику КР: Разработаны рекомендации для государственной политики, направленные на стимулирование возвращения трудовых мигрантов и их реинтеграцию в экономику страны. Предложены меры по созданию рабочих мест, улучшению условий для предпринимательства и вовлечению мигрантов в социальные и экономические процессы страны.

Стратегия трансформации денежных переводов мигрантов в инвестиции для устойчивого экономического развития: Одна из ключевых идей работы — это трансформация денежных переводов, направляемых мигрантами, в инвестиции, способствующие долгосрочному экономическому росту. Это включает в себя разработку механизмов и политик, которые помогут направить денежные потоки в проекты, способствующие развитию инфраструктуры, социальной сферы и поддержки малого и среднего бизнеса.

Рекомендации по совершенствованию управления внешней трудовой миграцией в КР: В диссертации предложены комплексные рекомендации по совершенствованию государственного управления внешней трудовой миграцией, направленные на улучшение миграционной политики, создание благоприятных условий для мигрантов и максимизацию выгод от миграционных потоков для экономики Кыргызстана. Эти положения отражают ключевые результаты исследования, имеют как теоретическое, так и прикладное значение и направлены на улучшение управления миграционными процессами в Кыргызской Республике.

Апробация результатов диссертации. Основные положения и выводы диссертационного исследования были доложены и обсуждены на круглых столах, семинарах, а также национальных и международных научно-практических конференциях: в Ужгородском университете, 2024; «Молодежь в решении актуальных проблем науки, техники и образования», г. Бишкек, КГТУ, 2022 г.; «Роль многоязычия в профессиональном образовании», г. Бишкек, 2022 г.; “Гуманизация общества и технологическое развитие в эпоху глобальной экономики”, г. Бишкек, КГУ им. И.Арабаева, 20 мая 2020 г.; и др.

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях. Основные положения диссертационного исследования опубликованы в 7 научных статях, в том числе 2 индексированы в наукометрической базе Скопус.

Структура и объем диссертации. Диссертационная работа состоит из перечня сокращений и обозначений, введения, трех глав, заключения, практических рекомендаций, списка использованной литературы. Диссертация изложена на 147 страницах, включает 9 таблиц, 32 рисунка.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

1.1. Внешняя трудовая миграция как фактор трансформации рынка труда и развития экономики

Внешняя трудовая миграция предстает как динамично развивающийся трансграничный социально-экономический феномен, обусловленный множественностью факторов, среди которых доминируют экономические детерминанты, социально-демографические трансформации и политико-институциональные обстоятельства. Данный процесс выступает в роли важнейшего катализатора глобальной реперетриаризации трудовых ресурсов, способствуя дифференцированному перераспределению трудовой занятости и оптимизации кадрового потенциала в мировом масштабе [43, 44]. Причинно-следственные основания миграционных движений коренятся в значительном уровневом дезбалансе заработных плат между странами, высокой безработице на территориях миграционного исхода, а также в остром дефиците квалифицированных кадров в принимающих регионах, осложнённом экономическими кризисами и политической нестабильностью [42].

Трудовые миграционные практики, в зависимости от временного горизонта, делятся на краткосрочные — часто сопряжённые с сезонной или контрактной мобильностью, и долгосрочные, предполагающие намерение постоянного обустройства и интеграции в новых социальных и экономических условиях [40]. Современная миграция перестала быть лишь феноменом пространственного перемещения — она трансформировалась в сложную мультидисциплинарную проблематику, затрагивающую широкий спектр социальных, экономических и культурных измерений, что делает её одним из краеугольных вопросов демографической и экономической политики [41].

Исторический генезис миграционных процессов демонстрирует их фундаментальную роль в формировании цивилизаций, освоении новых территорий и развитии производительных сил, а также в становлении культурных и лингвистических систем, обусловленных интенсификацией этнокультурного смешения. Научное осмысление миграции развивалось в рамках различных парадигм — от меркантилизма, воплощенного в трудах Т. Мана и Ж.-Б. Кольбера, до современных системных и политико-экономических подходов, что определяется исследовательскими задачами и спецификой исходного эмпирического материала [19].

Меркантилистская школа, с её фокусом на взаимосвязь между аккумуляцией денежных капиталов и демографическим ростом, рассматривала миграцию преимущественно с точки зрения инструментализации иностранной рабочей силы при жёстком контроле миграционных исходов, что находит параллели в современных миграционных политиках развитых государств, особенно в рамках институциональных реформ Европейского союза [47]. Классическая школа (А. Смит, Д. Рикардо и др.) ввела в научный оборот концепцию взаимодополняемости международного движения капитала и рабочей силы, продвигая идею максимально свободного передвижения факторов производства с целью оптимизации глобального экономического равновесия и снижения уровня бедности, что, несмотря на вековую давность, сохраняет своих адептов и в современной экономической науке.

Особое место занимает мальтузианский демографический подход, сформулированный Т. Мальтусом в «Опыте закона о народонаселении» (1798), где причина социально-экономической бедности связывается с дисбалансом между темпами прироста населения и расширением жизненных благ, задающих прожиточный минимум [88]. Хотя основополагающая концепция «оптимума населения» подвергалась критике со стороны классиков, она стала фундаментом для последующих теоретических

построений в области миграционных исследований. Аналогично, кейнсианская парадигма, разработанная Дж. М. Кейнсом, подчёркивала важность трудовой миграции как фактора макроэкономической стабилизации и развития [51].

В 1936 году свет увидела фундаментальная монография Дж. М. Кейнса — «Общая теория занятости, процента и денег», ставшая триггером революционных сдвигов в экономической парадигме. В предисловии к своему труду Кейнс не просто дистанцируется от догматов классиков — Смита и Рикардо, он предлагает радикально иной методологический каркас, переосмысляющий экономический анализ с позиции институционального и макроэкономического взаимодействия. Его имя навсегда ассоциировано с зарождением теории государственного активизма в экономике, в которой мировая экономика рассматривается как интегративная сеть национальных хозяйств, регулируемых государственными институтами, призванными обеспечивать максимальную занятость населения. Особое внимание уделяется многоуровневым транснациональным процессам, где рынок труда становится арены столкновения интересов, напряжений и синергий различных государств в контексте миграционных потоков [51].

Неоклассическая школа, эволюционируя на базе кейнсианских инсайтов, расширяет аналитический горизонт, включая внутрирегиональные и внутренние миграционные процессы. Миграция здесь трактуется как следствие дифференциации доходов и стимул к максимизации индивидуальной экономической ренты, при этом миграционный акт сводится к рациональному инструменту достижения персонального благосостояния, что накладывает ограничение на рассмотрение социокультурных и институциональных факторов [176].

Теоретический синтез кейнсианства и неоклассики обретает форму в концепции «обратной связи экономических циклов» по Б. Томасу, где на первый план выходит системный макроэкономический анализ

международных трудовых миграций как динамического фактора глобальной экономической стабильности и развития [180].

Завершая ретроспективу классических экономических доктрин миграции, нельзя не выделить «теорию процветания» Дж. Саймона, где миграция и демографический рост выступают в роли креативных драйверов социально-экономического прогресса, обеспечивая территориальную и человеческую мобильность как фундаментальные предпосылки устойчивого развития регионов и мирового сообщества в целом [173].

Современный академический дискурс по трудовой миграции всецело интегрирован в экономику труда, где анализируются её мультиаспектные влияния на структуру и динамику рынка труда. Особенный акцент сделан на трансформациях, вызванных переходом стран СНГ к рыночной модели экономики, сопровождающимся углубленной сегментацией занятости, ростом неформального сектора и комплексными демографическими сдвигами. В эпоху глобализации миграция рабочей силы все более кардинально влияет на национальные и транснациональные рынки труда, стимулируя повышение квалификационного уровня трудовых ресурсов, особенно в регионах Азии и Латинской Америки [43].

Как уже отмечалось, миграционные импульсы имеют как экономические, так и неэкономические детерминанты: политические, этнокультурные, религиозные и семейно-социальные факторы выступают катализаторами перемещений. Экономическая миграция обусловлена системной неравномерностью развития, варьирующимися уровнями заработной платы и высоким безработичным давлением в развивающихся странах. Значительную роль играют трансграничные потоки капитала и деятельность транснациональных корпораций, которые эксплуатируют региональные профициты трудовых ресурсов, перемещая либо капитал, либо рабочую силу. Технологический прогресс в транспорте и коммуникациях

эскалирует масштабы и скорость международной трудовой миграции, трансформируя её в сложный мультикомпонентный процесс [45].

Классические когорты международных мигрантов делятся на легальных иммигрантов с официальным трудоустройством, контрактных работников, востребованных в экономике с дефицитом рабочей силы, нелегальных мигрантов, часто занятых на низкооплачиваемых должностях, а также беженцев, ищущих убежище по политическим и экономическим мотивам [47]. Международная трудовая миграция является системообразующим элементом мировой экономики и охватывает основные каналы — из развивающихся стран в развитые, перемещения между развитыми государствами, внутренние миграционные процессы, а также феномен «утечки мозгов» — миграции высококвалифицированных специалистов и научных кадров [46].

В рамках этой модели дифференцируются первичный и вторичный рынки труда, каждый из которых обладает спецификой функционала и структурных характеристик, представленную в таблице 1.1.

Таблица 1.1 - Особенность первичных и вторичных рынков труда

Особенности	Первичный рынок труда	Вторичный рынок труда
1. Уровень оплаты труда	Высокий	Низкий
2. Важнейшие зарплатообразующие факторы	Должность, стаж, квалификация, мера ответственности	Выработка, дисциплинированность
3. Специфика систем заработной платы	Высокая доля единовременных выплат, индивидуальный характер оплаты труда	Ведущая роль основной заработной платы, коллективная форма оплаты труда
4. Содержание труда	Творческий, высококвалифицированный труд	Исполнительский, рутинный труд
5. Условия труда	Хорошие	Плохие
6. Степень	Высокая	Низкая

ответственности за конечные результаты производства		
7. Поддержка со стороны профсоюзов	Большая	Слабая
8. Характер занятости	Стабильный	Прерывный
9. Особенности рабочего времени	Нормальная или ненормированная продолжительность рабочего дня, недели, года	Неполный рабочий день, неделя; сезонная и временная работа
10. Продолжительность трудовых контрактов	Долгосрочная	Краткосрочная
11. Доля женщин, молодежи, людей предпенсионного возраста, других лиц, особо нуждающихся в социальной защите	Низкая	Высокая
12.Степень социальной защищенности	Высокая	Низкая
13. Объем вложений в образование и профессиональную подготовку	Большой	Малый
14. Возможности продвижения по службе	Широкие	Ограниченные
15. Степень участия работников в управлении производством	Высокая	Низкая

Источник: North D.S. Why Democratic Governments Can't Cope with Illegal Migrations: Paper Presented at the OECD Conference on Migrations. Rome, 1991.

Первичный и вторичный рынки труда представляют собой две кардинально различные сферы трудовой занятости, каждая из которых

характеризуется своим набором специфических признаков, определяющих качество занятости, социальные гарантии и перспективы профессионального роста работников.

Первичный рынок труда ассоциируется с высококвалифицированной, творческой деятельностью, требующей глубоких компетенций и значительной ответственности. Здесь уровень оплаты труда традиционно высок, что обусловлено комплексом факторов — от занимаемой должности и стажа до степени квалификации и масштаба ответственности за конечные производственные результаты. Оплата на первичном рынке имеет более индивидуализированный характер, зачастую предусматривая значительную долю единовременных бонусных выплат, что стимулирует персональную инициативу и качество исполнения. Рабочие условия, как правило, соответствуют высоким стандартам — комфортная среда труда, стабильный режим рабочего времени с возможностью гибких графиков, включая ненормированный рабочий день. Трудовая занятость здесь стабильна, а трудовые контракты долгосрочны, что создает условия для уверенности в завтрашнем дне и планомерного профессионального развития. Социальная защищенность работников первичного рынка высока: сильные профсоюзы активно отстаивают интересы сотрудников, а компании инвестируют значительные ресурсы в образование и повышение квалификации своих кадров. Возможности карьерного продвижения и вовлеченности в управленческие процессы значительно шире, что способствует развитию профессиональной автономии и ответственности.

В отличие от первичного, вторичный рынок труда характеризуется низкой оплатой и преобладанием рутинных, исполнительских функций, зачастую лишенных творческого начала. Зарплатообразующие факторы здесь сводятся к выработке и дисциплине, а структура оплаты носит коллективный характер с ведущей ролью базовой заработной платы и минимальным использованием стимулирующих выплат. Условия труда на вторичном рынке

часто далеки от идеала — они могут быть неудовлетворительными, с высокой степенью неопределенности в организации рабочего времени, включая неполный рабочий день, сезонность и временные контракты. Занятость на вторичном рынке нестабильна, краткосрочна, что отражается на низком уровне социальной защиты работников. Профсоюзная поддержка здесь слабая, а инвестиции работодателей в образование и профессиональную подготовку минимальны, что ограничивает возможности для карьерного роста и развития. В социальном составе работников вторичного рынка преобладают женщины, молодежь, предпенсионные и иные социально уязвимые группы, что дополнительно подчеркивает необходимость усиления мер социальной поддержки в этой сфере. Участие работников в управлении и принятии решений минимально, что приводит к низкой вовлеченности и мотивации, а также к отсутствию перспектив долгосрочного развития.

Таким образом, первичный и вторичный рынки труда формируют двуполярную структуру занятости, где первая часть представляет собой качественно развитый сектор с высокими стандартами и устойчивыми социальными институтами, а вторая — уязвимую, низкооплачиваемую зону с ограниченными возможностями и повышенными рисками социальной нестабильности. Это разделение отражает глубокие системные диспропорции в экономике и требует комплексных политико-экономических мер для обеспечения сбалансированного развития трудовых ресурсов и сокращения социального неравенства.

Одно из важнейших векторов исследования в экономике труда — теория дуального рынка, впервые оформленная в конце 1960-х годов М. Пайором и П. Доринджером, которая выступает как концептуальный каркас, фиксирующий расщепление рынка труда на два полярных сегмента[170]. В духе этой парадигмы, в контексте развитых экономик, рынок труда преломляется через призму разделения: первичный сектор, концентрирующий

высококвалифицированные, хорошо вознаграждаемые позиции, доминирующие среди граждан страны, и вторичный, где концентрируется низкооплачиваемая, зачастую маргинализированная занятость, преимущественно занимая иностранные трудовые ресурсы. Позже теоретическая архитектура дополнилась введением анклавного сектора — своеобразного трудового гетто, где мигранты функционируют внутри этнически замкнутых сообществ, обслуживая своих же соотечественников. Эта дихотомия закрепляет взаимосвязь международной миграции с перманентным спросом на дешёвую рабочую силу в высокоразвитых экономиках, а также подкрепляет дисбалансы глобального развития, которые катализируют миграционные потоки. В рамках концепции «мировых систем» миграционные процессы часто локализуются в зонах постколониальных взаимоотношений, где исторические, экономические и культурные связи играют роль мостов между бывшими метрополиями и их бывшими колониями[170].

Другая значимая доктрина, теория «экономики мирохозяйственных связей» П. Линдерта, усиливает акцент на интернациональной интеграции и специализации в глобальном разделении труда. В её методологическом ядре лежит идея оптимального использования трудовых и прочих ресурсов как внутри национальных рынков, так и на внешнеэкономической арене, что порождает межгосударственное сотрудничество в целях удовлетворения комплексных потребностей экономик[83].

В этом же ключе развивается и концепция «геоэкономики» Э. Люттвука, для которой миграция предстает как тактический элемент национальной стратегии повышения конкурентоспособности государств. Согласно этой парадигме, несмотря на глубокую интеграцию в глобальную экономику, сохраняется существенный разрыв в уровне развития, который выступает одновременно и драйвером, и барьером трансформационных процессов. Дифференциация между высокоразвитыми, быстроразвивающимися и

отстающими странами фиксируется как базис для понимания динамики международной миграции, сопровождаемой переносом производств в регионы с низкими издержками труда и слаборазвитой социальной защитой, а также миграционными потоками из бедных государств в более благополучные[167,168].

Мировой рынок труда, лишённый жестких геополитических границ, формируется сквозь призму экспорта и импорта человеческого капитала, где регуляторными факторами выступают не только экономические индикаторы спроса и предложения, но и глобальные вариации в оплате труда, а также сложные политические и демографические трансформации. Концепция «нового международного экономического порядка» пытается развернуть механизм компенсации развивающимся странам за их вклад в мировую экономику посредством поставок рабочей силы, с особым вниманием к высококвалифицированным мигрантам. В отличие от классических подходов, данная модель фокусируется на компенсации всех связанных с миграцией издержек — от логистических до социальных — независимо от того, речь идет о постоянной иммиграции или временных трудовых перемещениях[170].

Большинство исследователей подчёркивают экономические драйверы миграционных процессов как ключевые мотивационные факторы, ссылаясь на мнение В. А. Ионцева, который выделяет стремление к улучшению карьерных и трудовых перспектив как главенствующий детерминант миграции [47]. В историко-теоретическом контексте, Э. Г. Равенштайн заложил основы миграционной теории, описав миграцию как многоаспектный, цикличный процесс, включающий явление возвратной миграции и связь с уровнем развития территорий [113,173]. Российские демографы, такие как В. И. Переведенцев и Л. Л. Рыбаковский, уточняют миграционные потоки как пространственно-дистанционные перемещения с длительной сменой места жительства, подчеркивая различие между внутрирегиональной мобильностью и более масштабными миграциями[114–116,173].

Современные интерпретации, например у профессора Саякбаевой, акцентируют мультифакторность и двуаспектность социально-экономических и демографических последствий миграции [123-128]. Ионцев предлагает системный взгляд, рассматривая миграцию как комплекс межпоселковых перемещений с воздействием на расселение и общественное развитие, что подчёркивает её пространственную и функциональную природу [129,130]. Дополнительно, Е. Ю. Садовская и О. Пискун фокусируются на регулируемых и политико-правовых измерениях миграционных потоков, отмечая их сложность и необходимость институционального контроля [109,119]. Л. А. Васильева расширяет поле рассмотрения, вводя транснациональную перспективу, где миграция — отражение этнополитических и социально-экономических трендов, демонстрируя междисциплинарность темы [26].

На примере Кыргызстана видно, как трудовая миграция влияет на социально-экономический контекст: около трети трудоспособного населения вовлечены в зарубежную работу, что влечёт как экономические выгоды, так и демографические и социальные вызовы [80,89]. В таких условиях управление миграцией становится приоритетом для устойчивого развития, требуя согласованной работы государственных институтов [152]. Итоговая авторская дефиниция трудовой миграции сводит её к процессу временного или постоянного перемещения экономически активного населения с многоаспектными детерминантами и влиянием на рынки труда стран-отправителей и стран-приёмников.

1.2. Методология оценки влияния трудовой миграции на экономику

Экономико-методологический анализ миграционных потоков не сугубо монолитен, а в синергии с гуманитарными и натурфилософскими дисциплинами, ибо миграция — это полидисциплинарный суперсистемный феномен, квантифицировать который лишь однобокими методиками

невозможно. В ранних 60-х, благодаря Чикагской школе (Беккер, Шульц, Минцер), возникла ключевая концептуализация человеческого капитала, которая пролила свет на миграцию как инвестиционный акт в потенциал индивида, с акцентом на ретроспективно-проспективную оценку выгоды от апгрейда навыков, здоровья и компетенций [17, 18, 142]. Эти гуру эконометрии ранжировали миграцию не просто как перемещение, а как вложение в человеческий потенциал с прямым триггером повышения доходности и продуктивности, где микроэкономика стала полем боя за личностно-ориентированный выбор между стагнацией и мобилизацией жизненных ресурсов [17]. Такой подход миграции раздвигает рамки традиционных экономических парадигм, воспринимая её как инструмент и катализатор социально-экономического капиталообразования. В эволюционной ретроспективе эта теория формирует новое идеологическое видение труда, где человек — актив, значимость которого растёт в такт технологическому прогрессу и когнитивному усилению мотивационных драйверов, влияющих на продуктивность как в макро-, так и микроуровнях производства. Это подкреплено эмпирическими наблюдениями, согласно которым с 1930-х в США именно «труд» с его кумулятивным набором качеств — образования, квалификации, миграционной динамики — стал драйвером роста ВВП, обгоняя традиционные факторы производства [177, 179].

Современные ландшафты рынка труда в развитых экономиках трансформировались, порождая предпосылки для трансграничной трудовой миграции, в отличие от менее развитых стран, где рынок остаётся менее гибким. Теория «новой экономической миграции» переориентирует аналитический фокус на семейные и групповые решения, где миграция — стратегический риск-менеджмент, минимизация уязвимости семьи в условиях социоэкономической нестабильности важнее простой зарплатной разницы. Стремление повысить статус и обеспечить соцподдержку родственникам в странах с деградирующими системами социальной защиты становится

доминантой мотивационной матрицы мигрантов [180]. Эта теория подчёркивает внутренне семейные дисбалансы в восприятии миграционной выгоды, порождая феномен «зависимых остающихся мигрантов» и стратегическую дихотомию оценок у супругов. Для эвалюации влияния трудовой миграции на экономические индикаторы применяются сложносоставные эмпирико-статистические модели, включая регрессионные инструменты, способные калибровать влияние на ВВП, занятость и производительность, обеспечивая полифакторный анализ и предиктивные инсайты [172].

Методология мультипликативного анализа, будучи в эконометрике одним из краеугольных камней изучения миграционных трансформаций, фокусируется на выявлении комплексных цепных реакций — от создания новых рабочих ниш до экспансии потребительского спроса и мультисекторного возрастания спроса на товары и услуги. Имманентно мультипликаторы отображают как трудовые миграционные векторы конвертируются в экономический динамизм на микро- и макроуровнях, локализуя эффект в региональных или национальных экономических системах, что позволяет прослеживать индуктивный рост [120-122]. Параллельно сравнительный анализ функционирует как инструмент дескриптивного сопоставления миграционных феноменов в геоэкономических кластерах с разной интенсивностью миграционных процессов, выявляя корреляционные и причинно-следственные связи между миграцией и экономическими индикаторами, такими как ВВП, уровень жизни и показатели занятости. Это позволяет дифференцировать влияние миграционных потоков в зависимости от контекстуальных условий и экономического ландшафта [120-122]. Далее, анализ баланса доходов и расходов внедряется в систему мониторинга миграционного влияния через призму налоговой базы, расходов на социальную поддержку и

государственных трансфертов, интегрируя фискальные последствия миграции в общую экономическую модель.

Ключевые индикаторы, через которые транслируется миграционный импульс, включают динамику численности мигрантского контингента с учетом демографо-профессиональной стратификации, структурные сдвиги на рынке труда, влияние на уровень заработных плат — как абсолютизированный, так и дифференцированный — а также вариации производительности труда по секторам и финансовые вливания в бюджетные и внебюджетные фонды через налогообложение и социальные взносы [123-128]. Оценка миграционного эффекта предопределена конъюнктурой миграционной политики, степенью социокультурной интеграции мигрантов, а также политической стабильностью принимающих территорий. Миграционные процессы носят амбивалентный характер, генерируя как инъекции экономического роста, так и дисбалансы, обусловленные социально-политическими и культурными аспектами, что требует мультидисциплинарного и комплексного подхода в методологии, включая как теоретическую, так и эмпирическую верификацию моделей для эффективного управления миграционными трендами [129].

Попытка деконструировать миграционные потоки демонстрирует их многоаспектность и динамическую природу, подлежащую классификации по направленности, степени институционализации, мотивационным детерминантам и временным параметрам. В зависимости от геополитического вектора выделяются внутренние потоки, охватывающие мобильность внутри национальных административных территорий, и внешние — трансграничные миграционные операции с выездом (эмиграция) и въездом (иммиграция) [13]. В административно-территориальной парадигме классификация включает внутриобластные миграции — локальные перемещения в пределах одной области, межобластные — между регионами с гомогенными экономическими характеристиками, и межрайонные — трансферты между крупными

экономическими районами, оказывающими значимое воздействие на региональные социально-экономические конгломераты [13].

Данная типология расширяет горизонты понимания миграции, предоставляя контекстуализацию её многообразия и влияния на экономические и социальные структуры. Среди направлений миграционных потоков особое значение имеет перемещение из малых сельских агломераций в более крупные села, мотивированное поиском повышения качества жизни и возможностей трудоустройства, а также село-городская миграция, представляющая собой драйвер урбанизационных процессов и демографического роста городских центров, сохраняющих своё актуальное значение в современной трансформации страны [13].

Рис. 1.1. **Классификация миграционных потоков**

Источник: [13]

В контексте теории миграционных потоков особое значение приобретает анализ социально-экономических эффектов для стран-реципиентов и стран-доноров. Общая экономическая динамика миграции для стран-экспортеров складывается из множества переменных, отражённых в таблице 1.2, которые включают влияние на рынок труда, денежные переводы, демографические сдвиги и изменения в социальных структурах.

Таблица 1.2 - Возможные социально-экономические последствия миграции для стран-экспортеров рабочей силы

Позитивные	Негативные
Приобретение работниками новой квалификации, развитие человеческого капитала, повышение качества и конкурентоспособности рабочей силы.	Рост дисбаланса на рынке труда между спросом и предложением по наиболее востребованным профессиям.
Пополнение доходной части платежного баланса страны.	Утечка умов, потеря лучших специалистов.
Ослабление напряжения на внутреннем рынке труда снижение общего уровня безработицы, экономия средств, направляемых службой занятости на создание дополнительных рабочих мест и выплату пособий по безработице.	Вероятность превращения временной трудовой миграции в эмиграцию.
Рост сбережений населения, формирование инвестиционных ресурсов страны.	Ухудшение демографических процессов: отложенные рождения, отрыв от семьи, плохие условия труда, ухудшающие здоровье.
Мультипликационный эффект за счет дополнительного потребления товаров домашними хозяйствами, получающими переводы мигрантов, и увеличения платежей косвенных налогов.	

Источник: Савеленко Д.В. Прогнозная оценка социально-экономических последствий развития трудовой миграции в России.// Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6

Социально-экономические трансмодуляции миграционного феномена для стран-экспортеров, по существу, приобретают характер многомерного гетерогенного комплекса, где плюсы и минусы сплетаются в трудноразрешимый узел[194].С одной стороны, происходит апгрейд человеческого капитала через эффект скилл-аккруализации — мигранты,

экспонируя себя на внешних рынках, обогащают профессиональный багаж, что в ретроспективе трансформируется в качественный прирост конкурентоспособности трудового ресурса в исходных странах. Этот феномен выступает не только как инъекция в человеческий потенциал, но и как катализатор инновационно-структурных сдвигов в национальных экономиках, способствуя диверсификации и технологическому апгрейду[194].

Финансовый аспект миграционной динамики вносит вклад в платежный баланс через приток валютных переводов, что усиливает макроэкономическую устойчивость и капитализацию внутреннего рынка. В совокупности с экономией на социально-страховых издержках, связанных с меньшей нагрузкой на службу занятости, создается предпосылка для стабилизации бюджетных потоков и перераспределения ресурсов в сторону долгосрочного развития. Однако, не стоит забывать о феномене утечки мозгов — loss of intellectual capital, где страны-источники теряют наиболее ценные кадры, что обостряет вызовы инновационного развития и повышает зависимость от внешних технологий и компетенций[194].Кроме того, возможна трансформация временной миграции в долговременную эмиграцию, что снижает демографический потенциал и создает негативные мультиуровневые эффекты на социокультурный ландшафт.

Демографическая составляющая миграционных процессов осложняется отложенными демографическими актами — снижение рождаемости, деструктивные изменения семейных связей, а также погружение мигрантов в условия, несовместимые с нормами охраны здоровья, что приводит к хроническому ухудшению состояния трудоспособного населения[194].

Таким образом, миграционные процессы представляют собой сложную палитру противоречивых эффектов, где позитивные импульсы неизбежно сопряжены с рисками и вызовами, требующими разработки инновационных управленческих стратегий и междисциплинарных подходов к смягчению негативных последствий[194].

Говоря о социально-экономическом профиле стран-импортеров рабочей силы, возникает неоднозначная когерентность, где позитивы и негативы, словно две неразрешимые стороны одной медали, создают калейдоскоп парадоксальных эффектов[170]. С одной стороны, инклюзия мигрантских трудовых ресурсов в локальную экономику функционирует как своеобразный триггер, расширяющий сферу трудового приложения за счет заполнения вакантных ниш, которые местное население по разным причинам фрустрационно игнорирует, что в итоге смягчает дефицит квалифицированных или неквалифицированных кадров, влияя на сбалансированность рынка труда и его адаптивность[194].Такая «мягкая» интеграция приводит к снижению издержек производства и, соответственно, повышению конкурентоспособности отечественных товаров и услуг, благодаря чему формируется некий экономический синергизм на уровне микросистемы и макросреды. Тем не менее, этот эффект сопряжен с довольно-таки негативной стороной – блокированием технологического прогресса в части трудосберегающих инноваций из-за приоритета дешевой рабочей силы, что порождает стагнацию в модернизации производственного комплекса и снижает уровень общей инновационной активности экономики[194].

Отдельно стоит отметить социально-экономическую дилемму, связанную с усилением конкуренции на внутреннем рынке труда, где мигранты, выступая в роли субститутов местных работников, оказывают давление на зарплатные политики, вызывая маргинализацию и депривацию менее квалифицированных слоев населения. В такой динамике возникает парадокс: хотя миграция и способствует мультипликативному росту занятости и объемов производства, одновременно усиливается социальная фрагментация, обусловленная перераспределением доходов и ростом социальной напряженности, что ведет к неравномерному развитию трудовых сегментов и потенциально запускает механизмы усиления неформальной экономики и коррупционных практик[194].

Таблица 1.3 - Возможные социально-экономические последствия миграции для стран-импортеров рабочей силы

Позитивные	Негативные
Расширение сферы приложения труда за счет заполнения свободны рабочих мест, которых собственное население избегает. Удовлетворение потребностей рынка в рабочей силе необходимой квалификации.*	Блокирование внедрения трудосберегающих технологий в результате использования более дешевой рабочей силы.
Повышение конкурентоспособности производимых страной товаров вследствие снижения издержек производства, связанных с более низкой ценой привлеченной рабочей силы.	Осложнение ситуации на внутреннем рынке рабочей силы, усиление конкуренции за рабочие места. Снижение заработной платы местных работников, маргинализация менее квалифицированных работников.
Мультипликационный эффект за счет роста производства и стимулирования дополнительной занятости.**	Отток денежных средств из страны, полученных мигрантами в виде доходов.
Экономия на затратах на образование и профессиональную подготовку квалифицированных работников.	Зависимость от иностранной рабочей силы в отношении отдельных видов работ.
Стимулирование вертикальной мобильности местных работников.	Возникновение дополнительных условий для развития «теневой экономики» и коррупции.
Создание предпосылок для привлечения иностранных инвестиций и внедрения новых технологий.	Расходы на социальные, языковые, обучающие адаптационные программы для мигрантов, возникновение иммигрантских кварталов.

** Иностранные рабочие могут рассматриваться как определенный амортизатор: в случае социально-экономических кризисов и безработицы они первыми могут быть уволены.*

*** Иностранные рабочие, предъявляя дополнительный спрос на товары и услуги, способствуют образованию дополнительных рабочих мест, развитию инфраструктуры, происходит увеличение доходной части бюджета за счет роста поступлений от различного рода налогов и сборов.*

Источник: Савеленко Д.В. Прогнозная оценка социально-экономических последствий развития трудовой миграции в России.// Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6

Финансово-экономический контекст миграционных процессов также неоднозначен: с одной стороны, происходит экономия на инвестициях в образование и профессиональную подготовку, что в краткосрочной перспективе снижает издержки работодателей, с другой – растет зависимость от иностранных кадров в ключевых секторах экономики, что ставит под вопрос стратегическую автономию и устойчивость рынков труда. В условиях миграционного давления возрастает нагрузка на социальную инфраструктуру, проявляющуюся в необходимости развертывания программ адаптации, включая языковую и культурную интеграцию мигрантов, что требует дополнительных бюджетных ресурсов и политических усилий, особенно в урбанистических ландшафтах с формированием иммигрантских анклавов[194].

Таким образом, социально-экономические последствия миграции для стран-импортеров представляют собой сложный гибрид позитивных и негативных эффектов, что требует выработки новых стратегий миграционного менеджмента, способных обеспечить баланс между экономической эффективностью и социальной стабильностью в условиях глобальной мобильности рабочей силы.

Оценка миграционных процессов и их экономического эффекта должна учитывать различные временные горизонты, так как последствия миграции могут различаться в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе. Миграция из слаборазвитых стран в развитые страны является основным направлением международной трудовой миграции. Для развитых стран это означает обеспечение ключевых отраслей и инфраструктурных служб рабочей силой, без которой невозможно поддержание производственного процесса и повседневной жизни. Миграционные потоки,

будь то внутренняя или международная миграция, связаны с изменением места жительства на срок более полугода [34, 35].

Миграционные потоки людей могут быть проанализированы, дифференцированы и классифицированы с учетом различных факторов (таблица 1.4).

Таблица 1.4 - Индикаторы миграционных потоков

Индикаторы миграционных потоков	**Описание**
Длительность пребывания	Длительность пребывания – главная переменная. Нужно в целом различать временную, полупостоянную и постоянную миграцию. Более детально выделяются еженедельные, ежемесячные миграции, раз в полгода, раз в год, раз в пять лет, и пребывание в течение нескольких лет, в случае повторных миграций, определяются их частота и интервал. На основе продолжительности пребывания могут, также проводится различия между мобильностью, миграцией и иммиграцией.
Место	Характер миграции можно определить через изменение местопребывания и места жительства, и также через смену типа/характера поселения, отсюда сельско-сельские, сельско-городские, городские-городские, городские-сельские миграции. Для большей определенности следует также различать место, где работает человек, и место, где он проводит свой досуг.
География	Различают миграции на короткие, средние и дальние расстояния. В зависимости от этого различают местные, региональные межрегиональные, внутриконтинентальные, межконтинентальные и глобальные миграции, а по направлениям миграций, такие как, Восток-Запад, Юг-Север и Север-Юг.
Цель	Миграции различают в зависимости от цели. Например, является ли цель миграции рекреационной, деловой или это – трудовые миграции (занятость, экономические мотивы),

	образовательные, связанные с решением семейных проблем, или это – бегство от бедствия или преследования (вынужденная миграция).
Характер принятия решения	Другое важное различие – является ли миграция добровольной или вынужденной, хотя «серая область», находящаяся между этими типами гораздо шире, чем два четких полюса.
Характеристики основных участников (акторов)	Участников миграций различают по полу, возрасту и этнической принадлежности. По доминирующей группе участников миграций выделяют специфические миграции, (например, трудовая миграция, беженцы, вынужденная миграция из-за низкого уровня жизни в стране).
Профессиональные качества	Миграционный поток также различают в зависимости от уровня образования, профессий мигрантов. Следовательно, различают миграции неквалифицированных, низко-, средне- и высококвалифицированных мигрантов. С учетом профессионального состава мигрантов, выделяют, например, миграции рабочих, сотрудников системы здравоохранения и инженерно-технических специалистов и т.д.
Количество	Кроме того, миграции иногда различают по видам в зависимости от числа вовлеченных в нее участников. Речь может идти об индивидах, семьях, группах или массовых миграциях.
Правовой статус	По правовому статусу выделяют законных или незаконных мигрантов, а также различные их категории в соответствии с законодательством страны приема. Последние, однако, несопоставимы, поскольку каждая страна имеет специфические и исторически сложившиеся подходы.
Культурная составляющая	Разные типологии с разной четкостью определяют категорию «культурная дистанция». По этническим, культурным, религиозным или лингвистическим особенностям мигранты могут быть близки к обществу страны приема, в другом случае, принимающее общество может отличаться от мигрантов, имеющих совсем другое культурное

	происхождение.
Исторический характер	Миграции имеют историческую специфику и совершаются в конкретных исторических условиях. Следовательно, можно провести соответствующую периодизацию миграций. В современных условиях обычно выделяют от четырех до шести периодов (от меркантилизма до глобализации). Относительно недавно возникла еще одна категория, так называемые «новые миграции», черты которой только определяются.

Источник: Данный перечень основан на международных методологических подходах, включая рекомендации Организации Объединённых Наций и Международной организации по миграции.

В государственных стратегемах типологизации миграционных конгломератов они проектируются не просто ради систематизации, а как инструментарий для опосредованного управления потоками демо-мобилизации, где категории — юридические и институциональные — часто становятся объектом метаморфоз дискурсивных баталий, влекущих политико-административные конвульсии и обладающих силой знаковой детерминации. Оттого их архитектоника требует экзегетической аккуратности и синтетической глубины.

Социально-экономический функционал миграции крутится вокруг сохранения и реструктуризации популяционной мобильности, включающей диаспорические трансферты в индустриальные узлы и новообразующиеся регионы, что инициализирует оптимизацию ресурсного потенциала трудового капитала и мультипликативный рост производственной динамики. Однако дихотомичность миграционных последствий очевидна: с одной стороны, они переформатируют ландшафт трудового рынка, трансмутируют статусные и экономические траектории субъектов, а с другой — могут провоцировать концентрацию безработицы и усиление давлений на социнфраструктуру, с последующим демпфированием уровня жизни автохтонного населения. Такая

миграционная конденсация вызывает экономический спад в депопулируемых регионах и концентрирует антропогенные массы в локомотивных центрах. Эти парадоксы — в фокусе государственной миграционной парадигмы Кыргызской Республики, требующей системной адресации и междисциплинарной интервенции [129].

1.3. Опыт зарубежных стран регулирования внешней трудовой миграции с целью повышения экономического роста

В условиях глобализации и трансформации мировых рынков труда вопросы институционального регулирования внешней трудовой миграции приобретают особую актуальность для развивающихся государств, обладающих демографическими, социально-экономическими и инфраструктурными параллелями с Кыргызской Республикой. Анализ опытов таких стран позволяет выявить инновационные механизмы, способствующие мобилизации миграционного потенциала как драйвера устойчивого экономического роста.

Одним из ключевых феноменов современного миграционного менеджмента выступает мобильностимулирующая политика (mobility-stimulation policy), которая направлена на создание гибких институциональных рамок, сочетающих защиту прав мигрантов с формированием оптимальных условий для трансфера финансовых и нематериальных ресурсов в экономику страны происхождения. В качестве примера можно рассмотреть практики Индонезии и Филиппин — стран, где миграционные потоки имеют ярко выраженный экспортный характер рабочей силы.

Индонезия внедрила концепт микрорамочной миграционной политики (micro-framework migration policy), предусматривающей дифференцированный подход к подготовке и сертификации мигрантов с

учетом отраслевых и территориальных особенностей, что повышает качество трудового потенциала на внешних рынках и способствует формированию устойчивых транснациональных цепочек создания стоимости. Особое значение имеет механизм мультистейкхолдерного взаимодействия (multi-stakeholder engagement), в рамках которого государственные структуры, частный сектор и гражданское общество координируют усилия по мониторингу и сопровождению мигрантов.

Филиппины, в свою очередь, реализуют модель превентивного миграционного регулирования (preventive migration regulation), акцентируя внимание на предупреждении социально-экономических рисков, связанных с миграцией, через создание интегративных систем социальной поддержки и программ профессиональной переподготовки на родине. Инновацией здесь является внедрение цифровых платформ для управления миграционными потоками и контроля качества занятости за рубежом, что позволяет минимизировать нелегальную миграцию и оптимизировать экономические эффекты от миграционных переводов.

В странах Латинской Америки, таких как Перу и Колумбия, практика регулирования трудовой миграции опирается на концепцию региональной миграционной синергетики (regional migration synergy), направленной на стимулирование сотрудничества между странами происхождения и принимающими государствами в рамках региональных интеграционных объединений. Это способствует не только укреплению трансграничной мобильности, но и развитию трансферов технологий, инвестиций и знаний, что благоприятно влияет на структурную перестройку национальных экономик.

Анализ вышеуказанных кейсов выявляет универсальные инструменты и методологические подходы, применимые и в контексте Кыргызской Республики. Применение концепции прогрессивного миграционного менеджмента (progressive migration management) — системного подхода,

включающего цифровизацию, социальную инклюзию и межсекторное сотрудничество — может стать фундаментом для повышения экономической динамики страны через эффективное использование миграционного капитала.

Важнейшим аспектом становится разработка и внедрение адаптивных регулятивных рамок, обеспечивающих баланс между защитой интересов трудовых мигрантов и стимулированием экономической активности на национальном уровне. Комплексная миграционная политика должна опираться на эмпирически обоснованные индикаторы миграционной устойчивости и экономического возврата, что позволит обеспечить долгосрочную социально-экономическую синергетику в условиях повышенной глобальной мобильности населения.

Представленная таблица 1.5 систематизирует комплексные подходы развивающихся стран, функционально конгруэнтных с Кыргызской Республикой, к институционализации и стратегическому управлению внешней трудовой миграцией. В фокусе анализа – выявление синергетических паттернов и трансформационных векторов, способных активизировать миграционный потенциал как катализатор социально-экономического прогресса.

Таблица 1.5 – Сравнительный анализ опыта зарубежных развивающихся стран, имеющих схожие с Кыргызской Республикой социально-экономические условия, по регулированию внешней трудовой миграции с целью повышения экономического роста

Страна	**Основные особенности регулирования миграции**	**Ключевые механизмы и инструменты**	**Экономический эффект и достижения**	**Применимость для Кыргызстана**
Индонезия	Мобильностимулирующая политика (mobility-stimulation policy)	Дифференцированная подготовка мигрантов, мультистейкхолдерное взаимодействие	Рост квалификации мигрантов, стабильный приток	Повышение качества мигрантов, создание транснациональны

Страна	Основные особенности регулирования миграции	Ключевые механизмы и инструменты	Экономический эффект и достижения	Применимость для Кыргызстана
			миграционных переводов	х цепочек стоимости
Филиппины	Превентивное миграционное регулирование (preventive migration regulation)	Цифровые платформы мониторинга, социальная поддержка мигрантов, переподготовка	Минимизация нелегальной миграции, рост влияния трансфертов на экономику	Внедрение цифровых инструментов и социальной адаптации мигрантов
Перу	Региональная миграционная синергетика (regional migration synergy)	Сотрудничество в рамках региональных объединений, трансфер технологий	Усиление экономической интеграции, рост инвестиций и знаний	Создание партнерств с соседними странами для развития миграционной политики
Колумбия	Региональная миграционная синергетика с акцентом на интеграцию мигрантов	Межгосударственные программы занятости и профессионального обучения	Развитие рынка труда, снижение социальной напряженности	Развитие программ профессиональной подготовки и социальной поддержки
Бангладеш	Акцент на правовую защиту и социальную инклюзию мигрантов	Законодательные меры, программы финансовой грамотности, поддержка семей мигрантов	Увеличение миграционных переводов, укрепление социальной стабильности	Разработка законодательной базы и программ поддержки мигрантов

Источники:

Индонезия:

https://documents1.worldbank.org/curated/en/946351511861382947/pdf/121691-Indonesias-Global-Workers-Juggling-Opportunities-Risks.pdf?utm_source=chatgpt.com

Филиппины: https://www.migrationpolicy.org/article/philippines-migration-next-generation-ofws?utm_source=chatgpt.com

Перу: Inter-American Development Bank Report on Migration in Perupublications.iadb.org

Колумбия: https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/975611641931193943/colombia-social-and-economic-integration-of-migrants-development-policy-financing?utm_source=chatgpt.com

Бангладеш: https://www.migrationpolicy.org/article/bangladesh-migration-remittances-profile?utm_source=chatgpt.com

Во-первых, в Индонезии и Филиппинах реализуются концепты, отражающие новый тип управления миграционными ресурсами: мобильностимулирующая политика и превентивное миграционное регулирование. Эти феномены воплощают собой парадигму управляемой мобильности, которая трансформирует традиционное восприятие миграции как фактора риска в конструктивный драйвер экономического роста. Дифференцированная подготовка мигрантов, мультистейкхолдерное взаимодействие и цифровые платформы — не просто инструменты, а компоненты многоуровневой миграционной инфраструктуры, повышающей адаптивность и конкурентоспособность национального трудового капитала на глобальной арене[195].

Во-вторых, опыт стран Латинской Америки (Перу и Колумбия) демонстрирует эволюцию миграционной политики в направлении региональной миграционной синергетики — институционального феномена, призванного активизировать межгосударственное сотрудничество и обмен не только трудовыми ресурсами, но и технологиями, знаниями и инвестициями [197, 198].

Такой подход формирует пространство для мультипликативного эффекта, позволяющего миграционным процессам трансформироваться из

изолированных событий в структурные экономические феномены, способствующие диверсификации и модернизации национальной экономики.

Наконец, пример Бангладеш указывает на необходимость интеграции правовой защиты и социальной инклюзии в комплекс миграционного регулирования. Этот аспект является краеугольным в формировании устойчивой миграционной политики, поскольку он снижает транзакционные издержки, минимизирует маргинализацию трудовых мигрантов и способствует росту трансграничных денежных переводов, являющихся важнейшим элементом национального дохода [199].

Таким образом, совокупность выявленных практик образует инновационный транснациональный референтный каркас, который может быть адаптирован к реалиям Кыргызской Республики. Ключевой вызов — интеграция данных подходов в единую модель прогрессивного миграционного менеджмента, способного обеспечить не только экономическую эффективность, но и социальную справедливость. Внедрение цифровых инструментов, развитие многосторонних коалиций и формализация социально-инклюзивных политик выступают базисом для создания устойчивого миграционного цикла, актуализирующего внутренний потенциал страны в условиях глобальной турбулентности.

В заключение, на основе данного анализа можно утверждать, что опыт зарубежных государств предлагает уникальные методологические ресурсы для выстраивания адаптивных и комплексных стратегий миграционного регулирования, способствующих не только повышению миграционной устойчивости, но и катализу экономической инновационности в контексте национального развития Кыргызской Республики.

Соединённые Штаты, будучи конституированы как архетип полимигрантского государства, с течением веков развивали дихотомическую парадигму регулирования миграционного присутствия, где институализировались две магистральные стратегии, исполненные как

эксплицитного, так и латентного содержания. Первая — это квазисегрегационная диспозиция, сопряжённая с системной дискриминацией автохтонных популяций, афроамериканцев и их потомственных группировок, функционировавшая в парадигме правового исключения. Вторая — это проассимиляционная матрица, репрезентирующая собой своего рода социокультурную рекомбинацию, ставившую целью инкорпорацию мигрантских этноединиц в доминирующий культурно-нормативный канон. Она культивировалась на концептуальной установке о необходимости унифицированной аксиосферы, как онтологической базы для формирования новоамериканской нации. Визуализацией данной модели явилась метафора «melting pot», функционирующая в глобальной миграционной риторике как универсалистская формула адаптации [142].

Однако, начиная с 1960-х годов, в интеллектуально-политическом дискурсе США фиксируется парадигматический сдвиг. На повестку выносится критика ассимиляционистского императива, трактуемого как эпистемологически несостоятельный и демократически контрадикторный. Поднимается вопрос о недопустимости насильственного эквивалентирования культур и ликвидации идентификационной множественности. В этой контекстуализации формируется коммунитаристская аргументация, где мультикультурализм артикулируется как квазиполитическая доктрина, способная синхронизировать индивидуально-правовые и этноколлективные притязания на самосохранение. Концептуализация Ч. Тэйлора и У. Кимлики представляет здесь аксиологическую опору: они настаивают на нормативном сопряжении плюралистической этнокультурности с идеей гражданского единства как суверенного института [150].

Континентальная Европа, в свою очередь, оказалась в ином историко-демографическом модусе. Здесь на протяжении веков преобладало стационарное население, этноисторически гомогенизированное, что в значительной мере усложнило последующую рецепцию экзогенных

миграционных потоков. Особенно в постколониальный период, когда в европейские юрисдикции хлынули субальтернативные культурные страты с иными цивилизационно-ценностными параметрами. При этом, с известными оговорками (например, исключениями в виде Франции или Германии), «туземные» этнические меньшинства к исходу XX века в значительной мере прошли траекторию институциональной интеграции [145].

Французская модель представляет собой гиперполитизированный вариант интеграционизма с доминантой на ускоренную натурализацию как способ редукции культурной инаковости. Центральным здесь является понятие «республиканской идентичности», апеллирующей к абстрактным принципам универсализма. Эта модель имманентно отрицает валидность этнокультурной спецификации в публичной сфере, тем самым исключая возможность позитивного признания мультикультуральных требований. Государственные структуры, такие как Совет по интеграции (созданный в 1989 году), в значительной степени функционировали в парадигме институциональной иерархии, в которой мигранты редко имели доступ к процедурам политического артикулирования собственных интересов [155].

В то же время итальянская траектория демонстрирует иной вектор — здесь миграционная проблематика манифестировалась на фоне экономической инстабильности и перманентного функционирования теневой экономики. Это создало пространство парадоксальной зависимости: потребность в дешёвой, фрагментированной рабочей силе сочеталась с ростом ксенофобийного рефлекса и ужесточением нормативных барьеров. Существенное влияние оказал и вектор евроинтеграции, к которому Италия примкнула в фазе уже сформированных миграционных протоколов на Севере Европы. Таким образом, возникла модель гибридной регулируемости, в которой официальные нарративы инкорпорации вступали в конфронтацию с латентной экспульсией [144].

Гендерная картография международной миграции, верифицированная по двадцати ключевым миграционным полюсам (рис. 1.1 и 1.2) [87], демонстрирует устоявшиеся паттерны феминизации и маскулинизации перемещений.

В англосаксонских и франкоконтинентальных юрисдикциях (США, Канада, Франция, Испания, Италия), равно как и в некоторых странах Южной Азии (например, Индии), наблюдается превалирование женской компоненты в миграционном флюксе. В отличие от этого, в ряде азиатских и ближневосточных нефтогосударств, таких как Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт, миграционное пространство маскулинизировано — здесь преобладают трудовые когорты с ярко выраженной гендерной асимметрией, зачастую интегрированные в гиперэксплуатируемые производственные цепочки.

Это, по существу, коренится в экономумическом профилировании указанных юрисдикций, где превалируют сектора с повышенной мигрантской тяготеемостью — а именно индустрия строительного комплекса и паралегальный сегмент охранной деятельности, обладающий специфической кадровой проницаемостью. Наряду с этим, формируются и воспроизводятся целые констелляции социогуманитарных детерминант — начиная от перманентного дефицита базовой антропологической безопасности до латентных кодексов культурной нормативности, не всегда поддающихся операционализации в правовых рамках.

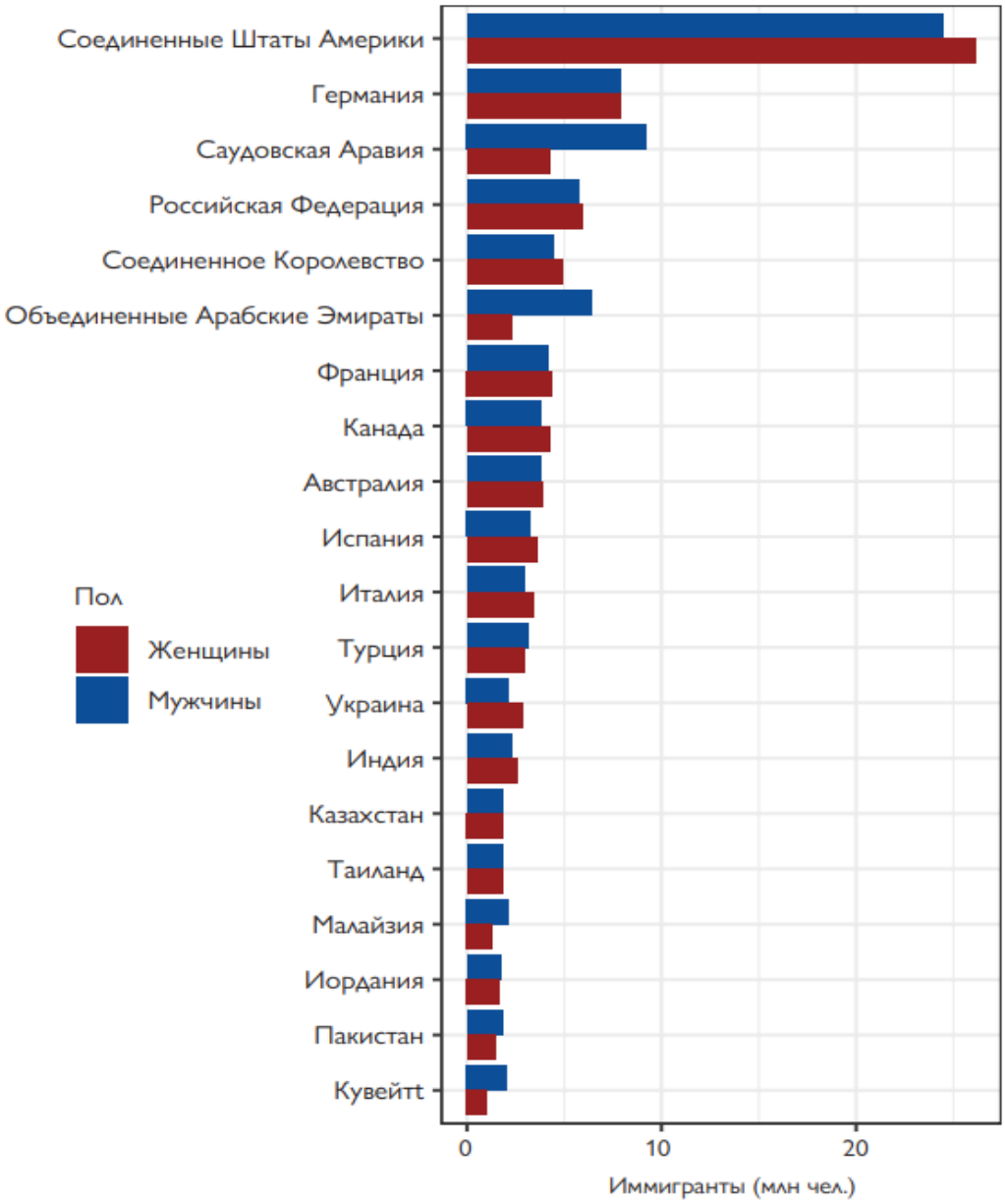

Рисунок 1.1. 20 основных стран назначения международных мигрантов в разбивке по полу, млн чел.

Источник: Маколифф М. и Л.А. Оучо (под ред.), 2024. Доклад о миграции в мире 2024. Международная организация по миграции (МОМ), Женева[87].

В общественном понимании миграционное движение функционирует как медиатизированная проекция аномии. Оно врастает в коллективное бессознательное как источник рисков, ассоциируемых не столько с конкретным правонарушительным действием, сколько с самим фактом инаковости. Это конституирует «семиотику угрозы», где инаковость мигранта трактуется как нарушение локального символического порядка.

Подобные когнитивные конструкции, подкрепляемые рестриктивными и фрагментированными иммиграционными механизмами, реализуются в форме нормативного ксенофильтра — правового инструмента, регулирующего не просто перемещение тел через границы, но и их степень легитимности в социальном теле нации. Именно здесь происходит то, что можно обозначить как перманентное продуцирование миграционного напряжения: каждая новая волна усиливает уже существующие формы социальной фрустрации, а сама политика — вопреки декларативной функциональности — начинает работать на аффективную мобилизацию против миграционного присутствия [151].

Следовательно, нельзя не отметить, что такая институционально закреплённая антимигрантская оптика продуцирует эффекты дехуманизации, маргинализации и геттоизации, в которых мигрант оказывается не просто объектом управления, но и носителем символического загрязнения — некого чужеродного культурного кода, подлежащего или ассимиляции, или вытеснению.

В свою очередь, трансформируется в устойчивый социокультурный миф о «чужаке» как экзистенциальной угрозе. Этот нарратив, обильно подпитываемый медиаконтентом с элементами морализаторского драматизма, индуцирует феномен аффективной сегрегации, в рамках которой мигрант перестаёт восприниматься как субъект, обладающий правом на включённость, а становится объектом социального отчуждения.

Подобное состояние, именуемое в критической миграциологии «институционализированным параноидным гостеприимством», приводит к формированию полупроницаемой границы: формально инклюзивной, но де-факто эксклюзивной. Мигранты при этом становятся заложниками правовой асимметрии — они допускаются в экономический организм, но не в культурно-политическое тело нации. Такое «экономико-антропологическое

расщепление» [151] обостряет социальную напряжённость и рождает феномены микродискриминации и латентной ксенофобии.

Дополнительно стоит учитывать, что усиливающаяся институциональная бюрократизация процедур легализации и аккультурации создает эффект «социального лабиринта», в котором мигрант вынужден существовать в режиме постоянной неопределённости. Эта ситуация провоцирует рост неформальных стратегий адаптации, включая трудовую инвизибилизацию, теневую экономику и создание диаспоральных экосистем как альтернативных каналов социальной поддержки.

Не последнюю роль играет и политико-экономическая бифуркация: с одной стороны, правительства декларируют гуманистические принципы и необходимость инклюзии, с другой — в целях электорального самосохранения усиливают протекционистские риторики. Этот дуализм, в сущности своей, воспроизводит цикл институционального недоверия и усугубляет противостояние между коренным населением и мигрантскими когортами.

Таким образом, иммиграционная политика, в условиях глобализированной экономики и неустойчивых геополитических конфигураций, всё чаще приобретает форму адаптационного контракта с отсроченной лояльностью, при котором ожидается ассимиляция без предоставления полноценных правовых, культурных и гражданских атрибутов принадлежности.

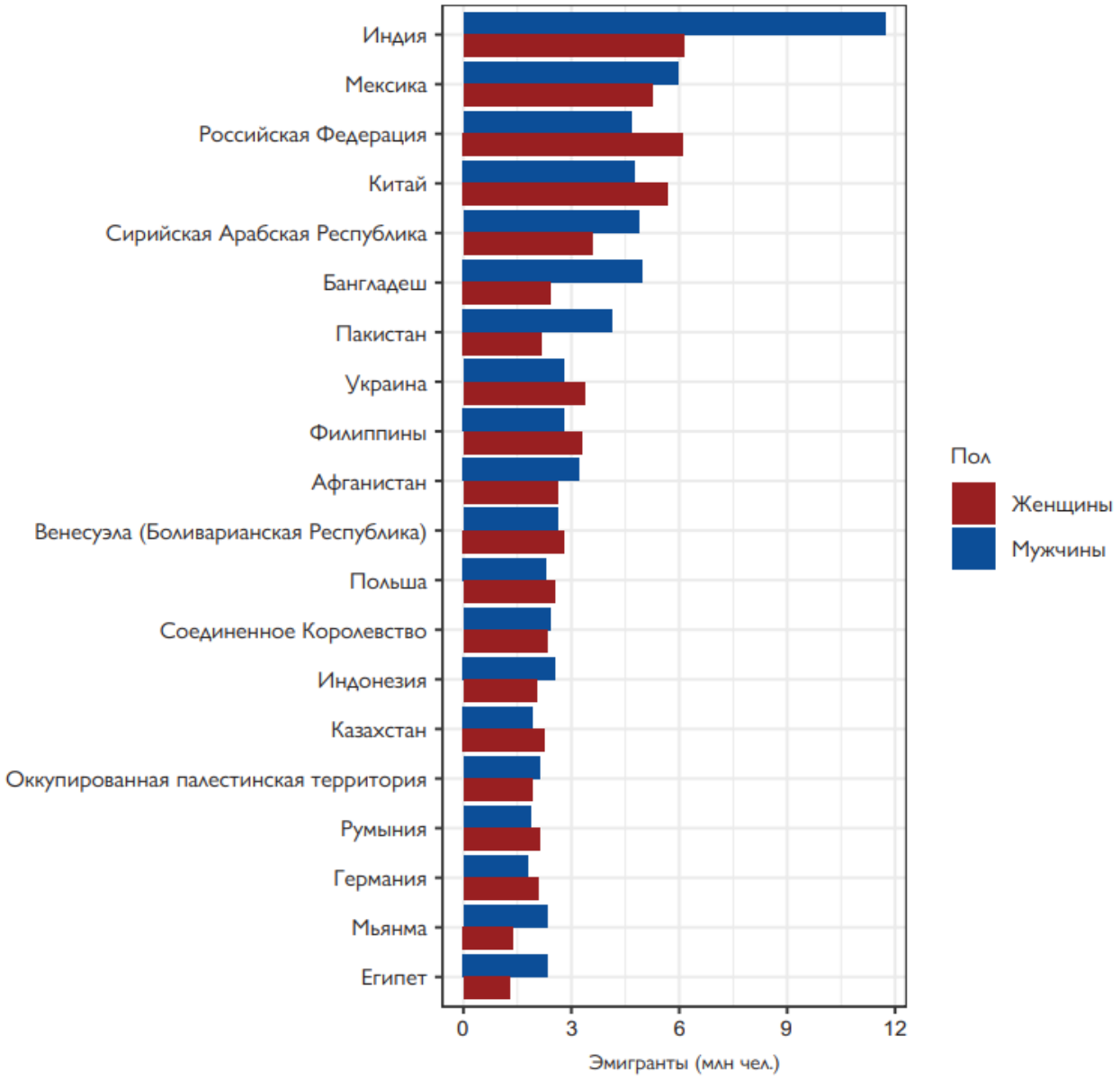

Рисунок 1.2. 20 основных стран происхождения международных мигрантов в разбивке по полу, млн чел.

Источник: Маколифф М. и Л.А. Оучо (под ред.), 2024. Доклад о миграции в мире 2024. Международная организация по миграции (МОМ), Женева [87].

Жёсткие, подчас парадоксально дихотомичные регуляторные меры, артикулированные в плоскости легальной иммиграции, параллелизируются с удивительно расслабленным визовым режимом для туристов и архитектурно-протяжённой, топографически недружественной для охраны береговой линией, что, по сути, генерирует перманентный эффект увеличенного поступления субальтернных субъектов – мигрантов вне правового поля. Такая

амбивалентность стимулирует циклическую необходимость в институциональных амнистических механизмах, создавая кумулятивное ощущение хронической несостоятельности государственного аппарата в навигации миграционных флюктуаций, что рикошетом усиливает социокультурную дистанцию между автохтонами и мигрантами, формируя тревожно-панические настроения в общественном дискурсе [155].

Поворотной вехой нормативной парадигмы стала легислативная артикуляция итальянским парламентариумом Закона об иммиграции в 1998 году, репрезентировавшего собой не просто текст юридического характера, а фактически институционально-программный манифест, сконфигурированный из 7 блоков и 46 юрисдикционных артикулов. Он кодифицировал всё — от реактирования на нелегитимные формы перемещения и контрабандистские практики, до экстраполяции ежегодных лимитов на иммигрантов и репрессивных санкций к организаторам нелегального транзита. Данный нормативный комплекс стал первой попыткой системной кристаллизации государственного подхода к миграционной проблематике [147].

Законодательные метаморфозы 2002 года оказались особенно жёсткими и реформаторски заряженными: длительность рабочей пермессии была редуцирована с четырёх до двух лет, а срок необходимого резиденциального стажа для non-EU граждан ради получения перманентного статуса растянут до шести лет. Были имплементированы инновационные положения – от немедленной репатриации нелегалов до дерегуляции возможности семейного рекомбинативного воссоединения с родственниками третьего колена. Особо резонансным нововведением стало возложение на работодателя всей полноты социально-бытовых обязательств в отношении иностранных трудящихся [146].

За последние декады Германия пережила массивный иммиграционный акселерат. Кульминация миграционного притока приходится на постмуровскую фазу начала 1990-х, когда в 1992 году в ФРГ десантировалось

1,5 миллиона мигрантов. К 1993 году кумулятивная численность иностранцев достигла 6,5 миллионов субъектов, при этом около четверти составляли граждане стран Европейского сообщества. Этнодемографическая палитра включала турков (1,8 млн), югославов (950 тыс.), итальянцев (560 тыс.), греков (342 тыс.), поляков (279 тыс.), испанцев (135 тыс.). Особым кластером стали румыны — в 1991–1992 годах прибыло 139 тысяч, против 35 тысяч в 1990 году. Тем не менее, под натиском рыночной насыщенности и реформ институционального характера, миграционный вектор во второй половине 1990-х начал испытывать латентную редукцию: уже в 1999 году — 875 тысяч прибывших, а после этого тенденция к снижению стала устойчивой [169].

Причины притягательности Германии в глазах мигрантских масс дифференцированы: с одной стороны — макроэкономическая стабильность, функционирующая как магнит для трудовых ресурсов, с другой — оптимизированный фискально-налоговый режим, поощряющий бизнес-активность. Особую лояльность Германия демонстрирует в сфере академической мобильности: высшее образование — без оплаты, что актуализирует страну как точку притяжения интеллектуального капитала [158].

Каналы легитимной иммиграции в Германию структурно разнообразны. Основной — трудомиграционный трек, ориентированный на высококвалифицированных кадровых единиц, обладателей научных степеней (кандидат минимум), с доказательством их профессиональной уникальности в рамках ЕС. Альтернативный путь — ретроиммиграция этнических немцев, где необходимо документальное доказательство германской гражданской принадлежности хотя бы одного из родителей на момент рождения апликанта. Также работает схема «еврейской рекрутации», где требуется доказательство принадлежности одного из родителей к еврейской идентичности, причём с опорой на документы советского производства.

Бизнес-иммиграционный коридор функционирует при условии капиталовложения от 500 тысяч евро и создании как минимум 5 рабочих юнитов [159]. Семейный воссоединительный вектор тоже сохраняет свою актуальность, но требует брачного контекста с гражданином ФРГ — фактического или потенциального.

Географически мигранты в Германии распределяются крайне неравномерно: более 80% проживает в кластерах экономической агломерации — Бавария (21%), Баден-Вюртемберг (18%), Гессен (15,8%), Северный Рейн-Вестфалия (29,8%). Эти земли представляют собой акселераторы занятости, что делает их точками кристаллизации миграционного притока.

Швеция, традиционно романтизированная в публичной сфере как квинтэссенция прогрессивизма, мультикультурализма и институциональной открытости, ныне демонстрирует симптомы общественного напряжения. При общем демографическом объёме в 9,5 млн, здесь обитает 1,7 млн мигрантов. Однако даже в социоориентированной модели наблюдается тревожная тенденция — нарастающий спрос на правый политический радикализм [151].

Монетарная зависимость от транснациональных денежных ремиссий коррелирует с ВВП страны и может достигать макроэкономических деформаций. В 2022 году антирейтинг возглавлял Таджикистан (51% от ВВП), далее — Тонга (44%), Ливан (36%), Самоа (34%) и Кыргызстан (31%). Гипертрофированная привязанность к внешнеэкономическим инфузиям создает иждивенческий синдром, снижая вовлечённость населения в продуктивную занятость и тормозя системный рост [рисунок 1.3].

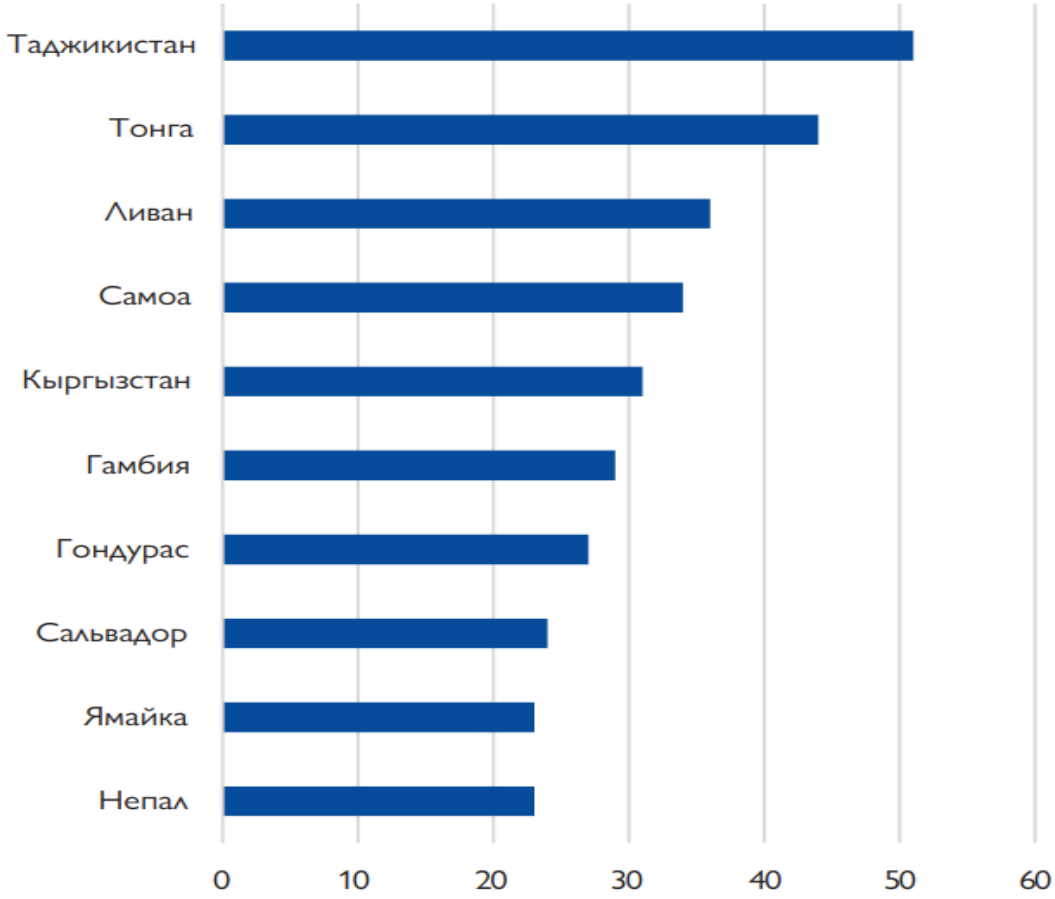

Рисунок 1.3. 10 ведущих стран-получателей международных денежных переводов по отношению к ВВП, 2022 год

Источник: Маколифф М. и Л.А. Оучо (под ред.), 2024. Доклад о миграции в мире 2024. Международная организация по миграции (МОМ), Женева.

В контексте современных транснациональных процессов и социоэкономических турбуленций последних лет, обнаруживается парадоксально-комплексная динамика миграционных перемещений, где, как показывает аккумулированная статистика за 2024 год, происходит отчетливый регресс в наращивании миграционного контингента: снижение положительного миграционного прироста на 6% за девятимесячный интервал по сравнению с аналогичным периодом предыдущего цикла наводит на мысли о тектонических сдвигах в парадигме регулирования внешнего трудового ресурса.

Этот тренд, в известной степени, является следствием нормативно-юридического сжатия миграционного пространства и экономико-административного прессинга в ряде субнациональных территориальных единиц — примерно в половине субъектов РФ наблюдается внедрение рестриктивных механизмов, лимитирующих функциональную занятость иностранных граждан. В свете этих обстоятельств стоит зафиксировать, что в январе-сентябре 2024 года позитивное миграционное сальдо обнаруживается всего в 32 регионах, тогда как в 2023 году этот показатель охватывал 43 административных образования. При этом, если вскрывать только внутренние миграционные реверсы в первом полугодии, то демографический инкремент фиксируется лишь в 23 субъектах федерации — цифра, явно указывающая на внутреннюю нестабильность миграционной саморегуляции.

Если же деконструировать опыт государств, имеющих, так сказать, коррелирующие с Кыргызстаном социоэкономические параметры, то в анализе начинают манифестировать контуры весьма примечательных практик, представляющих интерес для возможности транслокации в отечественные реалии. В первую очередь — это мобильностратегическая гибкость, или иначе — миграционная перцептивность, проявляющаяся в способности быстро и относительно гладко перестраивать механизмы управления трудовыми потоками в соответствии с флуктуирующими отраслевыми кластерами и общей макроэкономической конъюнктурой. Речь идет не о простом копировании норм, а о формировании своеобразного *миграционно-экономического гомеостаза*, поддерживающего баланс между демографическим давлением и потребностями в специфических квалификационных профилях.

Следующая веха — это уже не просто «интеграция», как её любят называть в популярной литературе, а интегративный мультиконвергентный процесс, в котором социальная адаптация и экономическая резилиентность мигрантов поднимаются на уровень институционального взаимодействия с

принимающей средой. Это позволяет создавать своего рода *социоэкономические микрокосмы* — устойчивые, хотя и хрупкие структуры, способные абсорбировать внешние вызовы и, в конечном итоге, способствовать инклюзивному росту. Классический пример подобной практики наблюдается на Филиппинах [196].

Не менее значимым выступает вопрос транссекторальной синергии — то есть такой формы кооперации между публичным и частным секторами, которая формирует дуальную инфраструктуру управления трудовой мобильностью. Без этого, в отсутствие горизонтальной коммуникации между институциями, миграционная политика стремительно деградирует в фрагментированный набор инициатив без системной направленности, что, в частности, демонстрирует опыт некоторых стран Латинской Америки.

На основании вышеизложенного, вынужден сформулировать, что внешняя трудовая миграция в условиях Кыргызской Республики является не просто разновидностью социоэкономической мобильности, а полиморфной системой, воздействующей на рынок труда через множественные векторы — от редистрибуции демографических потенциалов до формирования долгосрочных финансовых каналов в форме транснациональных денежных потоков (ремитансов). При этом, парадоксальным образом, наряду с позитивной детерминацией (рост доходов, сокращение латентной безработицы), формируются и структурно-деструктивные эффекты, проявляющиеся в деградации внутреннего человеческого капитала и депопуляции экономически активных групп.

Как показал компаративно-теоретический анализ, аппроксимация реального эффекта миграции возможна только при сочетании мультидисциплинарных подходов — включающих эконометрическое моделирование, институциональный анализ и элементы поведенческой экономики, что позволяет вскрыть *латентные механизмы* и траектории

обратного воздействия миграционных процессов на устойчивость национальной экономики.

Международный опыт, в частности кейсы Индонезии [195], Бангладеш [199] и Колумбии [198], свидетельствует, что результативность трудовой миграции как экономического драйвера напрямую коррелирует с уровнем институционализации миграционной стратегии и её встраиваемости в общенациональную парадигму развития. Здесь уместно говорить о миграционной эндогенизации, когда внешнеэкономические импульсы становятся катализатором внутренней экономической активизации.

В итоге следует подчеркнуть: экстерриториальная трудовая мобильность — это не частный вопрос миграционного регулирования, а ключевой архитектонический элемент современного государственного управления, требующий от регуляторов не эпизодических мер, а глубоко продуманной, системно адаптированной стратегии, ориентированной на долгосрочную инклюзивную синергию между миграцией и экономическим развитием.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

2.1. Анализ социально-экономического развития Кыргызской Республики

Разносторонняя декомпозиция макроэкономической траектории Кыргызской Республики в плоскости валового внутреннего продукта (ВВП) за интервал 2010–2024 гг. высвечивает не столько линейную экспансию, сколько зигзагообразную, но векторно восходящую динамику, в которой циклы конъюнктурных просадок не отменяют общего тренда макроэкономического энтропийного роста. В самом ядре аналитической репрезентации – факт многократной номинальной трансгрессии показателя: от 220,4 млрд сомов в 2010 году к колоссальному значению 1 523,2 млрд сомов в 2024-м, что эквивалентно мультипликативному эффекту приблизительно в 6,9 раза, при учёте инфляционных корректировок и дефляторов – картина, мягко говоря, усложняется, но общая парадигма экзогенна оптимизму [185].

Протяжённость периода требует секториального диахронного расчленения. Первая фаза – 2010–2014 гг. – демонстрирует восходящую экономическую мобилизацию с аккумулированием ВВП в пределах от 220,4 до 400,7 млрд сомов, при этом среднегодовой темп прироста варьировал в пределах 16–17%, что указывает на наличие квазистабильного институционального поля и ещё не обострившихся внешних шоков.

Далее следует фаза 2015–2019 гг., в которой мы наблюдаем феномен так называемой «платоизации» роста: инерционное восхождение от 430,5 до 654,0 млрд сомов, с явным замедлением в 2016 г., возможно вызванным контрагентной нестабильностью глобальных рынков и латентным внутренним структурным износом. Экономика функционировала в режиме адаптационной мобилизации, компенсируя внешнеэкономические турбуленции за счёт инерционных ресурсов.

2020 год, как известно, стал аксиологической точкой бифуркации: пандемийная волна коронавирусной модификации (COVID-19) ввергла экономику в фазу субинституционального шока. Валовой продукт сжался до 639,7 млрд сомов, демонстрируя, если так можно выразиться, эффект «антикаталитической компрессии» хозяйственной активности. Резкое торможение потребительского спроса, индустриального производства и экспорта привело к синхронному падению большинства макроэкономических индикаторов.

С 2021 года происходит посткризисная реанимация экономического организма: начинается стадия реновационного ускорения. К 2024 году ВВП достигает своего квазипика – 1 523,2 млрд сомов, что может быть объяснено триадой факторов: ростом государственных капиталоёмких инъекций, оживлением частного сектора и синергетическим эффектом от экспансионистской внешнеэкономической политики. Особенно резонансный рост зафиксирован в 2022–2023 гг., возможно, как отклик на институциональные реформы и инвестиционные манифестации, структурно подкреплённые торгово-логистическими адаптациями в постковидной реальности [185].

Таким образом, общая архитектоника ВВП Кыргызской Республики за рассматриваемый период предстает как флуктуирующее движение по синусоиде, где каждая фаза содержит собственный набор политико-экономических детерминант, а посткризисная динамика — пример восстановительной гиперэластичности в условиях ограниченных ресурсов.

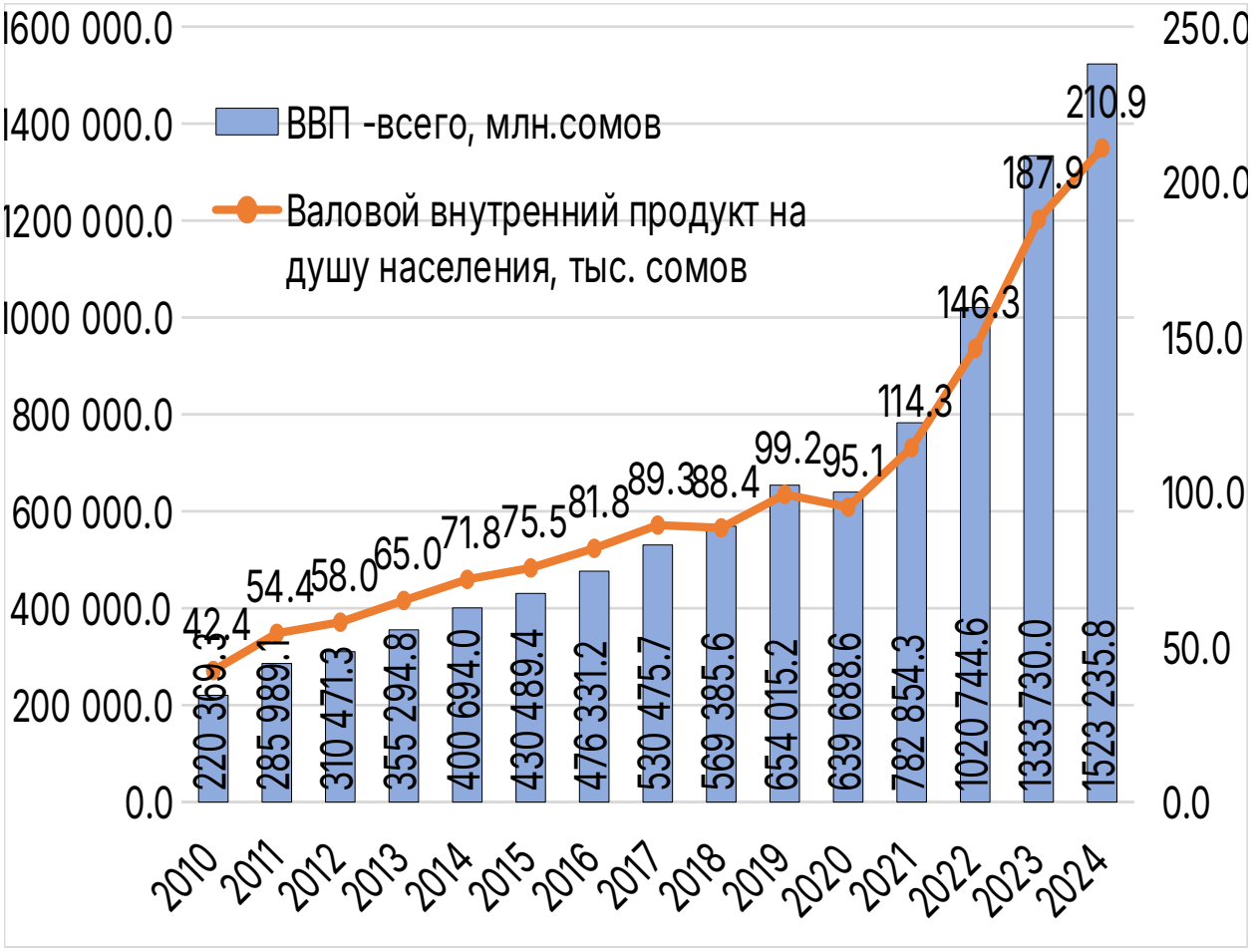

Рисунок 2.1. Динамика валового внутреннего продукта Кыргызской Республики

Источник: по данным НСК КР http://stat.kg

Рост ВВП на душу населения в Кыргызской Республике демонстрирует положительную динамику, отражая улучшение экономической ситуации в стране. Если в 2010 году данный показатель составлял 42,4 тыс. сомов на человека, то к 2024 году он вырос до 210,9 тыс. сомов, что более чем в пять раз превышает уровень 2010 года.

В период с 2010 по 2019 годы рост ВВП на душу населения происходил постепенно, но в 2020 году на фоне пандемии и связанных с ней экономических ограничений наблюдается снижение – с 99,2 тыс. сомов в 2019 году до 95,1 тыс. сомов. Это падение связано со снижением деловой

активности, сокращением доходов населения и общей нестабильностью в экономике.

С 2021 года начинается активное восстановление экономики, и темпы роста ВВП на душу населения значительно ускоряются в 2022–2024 годах. Этот рост обусловлен усилением инвестиционной активности, увеличением государственных расходов, развитием торговли и постепенной стабилизацией экономических процессов в стране. ВВП Кыргызстана за 2010–2024 годы демонстрирует устойчивый рост, несмотря на отдельные кризисные периоды.

Самые высокие темпы роста наблюдаются после 2021 года, что указывает на восстановление экономики и усиление инвестиционной активности. ВВП на душу населения увеличился более чем в 5 раз, что свидетельствует об общем улучшении уровня жизни, однако важно учитывать инфляционные процессы, которые могли повлиять на реальный рост доходов граждан. Для поддержания высоких темпов экономического роста необходимо дальнейшее развитие производственного сектора, инфраструктуры и привлечение иностранных инвестиций. Таким образом, Кыргызстан демонстрирует положительную динамику ВВП, но важно учитывать макроэкономические вызовы, включая инфляцию, влияние внешних рынков и необходимость устойчивого экономического развития.

В 2024 году структура валового внутреннего продукта (ВВП) Кыргызской Республики отражает значительное разнообразие отраслей, формирующих экономику страны.

Структура валового внутреннего продукта Кыргызской Республики в 2024 году демонстрирует значительное преобладание сферы торговли, промышленности и налогообложения на продукты, что отражает специфику экономического профиля страны. Наибольший вклад в ВВП приходится на сектор оптовой и розничной торговли, включая ремонт автомобилей и мотоциклов, объём которого составил 267 499,3 млн сомов, что подчеркивает его роль как ключевого драйвера внутреннего потребления и оборота

капитала. Второе место занимает обрабатывающая промышленность с показателем 192 149,6 млн сомов, отражая постепенное развитие промышленного сектора, особенно в части переработки сельскохозяйственного сырья и легкой промышленности. Существенным элементом в структуре также являются чистые налоги на продукты — 221 019,7 млн сомов, что свидетельствует о важной роли налоговых поступлений в формировании ВВП.

Сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство обеспечили 131 114,1 млн сомов в структуре ВВП, подтверждая свою устойчивую значимость как традиционного и стратегического сектора экономики. Отрасль строительства продемонстрировала высокий результат — 125 855,1 млн сомов, что указывает на активное развитие инфраструктурных проектов, жилищного строительства и капитальных вложений. Финансовое посредничество и страхование обеспечили 87 328,1 млн сомов, что говорит о росте финансового сектора и расширении доступности банковских и страховых услуг.

Вклад государственного управления и обязательного социального обеспечения составил 78 967,6 млн сомов, тогда как образование и здравоохранение обеспечили 77 830,1 млн и 40 292,9 млн сомов соответственно, что подтверждает приоритетное внимание к развитию человеческого капитала. Операции с недвижимым имуществом внесли 75 417,6 млн сомов, отражая оживление на рынке недвижимости. Транспортная деятельность и хранение грузов составили 46 816,1 млн сомов, поддерживая логистические связи внутри страны и с внешними рынками.

Информационно-коммуникационные технологии внесли 36 461,7 млн сомов, что указывает на рост значимости цифровой экономики. Деятельность гостиниц и ресторанов в совокупности дала 32 607,3 млн сомов, из которых на гостиницы приходится 7 001,1 млн сомов, а на рестораны — 25 606,2 млн

сомов [185], что демонстрирует оживление в туристическом и сервисном секторах (рисунок 2.2).

Рисунок 2.2. Структура валового внутреннего продукта Кыргызской Республики в текущих ценах по отраслям в 2024 году, млн.сомов

Источник: по данным НСК КР http://stat.kg

Сравнительно меньший вклад показали такие отрасли, как водоснабжение и утилизация отходов — 3 011,9 млн сомов, административная и вспомогательная деятельность — 7 268,2 млн сомов, а также искусство и развлечения — 7 849,5 млн сомов.

Наименьший объем зафиксирован в деятельности частных домашних хозяйств — 333,1 млн сомов, что объясняется неформальным характером этой сферы и отсутствием значительного участия в рыночных процессах. В целом, структура ВВП 2024 года указывает на устойчивую диверсификацию экономики Кыргызской Республики с выраженным уклоном в сторону торговли, промышленности, налогообложения и строительства, при этом сохраняется значительная роль сельского хозяйства и сектора услуг.

Строительство также занимает весомую долю – 125,9 млрд сомов, что указывает на активное развитие инфраструктуры и жилищного строительства. Среди других ключевых отраслей следует отметить финансовое посредничество и страхование (87,3 млрд сомов), государственное управление и оборону (79,0 млрд сомов), а также операции с недвижимостью (75,4 млрд сомов). Эти сектора играют важную роль в стабилизации экономики и развитии институциональной среды.

Транспортная деятельность и хранение грузов внесли 46,8 млрд сомов, подчеркивая значение логистики для внутренней и международной торговли. Информация и связь обеспечили 36,5 млрд сомов, отражая растущую цифровизацию экономики.

Отдельного внимания заслуживает гостинично-ресторанный бизнес, где гостиницы принесли 7,0 млрд сомов, а рестораны – 25,6 млрд сомов, что подтверждает развитие туристической и ресторанной отрасли.

Не менее важную роль сыграли здравоохранение и социальное обслуживание (40,3 млрд сомов) и образование (77,8 млрд сомов), демонстрируя приоритетность социальных расходов.

Значительный вклад в экономику обеспечили чистые налоги на продукты, составившие 221,0 млрд сомов, что свидетельствует о высокой фискальной активности государства [185].

Таким образом, структура ВВП Кыргызской Республики в 2024 году показывает сбалансированное развитие различных секторов экономики, где

ключевыми драйверами роста остаются торговля, промышленность, строительство и сельское хозяйство.

В рамках реализации национального проекта «100 промышленных предприятий – 2024» в эксплуатацию введены 102 новых производства. Среди них – малые ГЭС «Исфайрам-1» в Кадамджае и «Курак-Тектир» в Ноокате, торгово-логистическая зона «Кара-Булак» в Ат-Баши, новый ЗИФ ОсОО «Эти Бакыр-Терексай» в Чаткальском районе Джалал-Абадской области, предприятия по выпуску строительных материалов «Мин-Булак» в Нарыне, завод по производству электропроволоки ОсОО «Бек кабель» в Аламединском районе, цементный завод «Терек-Таш» в Кеминском районе, завод по выпуску золотых слитков в Кара-Балте, нефтеперерабатывающий завод в Сузаке, а также ОсОО «Агро Куш» в Иссык-Кульском районе, специализирующееся на переработке мяса птицы. Общий объем инвестиций в эти проекты составил 796,8 млн долларов США, а создано было 8315 новых рабочих мест.

Вклад промышленности в формирование ВВП составил 0,91 процентных пункта, а ее удельный вес в общей структуре ВВП достиг 16,5 %. Эти показатели подчеркивают значимость сектора для экономического развития страны.

По результатам 2024 года объем валовой продукции сельского хозяйства достиг 395,6 млрд сомов, что демонстрирует рост на 6,3 % по сравнению с предыдущим годом (в 2023 году этот показатель составлял всего 0,6 %). Основной вклад в этот рост внесли растениеводство, увеличившее производство на 10,3 %, и животноводство, прибавившее 3,1 % [185].

В период с 2010 по 2023 год в Кыргызской Республике наблюдалась положительная динамика численности рабочей силы. Если в 2010 году она составляла 2 456,0 тыс. человек, то к 2023 году достигла 2 768,4 тыс. человек. Таким образом, прирост составил 312,4 тыс. человек, что эквивалентно темпу роста в 112,7% по сравнению с 2010 годом. В течение первых лет, с 2010 по 2014 год, увеличение численности рабочей силы происходило умеренно, с

незначительными колебаниями. Затем, в 2015–2019 годах, этот процесс приобрёл более устойчивый характер, отражая постепенное восстановление и оживление экономической активности. С 2020 года, несмотря на влияние пандемии COVID-19, рост продолжился, что свидетельствует о гибкости национального рынка труда и способности отдельных секторов экономики адаптироваться к новым условиям.

Параллельно с этим происходило и увеличение численности занятого населения. В 2010 году этот показатель составлял 2 243,7 тыс. человек, тогда как в 2023 году он достиг отметки 2 656,2 тыс. человек. Прирост за анализируемый период составил 412,5 тыс. человек, что соответствует темпу роста в 118,4% [185], который превысил темп роста рабочей силы (рисунок 2.3).

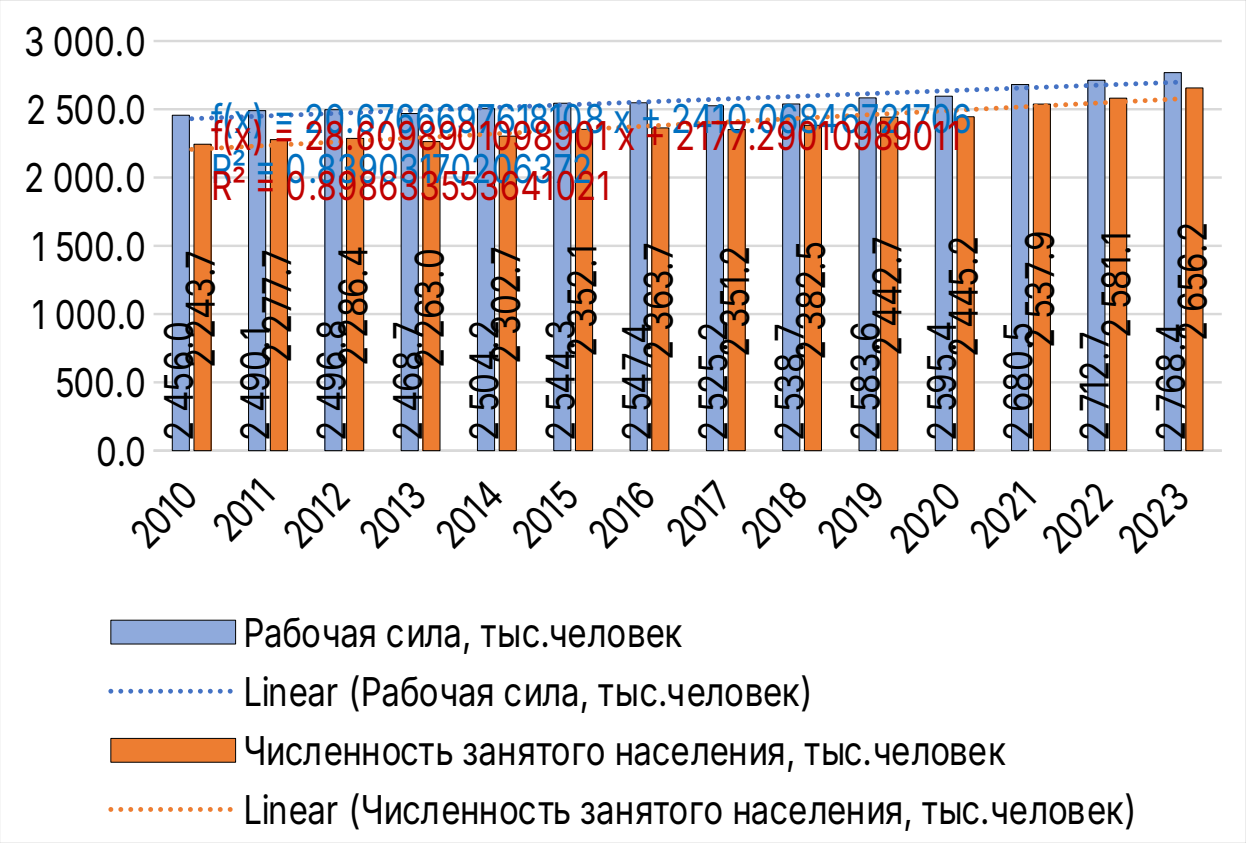

Рисунок 2.3. Динамика численности занятого населения и рабочей силы продукта в Кыргызской Республике, тыс.человек

Источник: по данным НСК КР http://stat.kg

В первые годы (2010–2014 гг.) рост численности занятого населения был плавным и стабильным. В период с 2015 по 2019 годы ситуация на рынке труда улучшалась, что выражалось в устойчивом увеличении занятости. Даже в условиях пандемии в 2020 году значительных сокращений не наблюдалось, а уже с 2021 года началось активное восстановление. В 2023 году численность занятого населения достигла максимального значения за весь рассматриваемый период.

Уравнение $y = 28{,}61x + 2177{,}3$ и коэффициент детерминации $R^2 = 0{,}8986$ — это результат линейной регрессии, которая описывает линию тренда численности занятого населения. С каждым годом показатель растёт примерно на 28,6 тыс. человек, а сама модель объясняет почти 90% всей динамики.

Уравнение линии тренда для численности рабочей силы в Кыргызстане задано функцией $y = 20{,}677x + 2410{,}1$, а коэффициент детерминации составляет $R^2 = 0{,}839$. Это уравнение описывает, как изменялась рабочая сила по годам в форме линейного тренда. Линия тренда показывает устойчивый рост численности рабочей силы в Кыргызстане в течение рассматриваемого периода. Среднегодовой прирост на уровне около 20,7 тыс. человек свидетельствует о положительной динамике вовлечения населения в рынок труда. Коэффициент детерминации указывает на высокую степень согласованности между реальными данными и моделью, что позволяет использовать эту линию тренда для оценки общих тенденций и прогнозирования на краткосрочную перспективу.

Что касается соотношения численности занятых к общей рабочей силе, то оно на протяжении всего периода оставалось достаточно высоким. Более того, наблюдается тенденция к снижению доли безработных, что говорит о способности экономики республики создавать рабочие места даже в условиях нестабильности. Это особенно важно в контексте устойчивого социально-экономического развития и формирования благоприятной среды для трудовой деятельности населения.

За 2010–2023 гг. наблюдается устойчивый рост как рабочей силы, так и занятого населения. Более высокий темп роста занятого населения по сравнению с рабочей силой указывает на снижение уровня безработицы и постепенное улучшение ситуации на рынке труда. Наиболее значительный прирост зафиксирован в последние годы, что может свидетельствовать о развитии внутреннего предпринимательства, цифровизации экономики и расширении сектора услуг.

В 2023 году структура занятого населения в Кыргызской Республике по видам экономической деятельности демонстрирует значительную концентрацию в определённых отраслях, отражая особенности социально-экономического развития страны. Наибольшее количество занятых сосредоточено в сельском хозяйстве, лесном хозяйстве и рыбоводстве — 454,3 тыс. человек, что подчеркивает аграрную направленность экономики. Существенную долю также занимает сфера оптовой и розничной торговли, а также ремонт автомобилей и мотоциклов, где занято 419,3 тыс. человек, что указывает на высокую активность в сфере мелкого и среднего бизнеса.

Строительство выступает одной из ключевых сфер занятости, обеспечивая рабочими местами 331,7 тыс. человек, что свидетельствует о высоком спросе на рабочую силу в инфраструктурных и жилищных проектах. Обрабатывающая промышленность также играет важную роль, предоставляя занятость 290,1 тыс. человек, подтверждая значение производственного сектора в экономике страны.

Сфера образования занимает устойчивое место среди крупнейших работодателей — в ней занято 261,5 тыс. человек, что говорит о высокой социальной значимости сектора. Транспортная деятельность и хранение грузов обеспечили занятость для 223,1 тыс. человек, отражая важность логистических услуг в условиях внутренней и международной торговли. В гостинично-ресторанной сфере занято 178,0 тыс. человек, что демонстрирует рост интереса к туризму и обслуживанию, а здравоохранение и социальное

обслуживание обеспечивают работой 117,8 тыс. человек, подчеркивая роль сектора в поддержании общественного благополучия [185] (рисунок 2.4).

Рисунок 2.4. Динамика численности занятого населения по видам экономической деятельности в Кыргызской Республике, тыс.человек

Источник: по данным НСК КР http://stat.kg

Сектор государственного управления насчитывает 109,9 тыс. занятых, что отражает масштаб административного аппарата. Далее следуют отрасли с

менее значительной численностью занятых: финансовое посредничество и страхование (48,3 тыс. человек), информация и связь (37,1 тыс.), профессиональная, научная и техническая деятельность (23,0 тыс.), административная и вспомогательная деятельность (20,3 тыс.) и искусство, развлечение и отдых (15,8 тыс.).

В добыче полезных ископаемых занято 15,7 тыс. человек, а в секторе водоснабжения, обработки отходов и вторичного сырья — 11,9 тыс., что говорит об относительно низкой доле занятости в сырьевых и экологических отраслях. Операции с недвижимостью обеспечивают занятость лишь 4,3 тыс. человек, а деятельность частных домашних хозяйств и экстерриториальных организаций — 4,0 и 0,3 тыс. человек соответственно, что говорит о незначительном участии этих сфер в формировании общего уровня занятости. Общая картина показывает, что занятость населения в Кыргызстане в значительной мере сосредоточена в сельском хозяйстве, торговле, строительстве и социальной сфере, в то время как высокотехнологичные и наукоемкие отрасли пока играют сравнительно небольшую роль.

Динамика численности занятого населения по полу в Кыргызской Республике с 2010 по 2023 год демонстрирует устойчивый рост занятости среди как мужчин, так и женщин, однако темпы прироста заметно различаются между полами. В 2010 году численность занятых мужчин составляла 1 317,7 тыс. человек, а женщин — 926,0 тыс. человек. К 2023 году количество занятых мужчин увеличилось до 1 624,8 тыс. человек, что означает прирост на 307,1 тыс. человек или 23,3% по сравнению с уровнем 2010 года.

В то же время численность занятых женщин за аналогичный период выросла на 105,4 тыс. человек и составила 1 031,4 тыс. человек, что соответствует приросту на 11,4%. Таким образом, темпы роста занятости среди мужчин почти вдвое превышают показатели среди женщин. Наибольшее снижение числа занятых женщин наблюдалось в 2013 году, когда их численность сократилась до 900,7 тыс. человек, что, вероятно (рисунок 2.5),

было связано с социально-экономическими изменениями или трудовой миграцией. Однако начиная с 2015 года отмечается стабильная положительная динамика.

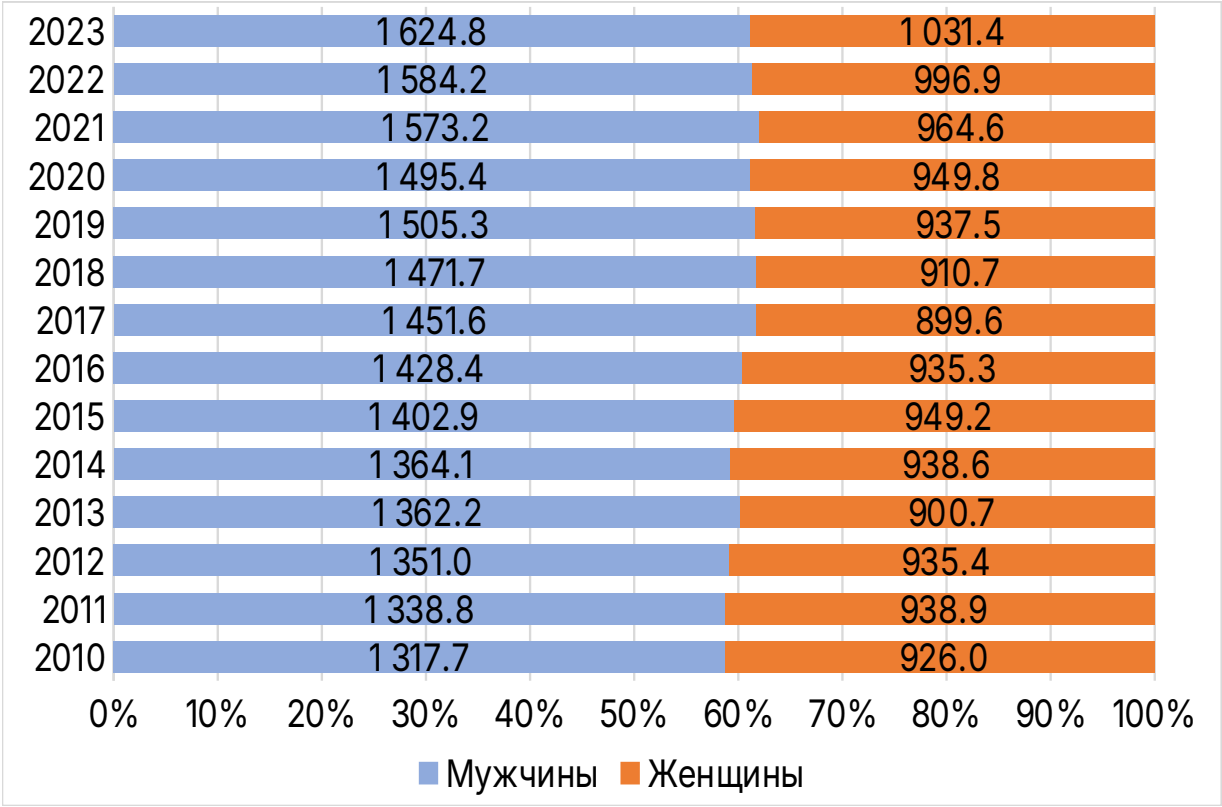
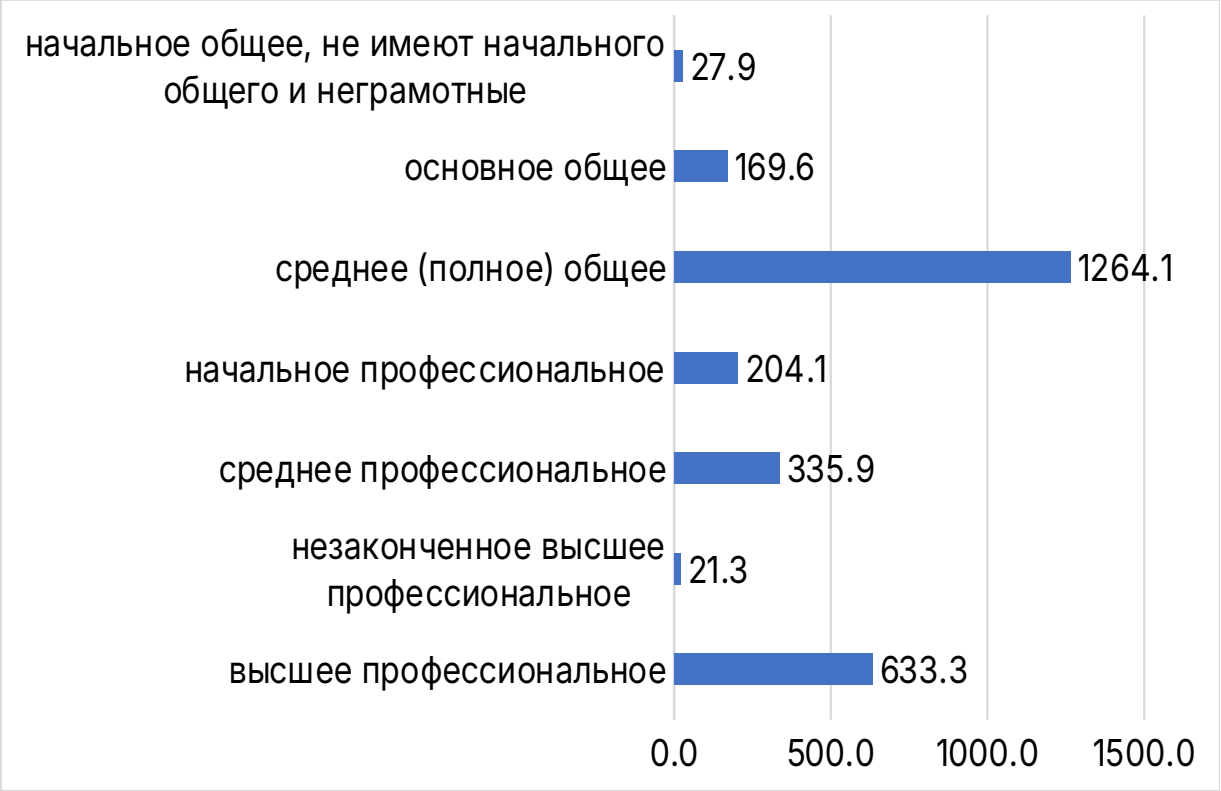

Рисунок 2.5. Динамика численности занятого населения по полу в Кыргызской Республике, тыс.человек

Источник: по данным НСК КР http://stat.kg

В абсолютных значениях мужчины сохраняют количественное преимущество на рынке труда: в 2023 году на 1 мужчину приходилось примерно 0,63 женщины среди занятого населения. Такая структура занятости указывает на гендерный дисбаланс в участии в экономике, который требует дополнительных усилий по вовлечению женщин в производственные и социальные сферы, а также по расширению их возможностей на рынке труда. Общая тенденция свидетельствует о позитивной динамике, особенно в последние годы, когда численность занятых женщин приближается к миллиону и демонстрирует устойчивый рост.

Структура численности занятого населения по образованию в Кыргызской Республике в 2023 году отражает значительное преобладание работников с средним и высшим образованием. Число занятых с высшим профессиональным образованием составляет 633,3 тыс. человек (рисунок 2.6), что является наибольшей категорией среди всех уровней образования, что указывает на высокий уровень квалификации значительной части рабочей силы, что может свидетельствовать о росте востребованности специалистов с высшим образованием на рынке труда.

Р

исунок 2.6. Структура численности занятого населения по образованию в Кыргызской Республике, тыс.человек

Источник: по данным НСК КР http://stat.kg

Число занятых с незаконченным высшим образованием составляет 21,3 тыс. человек, что относительно невелико, но также отражает группу людей, находящихся на пути к получению полного высшего образования. Сегмент работников со средним профессиональным образованием включает 335,9 тыс. человек, что свидетельствует о важности профессиональных навыков и

подготовленных специалистов для различных отраслей экономики. Это важная категория работников, играющая ключевую роль в поддержании и развитии производственного потенциала страны.

Работники с начальным профессиональным образованием составляют 204,1 тыс. человек, что также является значимой группой на рынке труда, особенно в производственных и технических сферах. По данным 2023 года, значительная часть занятого населения имеет среднее (полное) общее образование — 1 264,1 тыс. человек. Это составляет большую долю среди всех работников, что указывает на важность и распространенность общего образования в стране, однако также может говорить о наличии дефицита квалифицированных специалистов в некоторых областях.

Работники с основным общим образованием составляют 169,6 тыс. человек, что представляет собой относительно небольшую, но все же значимую категорию. К тому же, 27,9 тыс. человек в 2023 году не имеют начального общего образования или являются неграмотными, что подчеркивает необходимость дальнейшего улучшения доступности и качества образования для всех категорий населения. Эта ситуация также может указывать на неравенство в доступе к образовательным возможностям и потребность в образовательных реформах.

В 2023 году структура численности занятого населения в территориальном разрезе по Кыргызской Республике показывает значительные различия между регионами, что отражает особенности экономического развития, плотности населения и уровня урбанизации. Наибольшее количество занятых зафиксировано в Ошской области — 622,5 тыс. человек, что составляет 23,44% от общего числа занятых в стране. Второе место занимает город Бишкек с показателем в 557,1 тыс. человек или 20,97%, что свидетельствует о высокой концентрации рабочих мест в столице, особенно в сфере услуг и административной деятельности.

Третьей по численности занятого населения является Джалал-Абадская область, где занято 398,5 тыс. человек, что эквивалентно 15,00% от общего числа. Далее следует Чуйская область с 372,8 тыс. человек, что составляет 14,04%, благодаря развитой промышленности, сельскому хозяйству и близости к столице. Баткенская область обеспечивает занятость 168,3 тыс. человек, что соответствует 6,34%, а Иссык-Кульская область — 176,5 тыс. человек или 6,64%, где важную роль играет туризм и сельское хозяйство.

В городе Ош занято 131,0 тыс. человек, что составляет 4,93%, отражая значительную, но меньшую по сравнению с областями численность рабочей силы. Нарынская область, несмотря на обширную территорию, демонстрирует один из самых низких показателей — 110,2 тыс. человек или 4,15%, что объясняется слабой индустриализацией и низкой плотностью населения. Наименьшее количество занятых отмечено в Таласской области — 119,3 тыс. человек, что составляет 4,49% от общего числа [185] (рисунок 2.7).

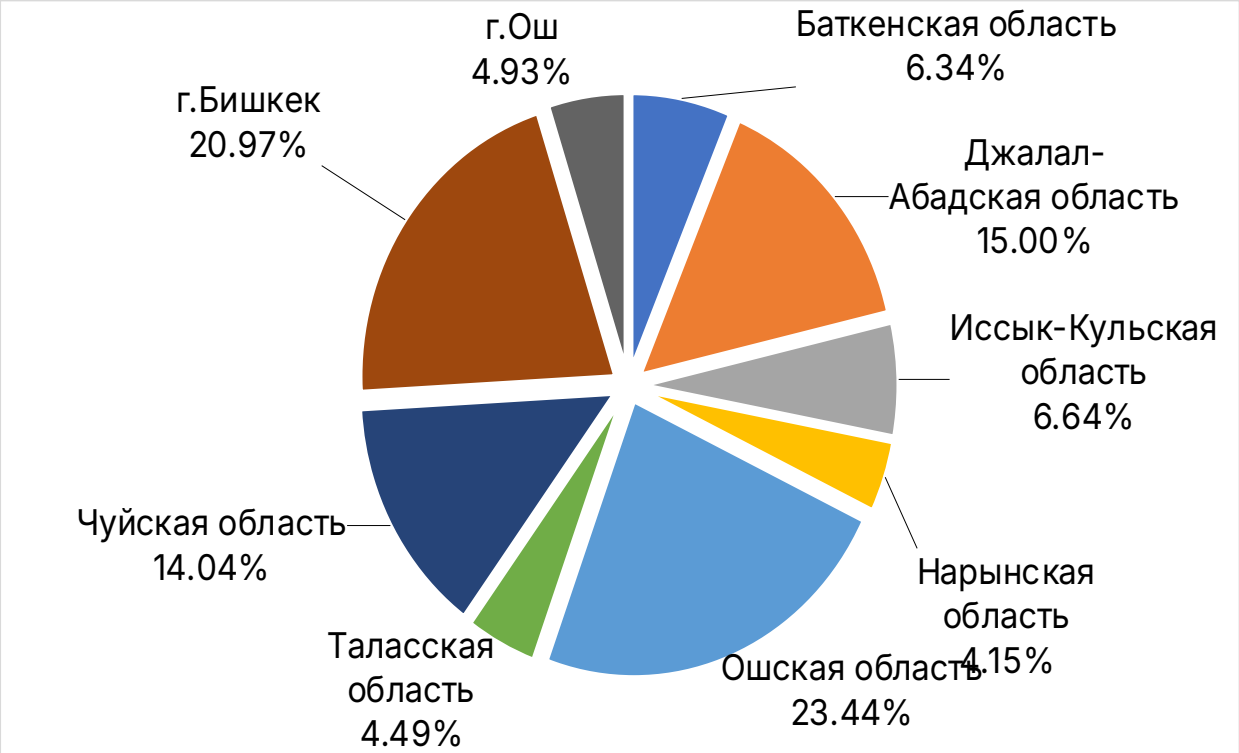

Рисунок 2.7. Структура численности занятого населения в территориальном разрезе в Кыргызской Республике, %

Источник: по данным НСК КР http://stat.kg

Таким образом, в 2023 году наиболее высокая концентрация занятости наблюдается в южных и столичных регионах страны, в то время как наименьшая — в горных и отдалённых областях. Общая структура показывает выраженное территориальное неравенство в распределении трудовых ресурсов, при этом на три ведущих региона — Ошскую область, Бишкек и Джалал-Абадскую область — приходится почти 58% всей занятой рабочей силы Кыргызстана.

Для улучшения региональной занятости в Кыргызской Республике до 2030 года реализуются комплексные меры, направленные на устранение территориального дисбаланса и создание устойчивых рабочих мест. Ключевыми направлениями являются:

Для развития регионов утверждена Государственная программа комплексного социально-экономического развития регионов Кыргызской Республики на 2025–2030 годы, охватывающая 14 направлений, включая промышленность, сельское хозяйство, туризм, цифровизацию и экологию. Цель которой создать устойчивые зоны роста, устранить разрыв между регионами и улучшить инфраструктуру [187].

Для развития рынка труда Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики разработало Национальную программу по развитию рынка труда и содействия занятости населения "Эл Дөөлөтү – Эмгек" до 2030 года [188]. Программа направлена на создание новых рабочих мест, поддержку малого и среднего бизнеса, развитие инфраструктуры и сельского хозяйства, а также содействие развитию предпринимательства и инноваций.

Также запущен пилотный проект "Стажировка для молодежи", направленный на улучшение ситуации трудовой занятости молодежи, предназначенный для выпускников вузов, состоящих на учете в качестве безработных. Стажировка проходит по линии оплачиваемых общественных

работ, оплата труда осуществляется за счет средств государственного бюджета [189].

Эти меры направлены на создание благоприятных условий для жизни населения в каждом регионе и обеспечение его благополучия.

В период с 2010 по 2023 год в Кыргызской Республике наблюдалось устойчивое снижение как численности безработных, так и уровня безработицы. В 2010 году численность безработных составляла 212,3 тыс. человек, а уровень безработицы находился на уровне 8,4%. В течение следующих лет эти показатели постепенно снижались, что свидетельствует о положительных сдвигах на рынке труда страны. Уже к 2015 году количество безработных снизилось до 192,2 тыс. человек, а уровень безработицы сократился до 7,6% [185] (рисунок 2.8).

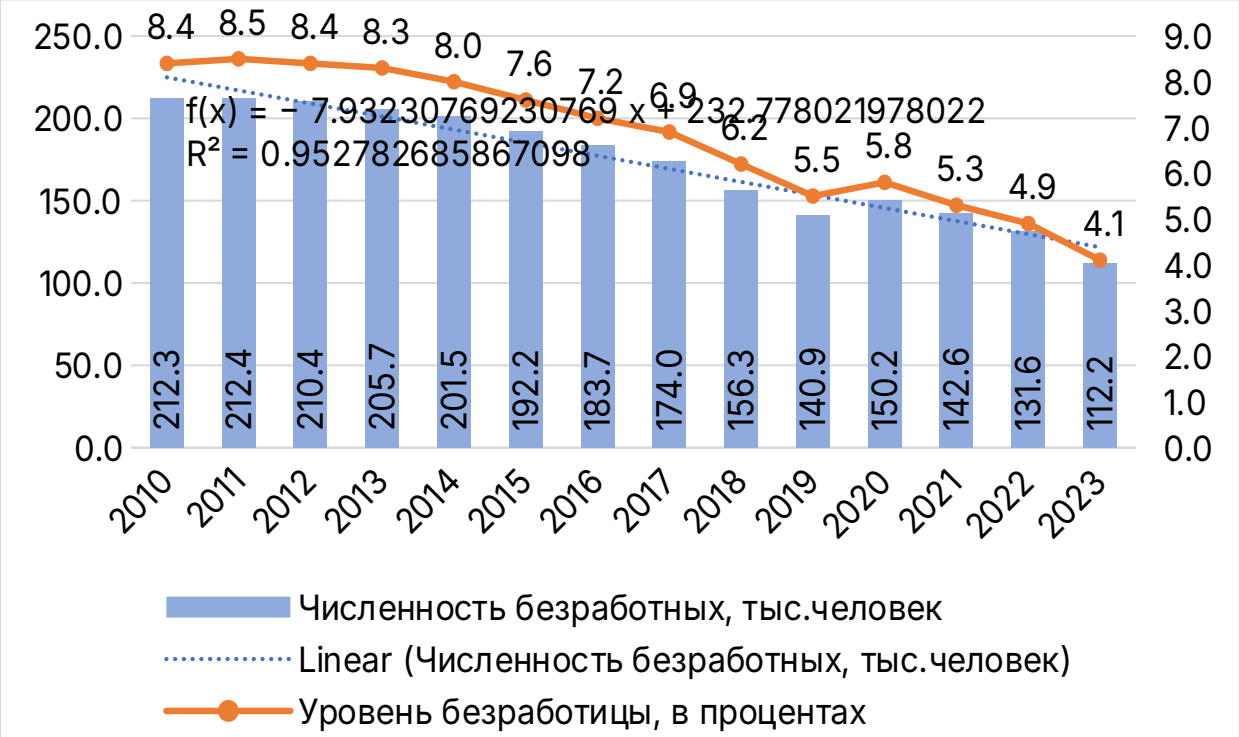

Рисунок 2.8. Динамика численности безработных и уровень безработицы в Кыргызской Республике

Источник: по данным НСК КР http://stat.kg [185]

Эта тенденция продолжилась и в последующие годы: к 2019 году численность безработных составила 140,9 тыс. человек, а уровень

безработицы упал до 5,5%. Несмотря на незначительное повышение показателей в 2020 году, вероятно, вызванное влиянием пандемии COVID-19 (уровень безработицы увеличился до 5,8%, а численность — до 150,2 тыс.), уже в 2021 году наблюдалось восстановление: уровень безработицы снизился до 5,3%, а количество безработных — до 142,6 тыс. человек. Эта положительная динамика усилилась в 2022 и 2023 годах, когда численность безработных достигла 131,6 и затем 112,2 тыс. человек, а уровень безработицы — 4,9% и 4,1% соответственно [185]. В целом за анализируемый период темп снижения численности безработных составил 52,8%, а уровня безработицы — 48,8%, что указывает на существенное улучшение ситуации с занятостью в стране

Уравнение линии тренда численности безработных в Кыргызстане имеет вид: $y = -7{,}9323x + 232{,}78$, при коэффициенте детерминации $R^2 = 0{,}9528$.

Это уравнение описывает линейную зависимость между годом наблюдения (обозначенным как переменная x) и численностью безработных (обозначенной как y, в тысячах человек). Отрицательный коэффициент при x (–7,9323) означает, что численность безработных ежегодно снижается в среднем на 7,93 тыс. человек. Свободный член уравнения (232,78) указывает на теоретическое значение численности безработных при $x = 0$, что в данном случае не имеет практического значения, но необходим для построения самой линии тренда.

Коэффициент детерминации $R^2 = 0{,}9528$ показывает, что 95,28% изменений численности безработных объясняются линейным трендом, что свидетельствует о высокой степени соответствия фактических данных данной модели. Таким образом, можно сделать вывод, что в период анализа наблюдается устойчивое и закономерное сокращение численности безработных, и линия тренда достоверно отражает это снижение.

В период с 2010 по 2023 год в Кыргызской Республике наблюдается устойчивая положительная динамика как средней заработной платы, так и

прожиточного минимума на душу населения, однако темпы их роста существенно различаются. В 2010 году средняя заработная плата составляла 7 189 сомов, тогда как прожиточный минимум был на уровне 3 502,65 сома. Это означало, что зарплата превышала минимум существования примерно в 2,05 раза. В дальнейшем наблюдается стабильное увеличение обеих величин, но особенно значительный рост заработной платы отмечается после 2020 года.

К 2023 году средняя заработная плата достигла 31 604 сомов, увеличившись в 4,40 раза по сравнению с 2010 годом. Прожиточный минимум за тот же период увеличился менее интенсивно — до 7 681,54 сомов, что составляет рост в 2,19 раза [185], что свидетельствует о том, что реальные доходы населения, в среднем, росли быстрее, чем базовые потребности, заложенные в расчёте прожиточного минимума. (рисунок 2.9).

Рисунок 2.9. Динамика заработной платы и прожиточного минимума на душу населения в Кыргызской Республике

Источник: по данным НСК КР http://stat.kg

В результате разрыв между заработной платой и прожиточным минимумом продолжал увеличиваться: если в 2010 году разница составляла 3 686,35 сома, то в 2023 году — уже 23 922,46 сома.

Особенно резко средняя зарплата выросла в 2022 году — с 19 330 до 26 540 сомов, что представляет собой прирост на 37,3%, а в 2023 году рост продолжился и составил ещё 19,1%. Прожиточный минимум также рос, но значительно медленнее: в 2022 году он увеличился на 14,5%, а в 2023 году — лишь на 7%. Это указывает на возможное влияние инфляционных процессов, но в то же время и на рост производительности и/или бюджетной поддержки в ряде отраслей.

Таким образом, анализ динамики показывает положительную тенденцию в повышении уровня жизни населения. Однако, несмотря на рост реальных доходов, актуальным остаётся вопрос обеспечения социальной справедливости и сбалансированного роста в различных социально-экономических группах, особенно в условиях инфляции и роста цен на основные товары и услуги.

Динамика уровня бедности в Кыргызской Республике за период с 2019 по 2023 год демонстрирует волнообразный характер с отчётливо выраженным кризисным пиком на фоне глобальных и внутренних социально-экономических возмущений. В 2019 году показатель бедности составлял 20,1%, что можно рассматривать как относительно стабильный доэпидемический уровень, отражающий умеренное социальное напряжение и инерционное состояние экономики в условиях традиционной уязвимости домохозяйств.

Однако уже в 2020 году, на фоне пандемии COVID-19 и вызванного ею экономического шока, уровень бедности резко увеличился до 25,3%. Этот скачок был обусловлен, прежде всего, ограничениями на ведение экономической деятельности, снижением доходов населения, приостановкой трансграничной трудовой миграции и, как следствие, падением объёмов

денежных переводов из-за рубежа. Особую роль сыграло сокращение занятости в неформальном секторе, который традиционно охватывает значительную часть экономически активного населения страны.

В 2021 году ситуация усугубилась: уровень бедности достиг 33,3%, зафиксировав наиболее высокий показатель за пятилетие. Это свидетельствует о длительном эффекте кризиса, структурной хрупкости экономики, слабой социальной защищённости уязвимых слоёв населения и ограниченных возможностях государства по масштабной антикризисной поддержке. Экономическая адаптация после пандемии происходила медленно, с выраженной инфляционной нагрузкой на базовые товары и услуги, что усилило давление на уровень жизни.

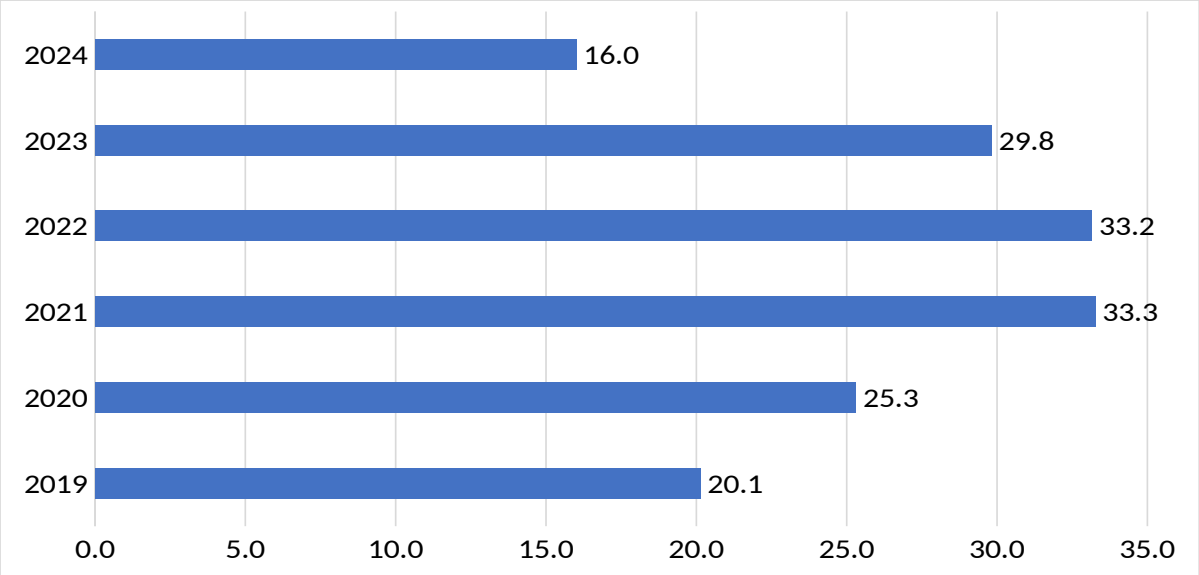

Рисунок 2.10 - Уровень бедности в Кыргызской Республике, %

В 2022 году наблюдается незначительное снижение показателя до 33,2%, что, однако, по сути остаётся на прежнем уровне. Это указывает на наличие стагнации в преодолении бедности, когда позитивные изменения в макроэкономике (рост ВВП, восстановление торговли и миграции) ещё не находят адекватного отражения в доходах домохозяйств, особенно в сельских и периферийных районах.

Лишь в 2023 году зафиксировано заметное снижение уровня бедности до 29,8%, что можно трактовать как начало тенденции к постепенной

нормализации. Причинами этому, вероятно, стали восстановление миграционных потоков и денежных переводов, оживление малого предпринимательства, расширение социальных программ и улучшение ситуации на рынке труда. Однако уровень остаётся значительно выше доэпидемического значения, что подчёркивает необходимость долгосрочной и системной политики по снижению бедности, особенно в контексте устойчивости к внешним шокам.

Феноменальная трансформация индикатора так называемой «субъективной бедности» в кыргызском социоэкономическом контексте за период 2021–2024 гг. демонстрирует редуцирование степени автодиагностируемой маргинальности населением, преимущественно сельским и урбанизированным. Иначе говоря, на фоне не всегда синхронных макроэкономических флуктуаций, доля домохозяйств, интуитивно или перцептивно относящих себя к категории бедных, снизилась в аграрной среде с 29% в 2021 году до 16% в 2024-м [2024], что, по всей вероятности, следует трактовать как результат кумулятивного воздействия мультифакторной адаптации и частичной социоэкономической реабилитации периферийных слоёв.

В то же время в городской морфосреде наблюдается схожая динамика: от 30% до 18% за тот же временной интервал, что может быть обусловлено эффектом нормализации потребительских ожиданий, стабилизацией потоков теневой занятости и, возможно, психоэмоциональной амортизацией восприятия кризиса. Таким образом, можно констатировать, что снижение субъективной бедности в данном контексте — это не только статистико-психологический сдвиг, но и отражение латентного социокультурного перераспределения значений внутри коллективного сознания, где самоидентификация с бедностью утратила былую интенсивность вследствие относительного улучшения или хотя бы стагнации жизненных стандартов.

Таким образом, анализ показывает, что за период 2019–2023 гг. бедность в Кыргызстане прошла через фазу кризисного роста и только к концу рассматриваемого периода начала демонстрировать слабую, но положительную динамику. Проблема остаётся острой, и её решение требует комплексного подхода, включающего экономическое стимулирование, развитие инфраструктуры, инвестиции в человеческий капитал и усиление адресной социальной поддержки.

2.2. Диагностика миграционных процессов

Демографические векторы оказывают кумулятивное влияние на алгоритмы распределения ресурсов в социальной сфере, обусловливая приоритеты финансирования с учётом ключевых параметров: коэффициентов рождаемости, смертности, миграционной динамики и полово-возрастного конститута населения. В Кыргызской Республике фиксируется тенденция снижения рождаемости на фоне одновременного повышения уровня смертности, что провоцирует инерционное замедление естественного прироста населения и создаёт предпосылки для демографической деформация.

Значимым фактором в демографическом ландшафте страны выступает отрицательный миграционный сальдо, обусловленный преимущественно трудовой миграцией, направленной на оптимизацию трудовых ресурсов посредством поиска зарубежных трудовых ниш с более выгодными экономическими условиями. Массовый исход квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы инициирует структурные сдвиги в возрастно-половой композиции населения, способствуя феномену ускоренного демографического старения и обостряя кадровый дефицит в критически важных секторах национальной экономики.

Параллельно с увеличением показателей ожидаемой продолжительности жизни нарастает количественная доля пенсионеров, что, в свою очередь, генерирует экспоненциальный рост нагрузки на пенсионную систему и социальный бюджет. В контексте устойчивого развития социума государству предстоит обеспечить мобилизацию адекватных финансовых ресурсов для реализации политики социальной защиты пожилого населения, трансформируя вызовы в управляемые риски.

Анализ статистических трендов подтверждает, что в демографической структуре Кыргызстана сохраняется традиционное преобладание женского контингента. Так, в 2010 году численность мужского населения равнялась 2 674 773 индивидам, в то время как женское население насчитывало 2 743 526 человек. В последующие годы отмечается устойчивый прирост обоих полов, который к 2022 году достиг 3 348 713 мужчин и 3 398 610 женщин, а в 2024 году — 3 542 875 и 3 619 035 человек соответственно, суммарно формируя общую численность в 7 161 910 человек [185] (рисунок 2.11). Такой демографический потенциал служит базисом для формирования адаптивных и прогностически выверенных социальных стратегий.

Данная динамика служит зеркалом устойчивого демографического эволюционирования, однако с учётом превалирующих трендов на горизонте возникает насущный вызов — оптимизация аллокации ресурсов в социальной инфраструктуре с прицелом на мультидименсиональное развитие. Половая морфология населения выступает не просто статистическим показателем, но функциональным параметром, играющим ключевую роль в деконструкции демосоциальных и эконометрических процессов. Гармонизация полового баланса — существенный фактор, детерминирующий конъюнктуру трудового рынка, трансформацию семейных институтов и социокультурные парадигмы общества.

Современные демографические конвергенции, включая интенсификацию доли пожилого контингента и трансформацию соотношения

экономически активных и пассивных групп, порождают необходимость ревизии финансово-ресурсного фреймворка, прежде всего в плоскости пенсионного обеспечения, здравоохранения и систем социальной поддержки.

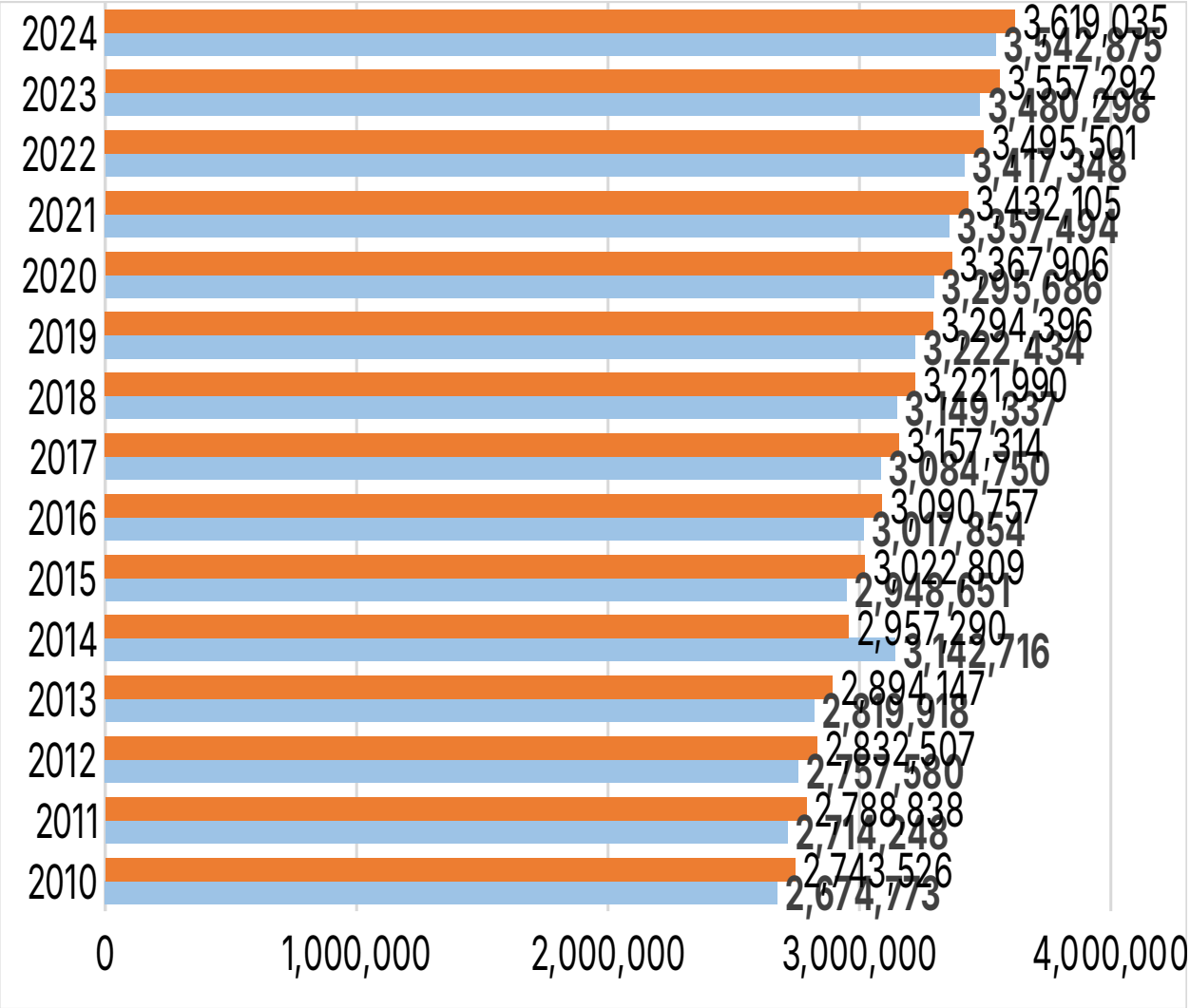

Рисунок 2.11. Динамика постоянного населения Кыргызской Республики в гендерном разрезе за 2010-2024 годы, человек

Источник: составлен согласно данным **[185]**

Редукция экономически активного населения генерирует увеличенную нагрузку на трудоспособных граждан, что обуславливает императив переосмысления налогово-бюджетных стратегий и оптимизацию перераспределительных механизмов.

Фертильностный параметр и меры социальной поддержки материнства и детства прямо коррелируют с бюджетным моделированием социальных

программ, фокусированных на детском развитии, образовании и здравоохранении. Высокий уровень рождаемости выступает драйвером увеличения расходов на детские пособия, дошкольное образование и специализированные медицинские сервисы для матерей и детей.

Миграционные флуктуации, выступая неотъемлемой частью демографического ландшафта, накладывают значимые коррективы на социальное финансирование. Внешняя миграция может индуцировать сжатие налоговой базы вследствие утечки человеческого капитала, в то время как внутренняя миграция и иммиграционные потоки стимулируют возникновение новых социально-экономических потребностей в сферах медицины, образования и интеграционной поддержки. Эффективное управление этими процессами требует построения адаптивных стратегий с упором на гибкость программного планирования и развитие инфраструктуры миграционной поддержки.

Устаревание населения и увеличение средней продолжительности жизни становятся мощным стресс-фактором для пенсионных и медицинских систем, порождая необходимость усиленных долгосрочных финансовых инвестиций в обеспечение стабильности пенсионных выплат, расширение доступности медицинских услуг и интенсификацию программ социальной помощи пожилым гражданам.

Итогом комплексного демографического трансформизма выступает многоуровневое воздействие на социальное планирование и бюджетирование, которое требует глубокого и проактивного анализа текущих трендов для предвосхищения будущих вызовов и адаптации социально-экономической политики в целях устойчивого финансирования и гармоничного развития общества.

Экономические детерминанты, такие как хронически высокая безработица, низкий уровень доходов и ограниченные возможности трудоустройства, остаются триггерами эмиграционных настроений. В

периоды экономической турбулентности и реформ миграционные импульсы значительно усиливаются, поскольку население ищет альтернативы для улучшения благосостояния за пределами национальных границ. Политические пертурбации и внутренние конфликтные кластеры усугубляют миграционные тренды, формируя поток в поисках социальной стабильности и безопасности.

Помимо экономико-политических факторов, социальные мотивации играют значимую роль: многие семьи ориентированы на образовательные возможности, качество медицинских услуг и повышение жизненного стандарта, что трансформирует миграцию в инструмент социальной мобильности. Родственные и клановые связи выступают катализаторами миграционных решений, обеспечивая каналы для последующих перемещений. Молодёжный контингент рассматривает миграцию как платформу для самореализации, профессионального роста и расширения жизненного опыта.

Миграционный анализ Кыргызстана за период 2011–2024 гг. фиксирует тенденцию к снижению миграционного оттока, обозначая в 2022 году переход к позитивной динамике. В 2011 году зафиксирован пик негативного миграционного сальдо, достигший уровня -39 403 человека, что иллюстрирует масштабы миграционных вызовов того периода. [185] (рисунок 2.12).

Данная миграционная динамика выступает ярким индикатором системных экономических фрустраций, породивших масштабный отток населения в поисках лучшего материального обеспечения и условий проживания за рубежом. Однако уже к 2012 году наблюдается значительное смягчение миграционного давления: объем отрицательного сальдо сократился до -7 487 человек, а в последующем периоде — с 2014 по 2017 годы — отрицательный миграционный баланс консолидировался в диапазоне от -7 757 до -3 925, что свидетельствует о стабилизации миграционных трендов.

В интервале 2015–2019 годов отток сохранял умеренно негативный характер, не превышая порога в -6 160 человек, а в 2020 году, на фоне

глобального шока, вызванного пандемией COVID-19 и последовавшими ограничениями мобильности, миграционный отток заметно снизился до -4 861.

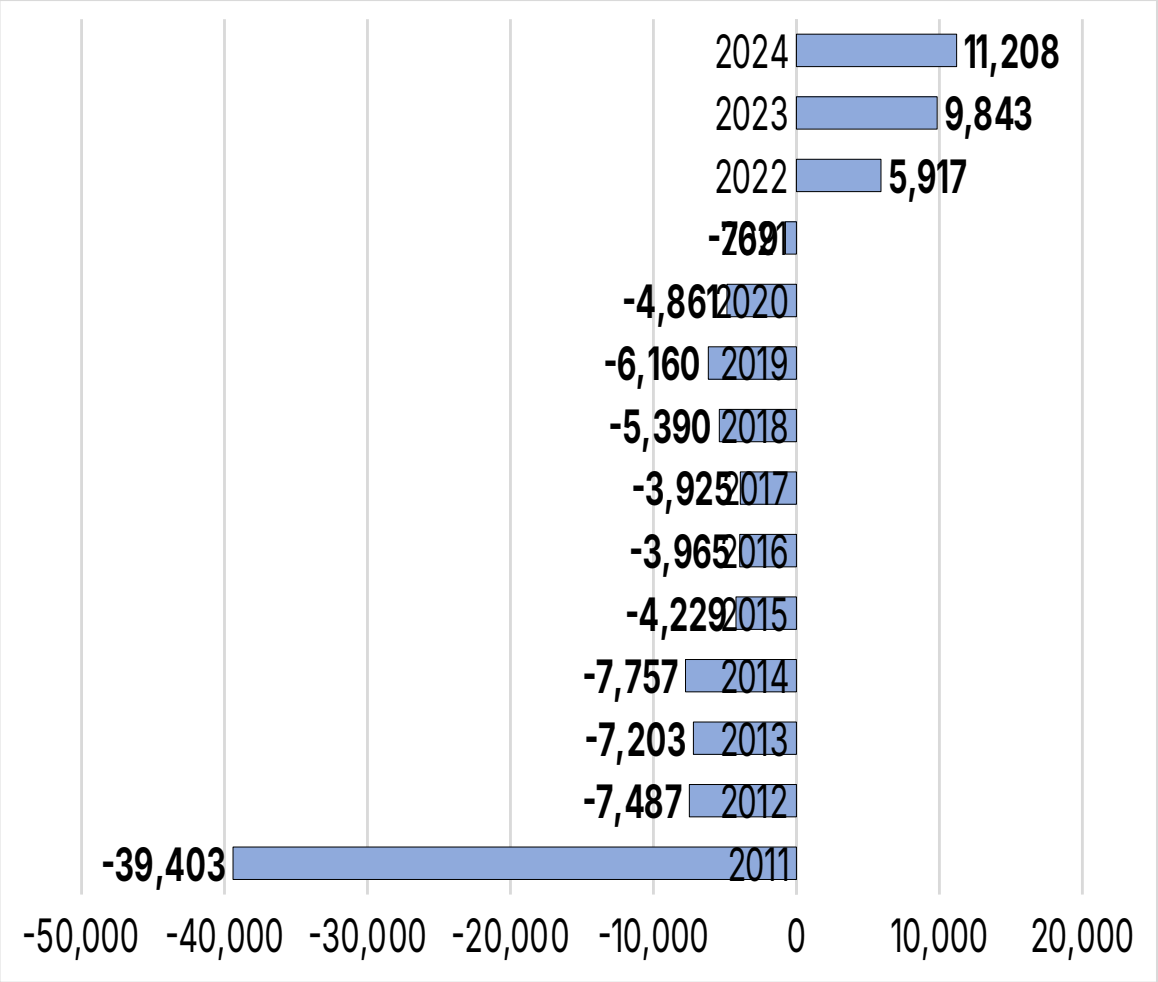

Рисунок 2.12. Миграционный прирост, отток (-) в КР за 2011-2024 годы, человек

Источник: согласно данным **[185]**

Далее, в 2021 году, баланс приблизился к нейтральной отметке (-769 человек), что коррелирует с феноменом возврата мигрантов и сокращением эмиграционных потоков.

Резкий перелом в миграционной парадигме произошел в 2022 году, когда Кыргызстан впервые за долгое время зафиксировал позитивный миграционный прирост — 5 917 человек. Тенденция усилилась в 2023 году (+9 843), достигнув в 2024-м уже 11 208 человек. Это отражает не только возврат отечественных трудовых мигрантов, но и трансформацию миграционной

политики, улучшение макроэкономического фона, а также возможный приток мигрантов из сопредельных государств.

Таким образом, в период с 2011 по 2021 год Кыргызстан характеризовался устойчивым миграционным дефицитом, тогда как с 2022 года наблюдается переход к профицитному миграционному балансу — симптом комплексного улучшения социально-экономических условий, повышения привлекательности национального пространства и эволюции внешнеполитического вектора миграционной стратегии.

Отдельно стоит выделить миграционные связи с Россией, которая в 2023 году стала главным источником миграционного прироста (+8 031 человек), а в 2024-м эта цифра возросла до 9 263, подчеркивая стратегическую роль РФ в миграционных трансферах Кыргызстана и важность двустороннего взаимодействия в формировании миграционного баланса [185] (рисунок 2.13).

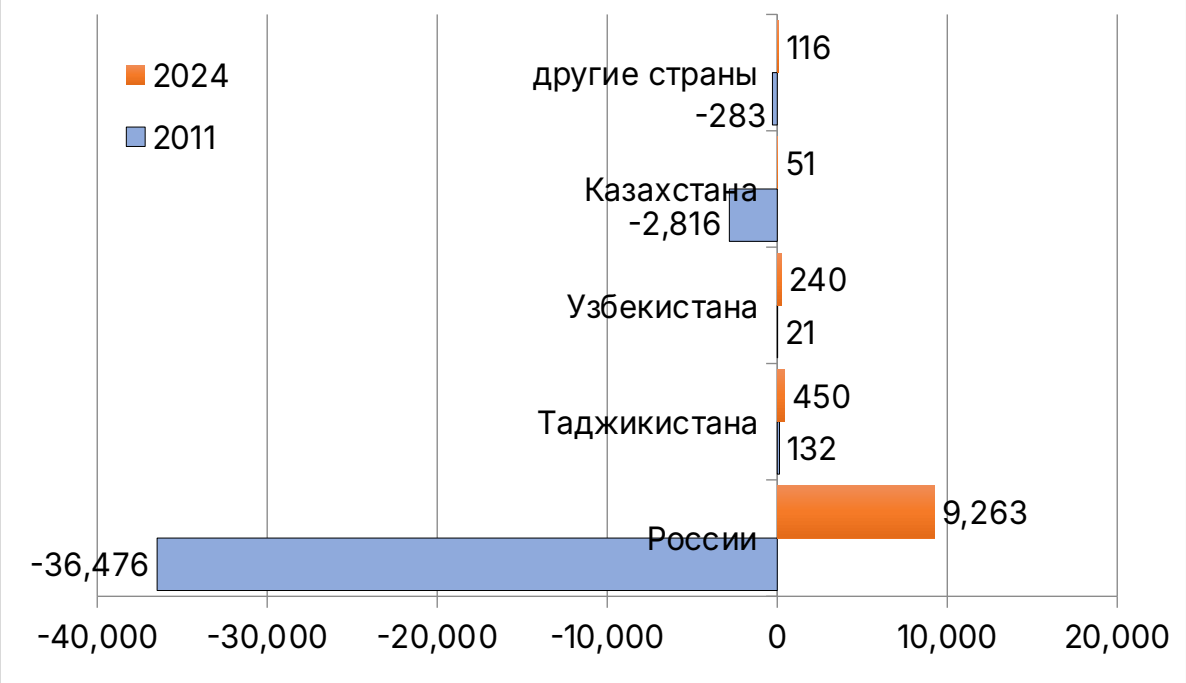

Рисунок 2.13. Миграционный прирост, отток (-) в КР по странам за 2011, 2024 годы, человек

Источник: согласно данным **[185]**

Миграционные процессы продолжают оставаться ключевым детектором социально-экономического здоровья страны, позволяя выявлять «узкие места»

и формировать адресные меры, направленные на минимизацию демографических потерь и усиление внутреннего потенциала.

В анализируемом периоде, с 2011 по 2024 год, миграционная динамика в Кыргызской Республике претерпела заметные трансформации, которые отражают сложные социально-экономические и геополитические процессы в регионе. Рассмотрение миграционного прироста и оттока по странам, с которыми КР традиционно связывает значимые миграционные потоки, позволяет выявить закономерности, неочевидные на первый взгляд.

Если обратиться к Казахстану, то в 2011 году наблюдался отрицательный миграционный баланс, достигавший почти трёх тысяч человек (2816), что свидетельствовало о том, что количество покидавших Кыргызстан в направлении Казахстана превышало число возвращающихся или прибывающих. Однако уже к 2024 году ситуация изменилась кардинально: миграционный прирост положительный и составляет 51 человека. Это с одной стороны выглядит символично и несёт скорее характер стабилизации, а с другой — отражает небольшое, но заметное изменение в предпочтениях мигрантов и возможно улучшение условий как в самой КР, так и в Казахстане, либо изменение миграционной политики, что побуждает людей возвращаться или оставаться в Кыргызстане. Впрочем, столь незначительный прирост на фоне предыдущих значений может свидетельствовать о неустойчивости миграционных процессов и о том, что динамика по-прежнему зависит от множества факторов, зачастую ситуативных и локальных.

В Таджикистане же картина более однозначно положительная, и даже усиливающаяся с течением времени. Миграционный прирост за 2011 год был достаточно скромным — всего 132 человека, что, впрочем, уже свидетельствовало о некотором позитивном движении в сторону Кыргызстана. К 2024 году цифра выросла почти втрое, достигнув 450 человек. Это может говорить о нарастающей привлекательности Кыргызстана для мигрантов из Таджикистана, вероятно, связанной с улучшением

экономической ситуации, ростом рабочих мест или улучшением социальной инфраструктуры. Также возможно влияние демографического фактора и изменения в трудовом рынке, когда Кыргызстан становится более предпочтительным направлением для временной или постоянной миграции.

Что касается Узбекистана, миграционные показатели здесь остаются сравнительно невысокими, но с ощутимым ростом: с 21 человека в 2011 году до 240 в 2024-м. Хотя абсолютные значения далеки от масштабов, наблюдаемых по другим странам, тенденция роста весьма заметна и подтверждает общий тренд усиления миграционных связей в регионе. Этот рост можно связывать с изменениями в узбекской миграционной политике, демографическими сдвигами, а также с усилением экономических связей между странами и внутренними изменениями в КР, делающими её более привлекательной для мигрантов из соседних государств.

Особое внимание заслуживает ситуация с Россией, где произошли наиболее драматичные перемены. В 2011 году миграционный отток из Кыргызстана в Россию был рекордно высоким и составлял почти 36,5 тысячи человек, что подчёркивало масштаб экономической миграции и трудовой миграции в общем. К 2024 году ситуация меняется кардинально — теперь фиксируется миграционный прирост, превышающий 9 тысяч человек. Этот феномен требует углублённого осмысления. Вероятно, такие изменения связаны с комплексом факторов: частично возвращение мигрантов из России в Кыргызстан, возможно, вызванное изменениями в экономической ситуации в России или в миграционной политике, а также ростом привлекательности Кыргызстана как страны постоянного проживания. Кроме того, возможна интенсификация миграционных потоков в обратную сторону, обусловленная демографическими и социально-экономическими факторами, включая улучшение условий жизни и создание рабочих мест в Кыргызстане.

В целом, миграционные процессы в Кыргызстане между 2011 и 2024 годами демонстрируют значительную динамику, сопровождающуюся как

локальными сдвигами, так и отражением более широких региональных трансформаций. Эти показатели свидетельствуют о постепенном изменении миграционного ландшафта, что требует пристального внимания со стороны государства для разработки адекватных миграционных и социально-экономических стратегий, учитывающих как внешние вызовы, так и внутренние возможности.

Общий миграционный вектор Кыргызской Республики в 2024 году продолжил набирать центростремительный импульс, формируя устойчивую тенденцию, наметившуюся ещё в предыдущем году. Этот процесс носит характер сложносоставного демографо-экономического дрейфа, в котором доминируют разнонаправленные субмеханизмы возвратной и транснациональной миграции. При этом, вопреки устоявшимся парадигмам, Россия из зоны эмиграционного втягивания трансформировалась в донора возвратных потоков, обеспечив рекордный позитивный вклад в национальный миграционный баланс, функционируя как своего рода реэкспортёр человеческого капитала. Нельзя не отметить, что Казахстан, исторически воспринимавшийся как миграционный аккумулятор, ныне демонстрирует признаки функционального разворота — из зоны оттока кадров Кыргызстана он де-факто эволюционировал в пространственно-демографический донор для КР. Эта тектоническая инверсия, хоть и умеренного масштаба, но сигнализирует о нарастающих шевелениях на субрегиональном рынке труда. В противовес, страны южного ареала — Таджикистан и Узбекистан — фиксируют относительный спад миграционного притока в КР, что может быть следствием как макроэкономической стабилизации у них на родине, так и процессов репатриационного уравновешивания, сопряжённых с усилением локальных синергий занятости и пересмотра вектора мобильности.

Геодемографическая стратификация внутри самого Кыргызстана выявляет выраженную территориальную асимметрию. Ошская область с приростом в 2528 человек и Джалал-Абадская с её 2255 единицами

миграционного инкремента занимают лидирующие позиции, что можно интерпретировать как следствие активизации полюсов региональной привлекательности, где экономико-социальная инфраструктура формирует устойчивые поля тяготения. Столица, Бишкек, также продолжает свою перетягивающую миссию, аккумулируя 2320 новых резидентов, тем самым подтверждая продолжающийся тренд на урбаноконцентрацию и вертикальную миграционную реориентацию.

Баткенская (1315 чел.) и Чуйская области (1249 чел.) обнаруживают положительный баланс, что, возможно, связано с их логистической связанностью и формирующейся кластерной сетью транзитной экономики. Город Ош с приростом в 892 индивида выступает в роли субрегионального центра притяжения, представляя интерес как для внутреннего трудового перемещения, так и для квазипостоянного переселения.

Контрпримером служат менее плотные регионы — Иссык-Кульская область (365 человек), Таласская (197) и особенно Нарынская, где прирост составил всего 87 субъектов миграционного процесса. Эти цифры, несмотря на их скромность, позволяют предположить существование устойчивых ограничителей в виде структурной слабости рынка труда, низкой экономической динамизации и фрагментированной социальной инфраструктуры. Отдельного внимания заслуживает концепт «демографической вялости», как объяснительная модель, применимая к этим регионам, где миграционные токи лишь эпизодически активизируются и не обладают выраженной тенденцией к устойчивому воспроизводству.

Таким образом, миграционный пейзаж Кыргызстана в 2024 году предстаёт в виде многослойной структуры с ярко выраженными полюсами роста и зонами стагнации, внутри которой действуют сложные механизмы репатриации, субрегионального перераспределения и инерционной внутренней мобильности.[185] (рисунок 2.14).

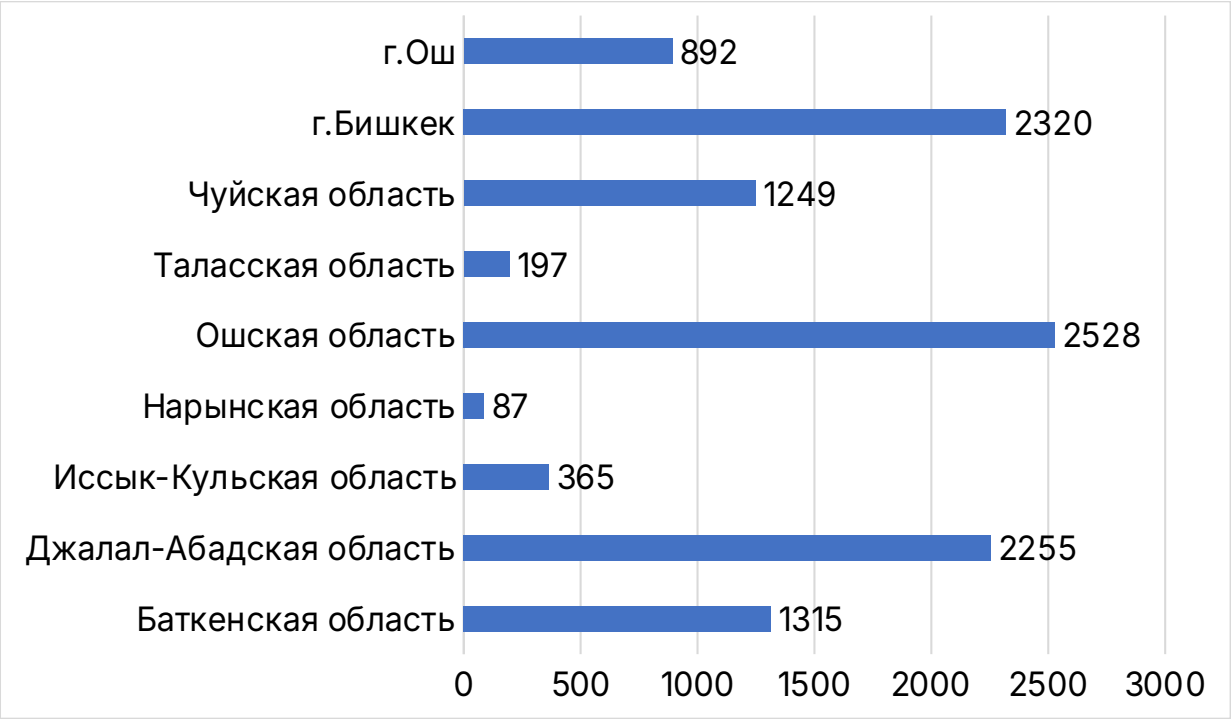

Рисунок 2.14. Миграционный прирост в КР в территориальном разрезе в 2024 году, человек

Источник: согласно данным **[185]**

Таким образом, основные тенденции миграционного прироста в 2024 году свидетельствуют о том, что население предпочитает перемещаться в экономически более развитые и урбанизированные регионы, особенно в южные области, столицу и крупные города.

Миграционные процессы остаются важным индикатором социально-экономического развития страны. Анализ их динамики позволяет выявлять ключевые факторы, влияющие на отток и приток населения, а также разрабатывать эффективные меры для стабилизации демографической ситуации.

Анализ динамики числа прибывших в Кыргызстан в 2011 и 2024 годах показывает значительный рост миграционного потока. Общее число прибывших увеличилось более чем в два раза — с 6 337 человек в 2011 году до 14 669 человек в 2024 году. [185] (рисунок 2.15).

Наибольший прирост отмечен среди кыргызов: их число выросло с 2 692 до 10 063 человек. Это может быть связано с возвращением этнических

кыргызов из других стран, миграцией в рамках программ переселения или экономическими факторами.

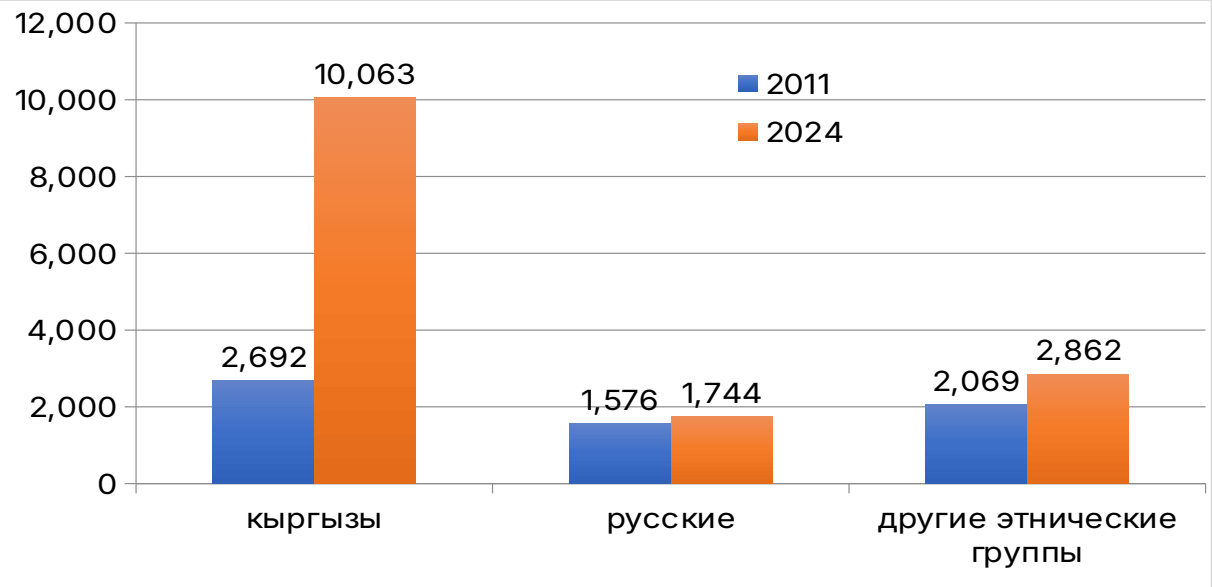

Рисунок 2.15. Число прибывших в Кыргызской Республику в 2011 и 2024 годах, человек

Источник: согласно данным **[185]**

Среди других этнических групп рост наблюдается у узбеков (с 931 до 1 857 человек), таджиков (с 43 до 114 человек), дунган (с 77 до 133 человек) и турок (с 28 до 70 человек). Это может указывать на усиление экономических и социальных связей Кыргызстана с соседними странами и традиционно мигрирующими общинами.

Некоторые национальности сохранили относительно стабильные показатели. Например, число прибывших русских увеличилось незначительно (с 1 576 до 1 744 человек), а количество немцев осталось неизменным (46 человек).

В то же время сокращение числа прибывших отмечается среди украинцев (с 163 до 86 человек), казахов (с 112 до 54 человек), татар (с 149 до 99 человек) и уйгуров (с 153 до 97 человек). Это может быть связано с изменениями в миграционной политике или изменением приоритетов переселения этих групп.

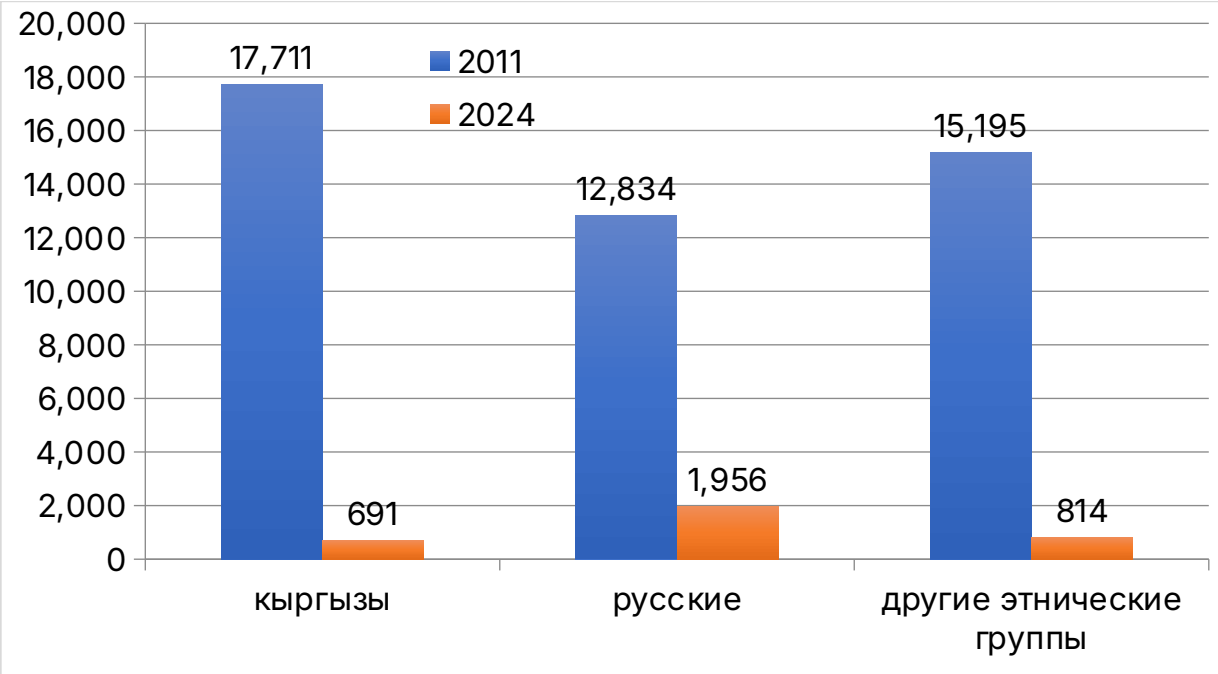

Рисунок 2.16. Число выбывших из Кыргызской Республики в 2011 и 2024 годах, человек

Источник: согласно данным **[185]**

Появление новых этнических групп среди прибывших, таких как грузины (3 человека), литовцы (2 человека) и армяне (7 человек), а также увеличение числа белорусов (с 6 до 19 человек) может свидетельствовать о росте международной мобильности и изменениях в миграционных потоках.

Анализ динамики числа выбывших из Кыргызстана в 2011 и 2024 годах показывает резкое сокращение миграционного оттока. Общее число покинувших страну значительно уменьшилось, особенно среди крупнейших этнических групп.

Наибольшее снижение наблюдается среди кыргызов: если в 2011 году страну покинули 17 711 человек, то в 2024 году этот показатель составил всего 691 человек. Это может свидетельствовать об улучшении социально-экономической ситуации, снижении трудовой миграции или изменении миграционных предпочтений граждан [185] (рисунок 2.16).

Таким образом, в 2024 году миграция в Кыргызстан демонстрирует тенденцию к увеличению числа прибывающих, особенно среди этнических

кыргызов и некоторых групп из соседних стран, что может быть обусловлено экономическими, политическими и демографическими факторами.

Схожая тенденция характерна и для русских — их отток снизился с 12 834 человек в 2011 году до 1 956 человек в 2024 году. Возможно, это связано со стабилизацией положения русскоязычного населения в Кыргызстане или с ослаблением факторов, побуждавших их к эмиграции в прошлые годы.

Число выбывших узбеков также резко уменьшилось — с 8 751 до 137 человек, что может быть связано с укреплением межэтнических отношений и улучшением условий жизни для узбекского населения.

Среди других этнических групп также зафиксировано значительное сокращение миграционного оттока. Например, количество выбывших украинцев сократилось более чем в 12 раз (с 1 134 до 94 человек), татар — в 14 раз (с 1 019 до 70 человек), немцев — более чем в три раза (с 410 до 130 человек), дунган — почти в семь раз (с 412 до 64 человек), корейцев — в 20 раз (с 417 до 21 человека) [185] (рисунок 2.17).

Некоторые национальности практически прекратили миграцию из Кыргызстана. Например, в 2024 году не зафиксировано выезда латышей, туркмен и эстонцев, хотя в 2011 году такие случаи имели место.

В 2011 году миграционный баланс Кыргызской Республики был отрицательным для большинства этнических групп, что указывало на значительный отток населения. Наибольшие потери были среди кыргызов (-15 019 человек) и русских (-11 258 человек), что свидетельствовало о массовой эмиграции этих национальностей. Значительный отток также наблюдался среди узбеков (-7 820 человек), что могло быть связано с социально-экономическими или политическими факторами.

В 2024 году ситуация кардинально изменилась. Кыргызская этническая группа, ранее имевшая большой отток, показала положительный прирост (+9 372 человека), что может свидетельствовать о возвращении кыргызов в страну или о снижении эмиграционных тенденций

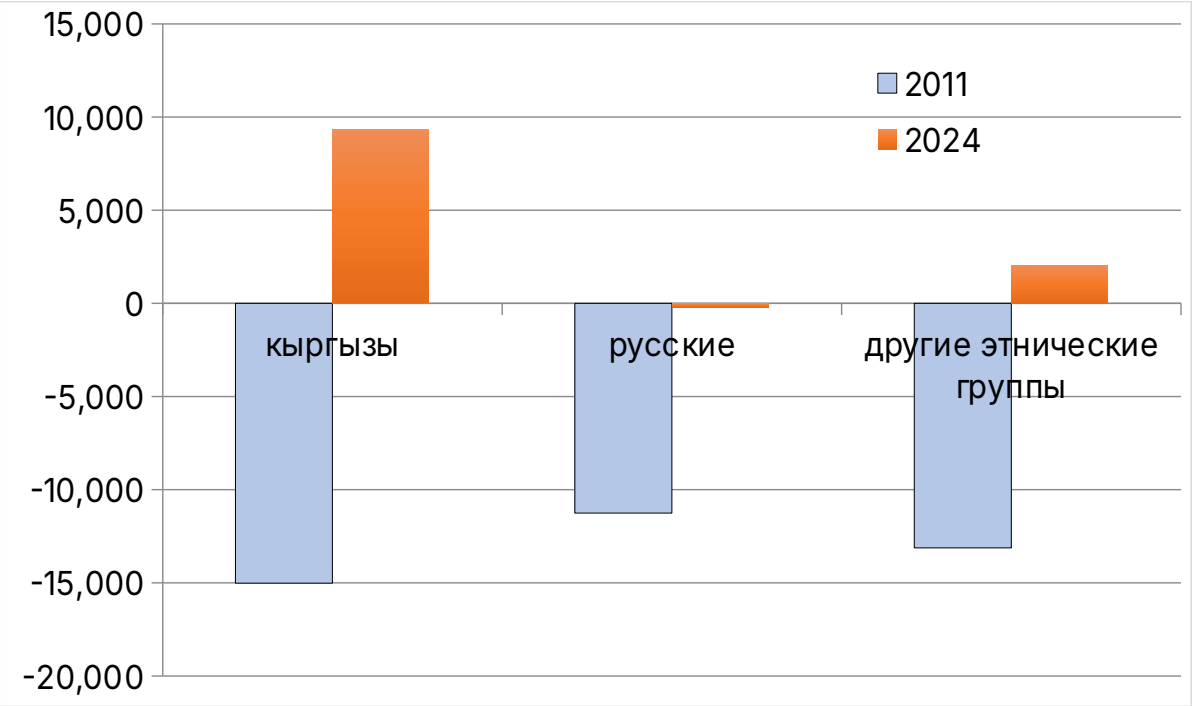

Рисунок 2.17. Миграционный прирост, отток (-) в Кыргызской Республике по этническим группам в 2011 и 2024 годах, человек

Источник: согласно данным **[185]**

Аналогичная ситуация наблюдается среди узбеков (+1 720 человек), таджиков (+106 человек), уйгуров (+71 человек), дунган (+69 человек) и корейцев (+74 человека), что может быть связано с улучшением экономических условий или изменениями в миграционной политике Русская этническая группа в 2024 году продолжает демонстрировать отрицательный миграционный баланс (-212 человек), но масштабы оттока значительно сократились по сравнению с 2011 годом. Среди украинцев (-8 человек), белорусов (-5 человек) и казахов (-28 человек) также наблюдается небольшая отрицательная динамика, но она гораздо менее выражена, чем в прошлом.

Особое внимание привлекает позитивная динамика среди некоторых этнических групп, которые в 2011 году демонстрировали отток, но в 2024 году имеют небольшой прирост, например, азербайджанцы (+25 человек), татары (+29 человек), турки (+40 человек) и чеченцы (+7 человек). Это может указывать на стабилизацию положения этих этнических групп в стране.

Некоторые группы продолжают демонстрировать небольшой миграционный отток, включая немцев (-84 человека), но в целом масштабы эмиграции значительно уменьшились по сравнению с 2011 годом.

Таким образом, анализ данных показывает, что в 2024 году Кыргызстан столкнулся с изменением миграционных тенденций: на смену массовому оттоку населения, характерному для 2011 года, пришел частичный миграционный прирост или значительное снижение эмиграции, особенно среди кыргызов и узбеков. Это может свидетельствовать о росте привлекательности страны для проживания и возможном улучшении социально-экономической ситуации.

В ходе эмпирического опроса, проведённого среди миграционно-активного контингента МОМ, респонденты оценивали причинно-мотивирующие факторы эмиграционной мобильности из Кыргызской Республики по пятибалльной шкале валидности значимости, где 0 соответствовало полной неактуальности, а 5 — максимальной степени важности.

Таблица 2.1 – Оценка важности причин возвращения в Кыргызстан по шкале от 0 до 5:

Причина возвращения	**Средний балл**
Семейные дела (воссоединение семьи, брак и т.д.)	4,2
Завершение рабочего контракта/срока найма	3,5
Истечение срока действия/высокая стоимость разрешения на работу (патента)	3,1
Поиск лучшей работы на родине	2,8
Депортация	2,5
Состояние здоровья	2,2
Обесценивание российского рубля	2,3
Частичная мобилизация	2,2

Причина возвращения	**Средний балл**
Экономические санкции против Российской Федерации	1,9
Финансовые проблемы/долги	2,1
Конфликты и общая ситуация с безопасностью за рубежом	2,0
Низкий доход в стране возвращения	1,8
Отсутствие экономических возможностей за рубежом	1,7
Нарушение прав человека за рубежом	1,7
Стихийные бедствия/изменения климата за рубежом	1,1
Другие причины	0,1

Источнике: по данным МОМ [193].

Наивысшие интегральные индексы значимости получили параметры «низкий уровень дохода на внутреннем рынке труда Кыргызстана» и «стремление к оптимизации трудового потенциала посредством зарубежного трудоустройства», со средними оценками 4,5 и 4,4 соответственно. Следующим по уровню репрезентативности был фактор структурного дефицита экономических возможностей на национальном уровне, обозначенный средним баллом 4,0 [193].

Второстепенными, но всё же значимыми мотивационными драйверами, выступили «улучшение жизненного стандарта» и «оформление трудового контракта в принимающей стране», с индексами 3,9 и 3,6, что отражает комплексное взаимодействие экономических и институциональных стимулов.

Финансовая инерция в виде задолженности и макроэкономическая турбулентность, представленная девальвационными процессами национальной валюты, оценивались со средними значениями 3,5 и 2,5 соответственно, указывая на наличие системных ограничителей внутри экономики [193].

Мотивации, связанные с образовательными амбициями и семейными обстоятельствами, включая процессы репатриации и брачные миграции,

получили умеренные оценки в диапазоне 2,3–2,4, что свидетельствует о их периферийной роли в миграционной парадигме. Существенно менее значимыми были такие детерминанты, как необходимость медицинской миграции, влияние экономических санкций (в частности, со стороны Российской Федерации), региональные конфликтные ситуации, проблемы безопасности, нарушения прав человека, а также экзогенные факторы — стихийные бедствия и антропогенно-модифицированные климатические изменения, которые в совокупности получили низкие показатели значимости, указывая на их маргинальную роль в контексте миграционной динамики [193].

Таблица 2.2 -Причинами внутренней эмиграции в 2024 году

Причина внутренней эмиграции	**Доля (%)**
Экономические причины	72%
Проблемы с жильём	16%
Образование	7%
Неизвестно	3%
Изменение климата	2%
Состояние здоровья	<1%
Семейные дела	<1%

Источнике: по данным МОМ [193].

Доминантным катализатором внутренней миграционной мобилизации выступает экономический фактор, на долю которого приходится значительная квота — порядка 72%, что ярко иллюстрирует ключевую роль экономического потенциала и прагматических ожиданий трудовой реализации в алгоритмах принятия решений о перемещении внутри страны. Жилищная проблематика, с её многогранным социально-структурным контекстом, также занимает весомую позицию, аккумулируя около 16% миграционных импульсов и выступая в роли социоэкономического триггера, способствующего переформатированию локальных сообществ. Образовательная миграция, хотя и присутствует как феномен, носит вторичный характер и оценивается лишь в

7%, что указывает на её относительную периферийность в сравнении с доминирующими драйверами. Микропроценты, закрепленные за такими причинами, как климатические трансформации (2%), состояние здоровья (<1%) и семейно-бытовые обстоятельства (<1%), демонстрируют их маргинальное воздействие в структуре внутренних миграционных процессов, позволяя классифицировать данные факторы как второстепенные по сравнению с фундаментальными экономическими и жилищными детерминантами [193].

2.3. Влияние внешней трудовой миграции на рынок труда и уровень занятости

Внешняя трудовая миграция оказывает значительное влияние на рынок труда Кыргызстана, формируя как позитивные, так и негативные тенденции в занятости населения, уровне безработицы и социально-экономическом развитии страны.

1. Снижение уровня рабочей силы и дефицит кадров

Массовый отток трудоспособного населения за границу, преимущественно в Россию, Казахстан, Турцию и Южную Корею, приводит к дефициту рабочей силы в отдельных секторах экономики. Особенно остро это проявляется в строительстве, сельском хозяйстве и сфере услуг, где наблюдается нехватка квалифицированных кадров. В долгосрочной перспективе это может замедлять экономический рост, снижать производительность труда и увеличивать нагрузку на оставшихся работников.

2. Влияние на уровень безработицы

Трудовая миграция частично компенсирует проблему безработицы, так как значительная часть населения, не находя работы внутри страны, уезжает за границу. Однако это также приводит к дисбалансу на рынке труда: в некоторых секторах сохраняется высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи, в то время как в других ощущается нехватка работников.

3. Рост денежных переводов и влияние на экономику

Одним из ключевых последствий трудовой миграции является поступление денежных переводов от мигрантов, которые составляют значительную долю ВВП страны. Эти средства поддерживают потребительский спрос, способствуют развитию малого и среднего бизнеса, а также помогают улучшать уровень жизни семей мигрантов. Однако зависимость экономики от внешних переводов делает ее уязвимой перед колебаниями валютного курса и экономическими кризисами в странах-реципиентах мигрантов.

4. Социальные и демографические последствия

Миграция оказывает влияние не только на рынок труда, но и на социальную структуру страны. Длительное отсутствие трудоспособного населения влияет на демографические показатели, семейные отношения и систему социальной защиты. Кроме того, отток квалифицированных кадров может замедлять развитие ключевых отраслей, таких как здравоохранение и образование.

Несмотря на существующие вызовы, внешняя трудовая миграция может стать фактором развития экономики, если будут приняты меры по эффективному использованию трудового потенциала мигрантов. Среди возможных стратегий — создание благоприятных условий для возвращения квалифицированных специалистов, развитие программ по переквалификации и трудоустройству внутри страны, а также укрепление сотрудничества с принимающими странами для защиты прав мигрантов и легализации их трудовой деятельности.

Таким образом, внешняя трудовая миграция оказывает сложное и многогранное влияние на рынок труда Кыргызстана. Оптимизация миграционной политики, создание рабочих мест и стимулирование предпринимательства могут помочь минимизировать негативные последствия и превратить миграцию в инструмент экономического роста.

Согласно итогам переписи населения Кыргызстана, проведённой в 2022 году, численность постоянного населения страны достигла 6,9 млн человек. При этом 3,9 млн человек, что составляет 57%, относятся к категории трудоспособного населения.

Одной из ключевых демографических особенностей является значительный уровень трудовой миграции. Около 1,1 млн человек (16% от общего населения) на момент переписи находились за пределами места своего постоянного проживания. Среди граждан трудоспособного возраста этот показатель ещё выше — каждый четвёртый (28%) временно отсутствовал из-за трудовой миграции (Рисунок 2.18).

Особенно высокие масштабы временной миграции отмечены в Баткенской, Джалал-Абадской и Таласской областях. Здесь доля отсутствующих превышает 20% от всего населения региона, а среди трудоспособного населения этот показатель достигает 40% и более. Данная тенденция свидетельствует о высокой зависимости этих областей от внешних источников занятости, что требует разработки комплексных мер по созданию рабочих мест внутри страны.

Основными факторами, вынуждающими жителей Кыргызстана к трудовой миграции, являются низкий уровень заработной платы (26%), нехватка рабочих мест (17%), финансовые трудности и задолженности (16%), а также общее недовольство условиями жизни в стране (10%). Эти причины отражают сложную экономическую ситуацию и ограниченные возможности для профессионального роста внутри республики.

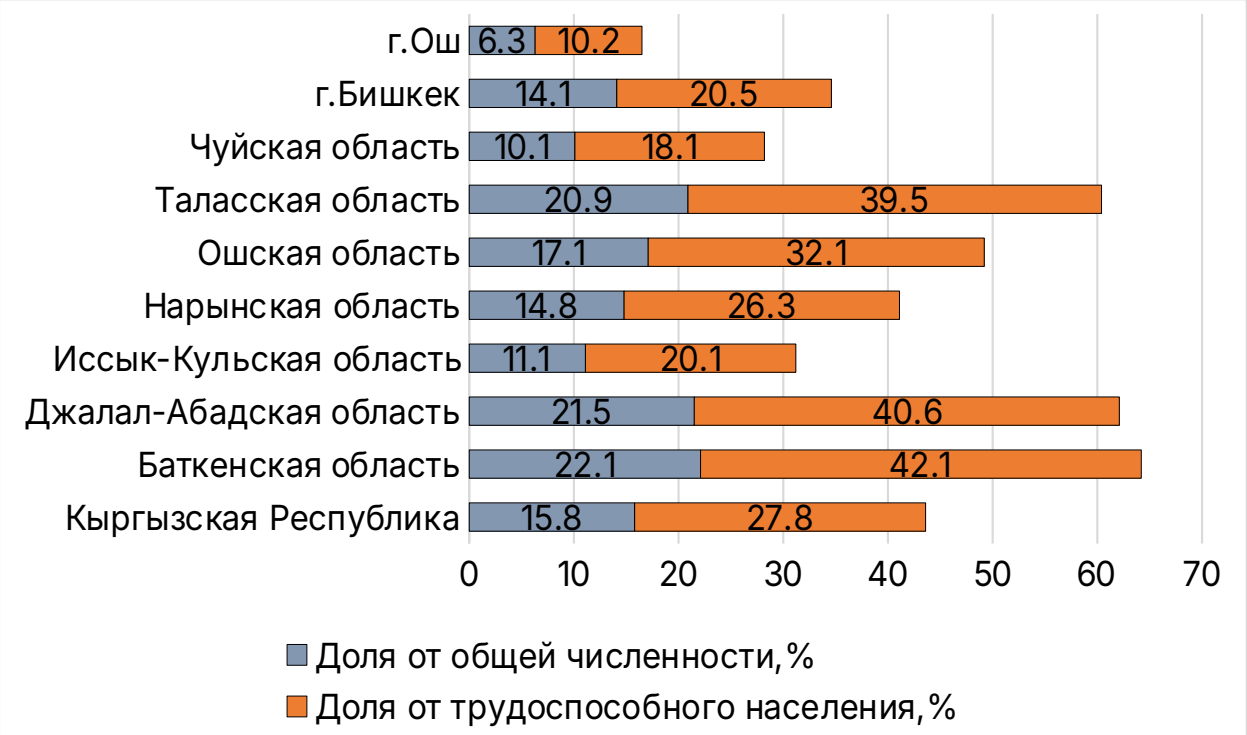

Рисунок 2.18. Временно отсутствующее население по регионам Кыргызской Республики, %

Источник: согласно данным **[185]**

Согласно итогам переписи населения 2022 года, среди 1,1 млн человек, временно отсутствующих в местах постоянного проживания, подавляющее большинство — 964,6 тыс. человек (88,1%) — выехали за границу с целью трудоустройства. Ещё 77,4 тыс. (7,1%) покинули страну по семейным обстоятельствам, 41,4 тыс. (3,8%) отправились на учёбу, а оставшиеся 11,1 тыс. (1%) уехали по иным причинам (Рисунок 2.19). Согласно данным Национального статистического комитета, подавляющее большинство граждан Кыргызстана, временно находящихся за пределами страны, уехали в государства СНГ с целью трудоустройства. Среди них 98,1% мужчин и 97,8% женщин выехали именно в поисках работы, что подчёркивает значительную зависимость трудоспособного населения от внешних рынков труда.

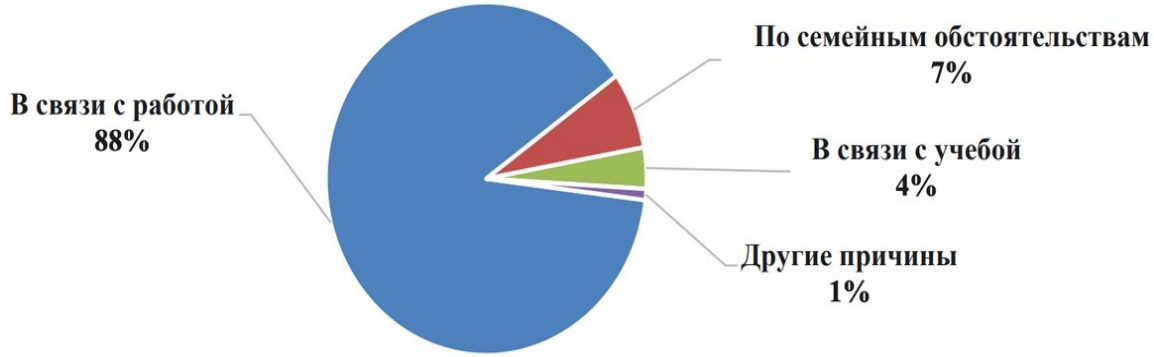

Рисунок 2.19. Распределение временно отсутствующего население по причинам временного отсутствия в Кыргызской Республике, %

Источник: согласно данным **[185]**

Анализ половозрастной структуры мигрантов показывает, что в общей массе временно отсутствующего населения существенных различий между числом мужчин и женщин нет (Рисунок 2.20).

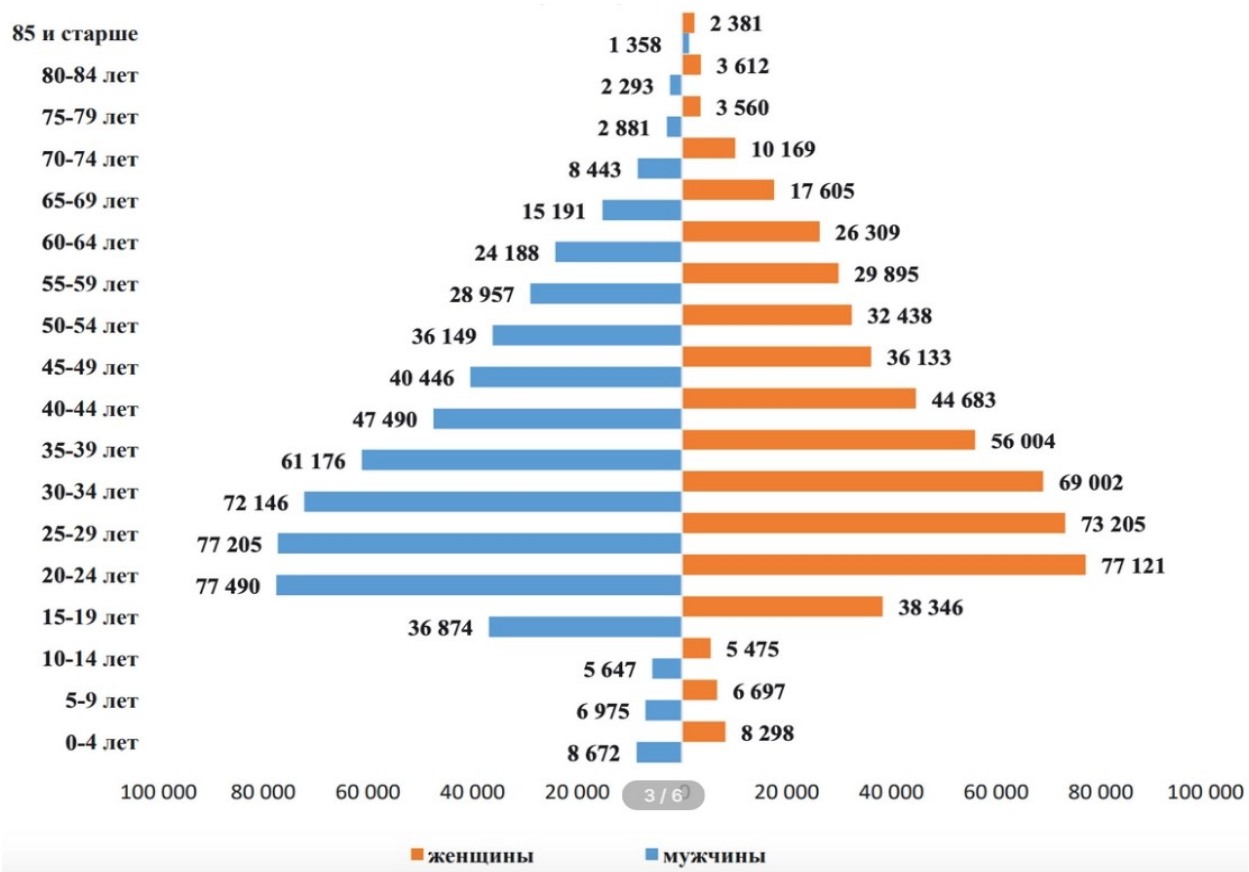

Рисунок 2.20. Половозрастная структура временно отсутствующего населения в Кыргызской Республике, человек

Источник: согласно данным **[185]**

Однако среди граждан старше 55 лет отмечается значительное преобладание женщин над мужчинами, что может быть связано как с большей продолжительностью жизни у женщин, так и с особенностями занятости в пожилом возрасте.

В наиболее активном трудоспособном возрасте за границей находились 492,5 тыс. мужчин и 443,5 тыс. женщин. Основной поток мигрантов обоих полов приходится на возрастную категорию 20–40 лет — именно эта группа наиболее мобильна и вовлечена в трудовую миграцию. Такие тенденции указывают на необходимость создания внутри страны привлекательных условий труда, чтобы снизить отток квалифицированных специалистов и молодых работников за рубеж (Рисунок 2.21).

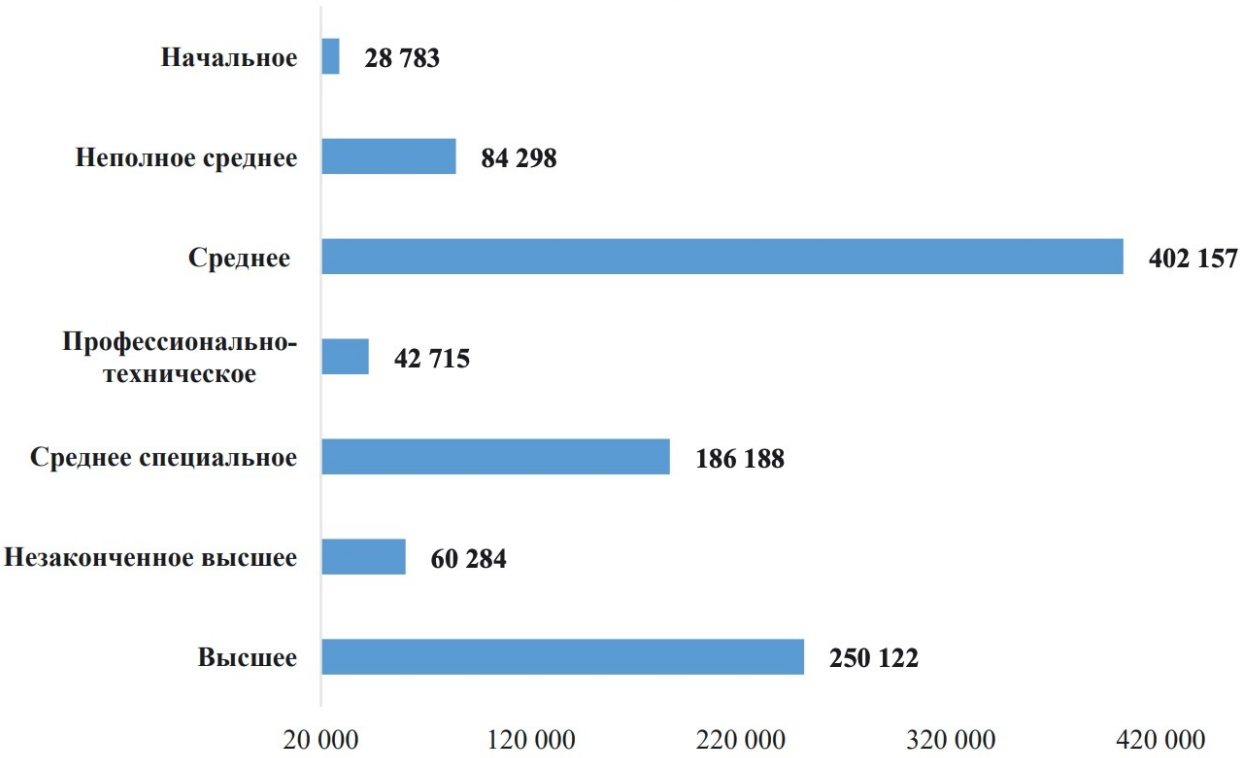

Рисунок 2.21. Уровень образования временно отсутствующего населения в Кыргызской Республике, человек

Источник: согласно данным **[185]**

Распределение демографического субстрата в виде временно отсутствующего контингента граждан Кыргызской Республики, достигших десятилетнего возрастного рубежа, при диссегрированной экспликации по

аксиологическим уровням образовательного ценза являет собой индикацию нескольких разнонаправленных, но структурно соотнесённых векторов. Имеет место превалирование субъектов, обладающих либо срединным общекультурным, либо прикладным профессионалистским багажом, что априори маркирует их как носителей базовых когнитивных и технократических компетенций, выехавших за рубеж в статусе уже частично социализированных и трудоспособных индивидов.

Отдельного акцента заслуживает перманентное наличие индивидов с высшей степенью академического формализма в образовательной траектории. Их относительная представленность в эмиграционном массиве репрезентирует латентное противоречие между объемом производимого интеллектуального капитала и инерционной несостоятельностью внутреннего рынка занятости к его полному абсорбированию. Тем самым можно утверждать о функциональной диспропорции между квалификационными ожиданиями и институциональной средой экономической востребованности.

В категории миграционного ювенилиата, преимущественно в возрастной парадигме от 10 до 19 лет, доминируют агенты с элементарной образовательной осведомлённостью — базовой или незавершённой средней. Это свидетельствует о транснациональной интенции молодёжных когорт, находящихся в фазе постшкольной неопределённости и устремлённых в внетерриториальные зоны в поисках либо вменяемого трудоустройства, либо опций для продолжения формального обучения в иных социоэкономических ландшафтах.

Анализируемая стратификация образовательного модуса среди временно абсентных респондентов подчёркивает острую, если не сказать хроническую, потребность в институционализации системного апгрейда национального трудового поля. Требуется экстренное формирование средообитания, в котором гражданин имел бы не абстрактную, а функционально реализуемую возможность разворачивать свой

профессиональный потенциал интранационально, без вынужденной миграционной дислокации.

В этническом составе временно отсутствующего населения преобладают кыргызы – 78.8%, узбеки – 15.6% и русские – 2.6% (Рисунок 2.22).

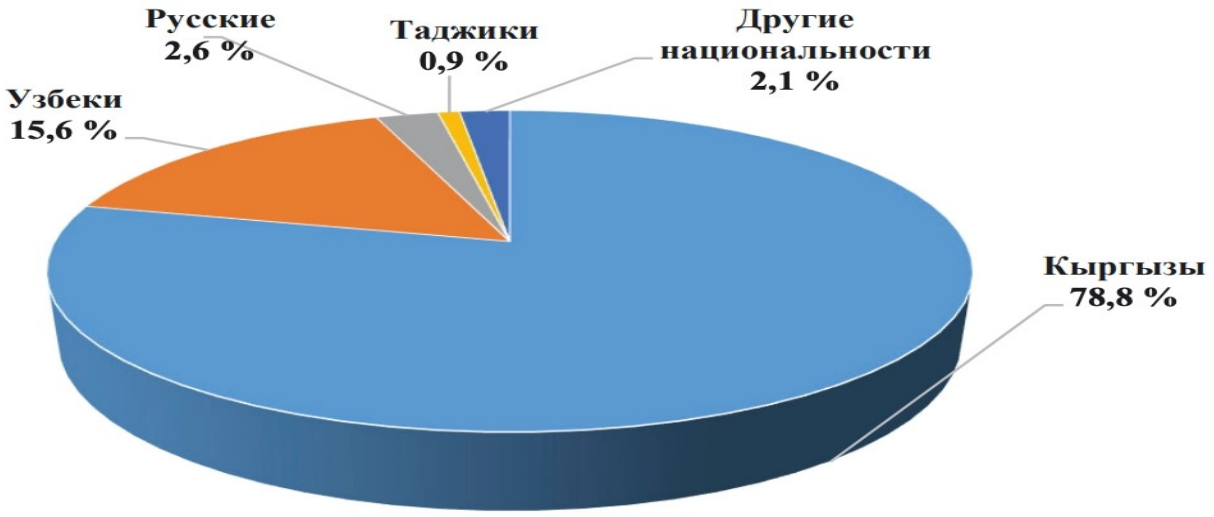

Рисунок 2.22. Этнический состав временно отсутствующего населения в Кыргызской Республике, %

Источник: согласно данным **[185]**

Во всех этнических группах наибольшая доля приходится на трудоспособное население в возрасте от 20 до 40 лет — от 40% до более 50%. Существенную часть также составляет население в возрасте от 40 до 60 лет, на которое приходится 20% и более.

В контексте синхронного демографического картирования, предпринятого в рамках переписной кампании 2022 года, имело место беспрецедентное инкорпорирование данных о дезинтегрированных элементах домохозяйственной структуры, которые более года тому назад осуществили пространственную диверсию за пределы юрисдикции Кыргызской Республики. Следуя нормативной методологии, артикулированной ООН, данная когорта лиц институционально экс-квалифицируется из состава резидентного населения страны.

Согласно эмпирическому корпусу данных, на временной оси проведения переписи экзогенно локализовались 199,4 тыс. индивидов, совершивших долговременную миграционную транслокацию. Этноконфигурация этой выборки обнаруживает этнодоминантность кыргызов (79%), с последующим следованием узбекского элемента (15%), русскоязычного сегмента (2,6%) и полиэтнического остатка (3,4%). Особенно симптоматична демографическая констатация, согласно которой 87% указанных мигрантов — это субъекты трудовой зрелости, что экстраполируется в превалирование экономативной мотивации как главного катализатора миграционного поведения.

Гендерная стратификация оттока выявляет гетерономию в пользу мужчин (61%), при относительном паритетном присутствии женщин (39%). Геостратегическая направленность миграционных векторов остаётся типологически устойчивой: доминирующее число выехавших (174,5 тыс.) ориентировано на СНГ-контур, с акцентом на Российскую Федерацию как ареал первичного трудового абсорбирования. Вместе с тем, наблюдается экспансия миграционного вектора за пределы евразийского периметра: 17,4 тыс. человек репатриировались в иные локусы, в частности, Турция (42%), Германия (23%), Южная Корея (10%), а также Италия и США.

Дислокационное распределение по административно-территориальной сетке страны демонстрирует гипертрофированное присутствие миграционных кейсов в Джалал-Абадском кластере (64,9 тыс.) и Ошском сегменте (41,6 тыс.), что свидетельствует о системной экспортоориентированной модели трудовой мобилизации в южном макрорегионе, где социоэкономическая диспозиция функционирует в условиях перманентной нестабильности.

Параллельно, в рамках переписи населения и жилищного фонда был апробирован прецедентный методологический элемент: впервые прозвучал вопрос «Проживали ли вы непрерывно один год и более в другой стране?». Положительный ответ поступил от 148 тыс. респондентов. Наиболее

частотным триггером репатриации стали семейно-этиологические обоснования (52,2 тыс. / 35,2%), далее по убыванию следуют возврат к предыдущему месту обитания (45,5 тыс. / 30,7%) и трудовые интенции (17,2 тыс. / 11,6%).

Анализ состава вернувшихся субъектов показывает высокую степень трудоспособной плотности (83%), при доминировании мужского элемента (66%) над женским (34%). Дополнительная верификация, осуществлённая Международной организацией по миграции в среде экстерриториальной кыргызской диаспоры, выявила, что 66,4% индивидов декларируют желание к реинтеграции в отечественную социосистему, тогда как 21,5% пребывают в состоянии рефлексивной нерешительности. Примечательно, что значительная часть данной группы обладает квалификационно-профессиональными активами, способными к редирекционному воздействию на национально-хозяйственный комплекс при условии репатриации. Изучение их потенциальной секторальной вовлечённости показывает интерес к туризму и сервису (15,6%), а также к бизнес-инвеститорскому взаимодействию (11,9%), что очерчивает контуры возможного мобилизационного ресурса для реконфигурации ключевых экономических подсистем Кыргызстана.

В ходе интервью с Алмазом Абдекировым начальником управления макроэкономической политики Министерства и коммерции КР было установлено, что денежные переводы непосредственно не влияют на рост экономики, пополнение бюджета и развитие предпринимательства, так как в основном идут на удовлетворение социальных потребностей населения.

Выводы по главе 2:

1. Анализ социально-экономического развития Кыргызской Республики показал, что экономика страны в значительной степени зависит от внешней трудовой миграции. Миграционные потоки становятся важным источником денежных переводов, которые влияют на уровень жизни населения, улучшая финансовое положение домохозяйств и содействуют

потребительскому спросу в ряде секторов экономики. Однако существует зависимость от внешних факторов, что требует диверсификации экономики и минимизации внешних рисков.

2. Диагностика миграционных процессов позволила выявить структурные изменения в миграционных потоках, включая географические сдвиги и изменение предпочтений трудовых мигрантов. Россия по-прежнему остается основным направлением миграции, однако новые тенденции, такие как рост миграции в страны СНГ и Турцию, свидетельствуют о диверсификации трудовых маршрутов. Этому способствуют изменения в международной политике, экономической ситуации и требования к трудовым ресурсам в принимающих странах.

3. Влияние внешней трудовой миграции на рынок труда и уровень занятости в Кыргызстане определяет как позитивные, так и негативные аспекты. С одной стороны, миграция способствует снижению уровня безработицы и улучшению социального положения населения. С другой стороны, отток квалифицированных кадров, особенно в секторах здравоохранения и образования, создает дефицит специалистов в ряде отраслей, что негативно сказывается на устойчивости рынка труда.

Таким образом, внешняя трудовая миграция является важным фактором социально-экономического развития Кыргызстана, который необходимо учитывать при разработке государственной миграционной политики. Для минимизации рисков и оптимизации положительных эффектов миграции требуется комплексный подход, направленный на улучшение трудовой миграции и ее интеграцию в национальную экономику.

ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИЕЙ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

3.1. Основные проблемы государственной политики в сфере трудовой миграции

Основополагающие контроверсии, сопряжённые с реализацией государственной политики в сфере трудовой миграции, на протяжении последних десятилетий приобретают всё более полиаспектный и гетерохронный характер, что обусловлено как внутренними институциональными флуктуациями, так и экзогенными глобализационными деструкциями. При этом само понятие «трудовая миграция» в национальном дискурсе лишено онтологической определённости: отсутствует чёткая межведомственная артикуляция категориального аппарата, что, в свою очередь, генерирует парадокс нормативной диффузии и политико-правовой непоследовательности.

Концепция миграционной политики Кыргызской Республики до 2030 года выступает стратегическим документом, в котором зафиксированы приоритеты и направления государственного регулирования миграционных процессов с учётом внутренних и внешних вызовов современности. Этот документ формирует нормативно-правовую основу, ориентированную на создание сбалансированной миграционной системы, способной обеспечить экономическую, социальную и политическую стабильность в условиях динамично меняющейся международной миграционной конъюнктуры [12].

Первостепенный приоритет Концепции — создание условий для упорядочивания трудовой миграции, что предполагает не только регламентацию въезда и пребывания иностранных работников, но и обеспечение защиты прав и интересов граждан Кыргызской Республики,

временно работающих за рубежом. Особое внимание уделяется формированию механизмов, способствующих снижению негативных последствий «утечки мозгов» и одновременно стимулирующих возврат квалифицированных специалистов и инвестиции трудовых мигрантов в национальную экономику. В этом контексте декларируется необходимость интеграции миграционной политики с социально-экономическим развитием страны, что требует межведомственного взаимодействия и эффективной координации всех уровней власти [12].

Кроме того, Концепция акцентирует внимание на развитии институционального потенциала миграционного менеджмента, включая совершенствование информационных систем, способных обеспечить мониторинг миграционных потоков и анализ их влияния на социально-экономические процессы. В числе ключевых задач — формирование правовой базы, отвечающей международным стандартам в сфере миграции, а также усиление мер по противодействию нелегальной миграции и торговле людьми [12].

Отдельным аспектом является социально-гуманитарное измерение миграционной политики, включающее поддержку мигрантов и их семей, создание условий для социальной адаптации и интеграции, а также повышение уровня общественной толерантности к мигрантам как важный фактор устойчивого развития мультикультурного общества[12].

Наконец, Концепция предусматривает развитие международного сотрудничества, направленного на регулирование трансграничных миграционных процессов и обмен передовыми практиками управления миграцией в рамках региональных и глобальных платформ. Все эти направления формируют комплексную систему мер, направленных на максимизацию положительных эффектов миграции и минимизацию связанных с ней рисков в условиях стремительных глобальных трансформаций [12].

27 августа 2024 года Указом Президента Кыргызской Республики № 229 была легитимизирована внешнеполитическая инициатива Министерства труда, социального обеспечения и миграции, предположившая вектор присоединения страны к Глобальному договору о безопасной, упорядоченной и легальной миграции [10]. Данный акт не просто символизирует формальное принятие международных правовых парадигм в миграционной сфере, но и является проявлением прагматического стремления Кыргызской Республики к институциональной гармонизации национальных миграционных механизмов с глобальными стандартами.

Присоединение к Договору знаменует собой трансформацию системы миграционного менеджмента, ориентированного на комплексную защиту прав мигрантов и консолидированное развитие многостороннего международного сотрудничества, что способствует выстраиванию устойчивой миграционной экосистемы. Кыргызстан последовательно формирует свою роль в архитектуре глобального миграционного пространства, базируясь на парадигмах уважения к правам человека и принципах гуманитаризма.

Содержательная матрица и стратегические ориентиры Глобального договора резонируют с приоритетами, очерченными в Концепции миграционной политики Кыргызской Республики до 2030 года, а также укладываются в рамки Целей устойчивого развития ООН, где акцент делается на культивацию человеческого капитала и повышение качества жизни, включая условия для мигрантов и их семей [12].

В современных условиях, когда международная трудовая миграция приобретает всё более масштабный и системный характер, особую актуальность приобретают государственные меры, направленные на поддержку возвращающихся мигрантов. Кыргызская Республика, как государство с высоким уровнем внешней трудовой миграции, сталкивается с необходимостью разработки устойчивых механизмов реинтеграции граждан,

возвращающихся на родину. Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики играет ключевую роль в реализации государственной миграционной политики, формируя целостный подход к ресоциализации, профессиональной адаптации и экономической интеграции трудовых мигрантов.

В целях углубленного понимания текущих приоритетов, стратегий и вызовов, стоящих перед ведомством, было проведено интервью с официальными представителями Министерства. В ходе беседы были затронуты ключевые аспекты инновационной миграционной политики, включая механизмы адаптационной поддержки, цифровизации миграционного менеджмента, а также программы социального контракта и профессиональной переподготовки.

Целью проведённого интервью стало получение экспертной информации о приоритетных направлениях государственной политики в сфере реинтеграции трудовых мигрантов, а также выявление эффективных инструментов, применяемых Министерством труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики для обеспечения социальной и экономической адаптации возвращающихся граждан. Особое внимание было уделено изучению реализуемых программ поддержки, инновационных подходов к управлению миграцией, а также анализу практических результатов, достигнутых в данной области в период 2022–2024 годов. Полученные данные легли в основу аналитического обобщения, представленного в виде основных выводов по результатам интервью.

Основные выводы по проведенному интервью с официальными представителями Министерства труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики. Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики реализует комплекс многоуровневых стратегий, направленных на реинтеграцию трудовых мигрантов и их социокультурную ресоциализацию. В условиях глобальной мобильности

рабочей силы и транснациональных миграционных трансформаций ведомство акцентирует внимание на разработке инновационных механизмов обратной миграционной политики, включающих создание адаптационных хабов и центров ресоциализации, способствующих эффективной десинхронизации миграционного стресса.

Особое значение придаётся формированию интегративных программ социально-экономической ресоциализации, ориентированных на профессиональную переподготовку и предпринимательское сопровождение возвращающихся мигрантов с целью повышения их конкурентоспособности на внутреннем рынке труда. Внедрение цифровых платформ мониторинга и поддержки мигрантов обеспечивает непрерывность коммуникационных каналов, способствуя оперативному обмену информацией и снижению риска социальной дезинтеграции.

Помимо этого, ведомство курирует мультидисциплинарные проекты, направленные на психоэмоциональную поддержку мигрантов, что способствует формированию устойчивых адаптационных механизмов в условиях возвращения, а также реализует межведомственное взаимодействие для обеспечения комплексного подхода к миграционным вызовам, учитывающему демографические, экономические и социокультурные параметры. Таким образом, формируется новая модель миграционного менеджмента, адаптированная к вызовам XXI века, основанная на синергии институциональных ресурсов и инновационных технологий.

В рамках комплексной государственной миграционной политики Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики осуществляет многоаспектный подход к процессу возвращения трудовых мигрантов и их последующей интеграции в национальную экономику. На сегодняшний день более 1 200 возвратившихся мигрантов зарегистрированы в службе занятости, активно ищущих возможности

трудоустройства, что демонстрирует возросшую потребность в системных решениях трудовой реинтеграции [191].

В качестве ключевого инструмента поддержки функционируют бесплатные сервисы, включающие в себя как профессиональный рекрутинг с направлением на актуальные вакансии, так и образовательные курсы по переподготовке и повышению квалификации, что позволяет формировать кадровый пул, ориентированный на требования внутреннего рынка труда. Дополнительно функционируют механизмы временной занятости с краткосрочным трудовым контрактом, обеспечивающие временное трудоустройство и снижение социального давления на рынок труда [191].

Важным элементом адаптационной экосистемы выступает программа социального контракта, адресованная малообеспеченным семьям и многодетным домохозяйствам, включающим критерии отбора, такие как получение минимального детского пособия (1 500 сомов на ребёнка). Взамен отказа от данного пособия, бенефициары получают финансовую субсидию в размере 150 000 сомов, направленную на создание и развитие предпринимательской деятельности. Параллельно функционирует прецедент предоставления беспроцентных кредитов в Айыл Банке или Элдик Банке до 200 000 сомов, способствующий расширению доступа к капиталу для микробизнеса среди мигрантов [191].

Социальный контракт реализуется на трёхлетний период с последующим мониторингом и оценкой результатов, что позволяет осуществлять контроль над устойчивостью предпринимательских инициатив. За период с июля 2022 по 2024 год около 35 800 человек получили поддержку и создали свыше 40 000 рабочих мест, что свидетельствует о высокой эффективности программ, реализуемых при координации Министерства экономического развития и коммерции Кыргызской Республики, наделённого прерогативой по созданию новых трудовых площадок.

Важной особенностью данной системы является тесное взаимодействие с работодателями, которые формируют запросы на вакансии и направляют кандидатов на обучение в соответствии с потребностями рынка. Следует отметить отсутствие налоговых преференций для работодателей, участвующих в интеграционных программах, что подчёркивает необходимость дальнейшего институционального стимулирования со стороны государства.

В соответствии с распоряжением Кабинета Министров Кыргызской Республики, Министерство труда, социального обеспечения и миграции установило квоту на трудовую миграцию на 2025 год. Общая квота составляет 25 000 человек, из которых 12 850 квот выделено для города Бишкек и 845 — для города Ош

Таблица 3.1 -Распределение квот по регионам Кыргызстана на 2025 год выглядит следующим образом:

Регион	**Количество квот**
Бишкек	12 850
Ош	845
Джалал-Абад	2 775
Чуй	3 300
Ошская область	700
Нарын	400
Иссык-Куль	1 150
Баткен	250
Талас	100
Итого	**25 000**

Это распределение отражает потребности различных регионов в иностранной рабочей силе, с учетом специфики их экономики и рынка труда. Министерство труда, социального обеспечения и миграции продолжает

мониторинг и анализ ситуации на рынке труда для эффективного регулирования трудовой миграции.

В то же время пенсионеры и учащиеся дневных форм обучения не включены в рамки данных программ, что обусловлено спецификой целевых групп и направленностью государственных мер на активное трудоспособное население. Такой комплексный и многоуровневый подход формирует устойчивую модель обратной миграции, способствующую экономической и социальной стабилизации общества посредством эффективного использования человеческого капитала возвратившихся мигрантов.

Основные выводы по проведенному интервью с официальными представителем Центра трудоустройства граждан за рубежом при Министерства труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики.

Центр трудоустройства граждан, осуществляющих деятельность за рубежом, выступает в роли стратегического института, формирующего мост между национальным рынком труда и трансграничными миграционными потоками. Его функционал охватывает многофазные процессы, начиная с предварительной профориентации и заканчивая посттрудовой реинтеграцией, что позволяет создавать конгломерат сервисов, направленных на максимизацию экономического потенциала мигрантов и минимизацию рисков социальной дезадаптации.

В числе ключевых компетенций Центра значится проведение комплексного анализа компетенций и трудового профиля мигрантов с использованием цифровых платформ и бигдата-инструментария, что позволяет осуществлять таргетированное формирование вакансий и адаптацию профессиональных программ под запросы как зарубежных работодателей, так и внутренних экономических ниш. Центр интегрирует когнитивные и поведенческие модели адаптации мигрантов, способствуя

успешной социокультурной и экономической ресоциализации при возвращении на родину[192].

Кроме того, Центр служит катализатором в развитии предпринимательских инициатив через консультационное сопровождение, содействие в получении финансовых ресурсов и доступ к инновационным образовательным платформам, включая курсы повышения цифровой грамотности и освоения новых технологических компетенций. Это формирует экосистему устойчивого трудоустройства, стимулирующую переход мигрантов из категории наёмных работников в статус субъектов малого и среднего предпринимательства.

Особое внимание уделяется разработке и внедрению механизмов мониторинга и оценки эффективности трудовой миграции на базе интегрированных аналитических систем, что обеспечивает прозрачность и обратную связь для государственных органов и бизнес-структур. В совокупности, эти меры создают инновационную платформу, способствующую формированию адаптивного и конкурентоспособного кадрового резерва, являющегося ключевым драйвером национального экономического роста и социальной устойчивости [192].

Кроме базовых функций трудоустройства, Центр активно реализует программы по профессиональной переподготовке и повышению квалификации мигрантов, используя современные методы дистанционного и очного обучения. Направления обучения подбираются с учётом актуальных трендов мирового рынка труда и специфики запросов как зарубежных, так и внутренних работодателей, что позволяет формировать востребованные компетенции и улучшать адаптивность специалистов. В рамках образовательных инициатив внедряются инновационные цифровые платформы, поддерживающие индивидуализированный подход к развитию навыков, а также обеспечивающие возможность сертификации и дальнейшего признания квалификаций на международном уровне. Такая комплексная

поддержка способствует не только успешному трудоустройству, но и развитию предпринимательских компетенций, создавая условия для долгосрочной экономической самодостаточности возвращающихся мигрантов[192].

Анализ динамики трудоустройства граждан Кыргызской Республики, вернувшихся из трудовой миграции в период с 2019 по 2024 годы, позволяет выявить ряд социоэкономических трансформаций и институциональных тенденций, свидетельствующих о постепенной адаптивной реинтеграции мигрантского контингента в национальный рынок труда. В 2019 году наблюдается относительное несоответствие между количеством лиц, получивших консультационно-информационные услуги (62 830 человек), и числом фактически трудоустроенных (7 618 человек), что может интерпретироваться как индикатор структурных дисфункций в системе посредничества занятости, а также отражать наличие фрагментарности в институциональной инфраструктуре содействия занятости.

2020 год, ознаменованный глобальным кризисом вследствие пандемии COVID-19, характеризуется резким сокращением объёмов обращаемости граждан (18 001 человек) и катастрофическим снижением уровня трудоустройства до 724 лиц, что можно охарактеризовать как стагнационный провал функциональной активности госструктур в условиях кризисной рецессии. Однако с 2021 года начинается поступательное восстановление, обусловленное как смягчением эпидемиологических ограничений, так и усилением программ активной занятости: количество получивших информацию возросло до 28 112, а число трудоустроенных увеличилось более чем в пять раз по сравнению с предыдущим годом и составило 4 011 человек.

2022 год демонстрирует качественный сдвиг в векторе реинтеграционной политики: при относительно умеренном росте количества обращений (30 126 человек) происходит резкий скачок в трудоустройстве до 12 013 человек, что свидетельствует о повышении эффективности механизмов

посредничества, точечной работе с мигрантским капиталом и росте институционального доверия к службам занятости.

Таблица 3.2 – Динамика трудоустройства граждан Кыргызской Республики вернувшихся из миграции

Годы	Количество граждан, получающих информацию о трудоустройстве	Число трудоустроенных граждан
2019	62830	7618
2020	18001	724
2021	28112	4011
2022	30126	12013
2023	36092	18231
2024	34290	20497

Источник: по данным Министерства труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики

В 2023 году восходящая траектория сохраняется: число граждан, обратившихся за содействием, составляет 36 092 человека, а число трудоустроенных достигает 18 231, демонстрируя впечатляющий коэффициент результативности.

Особенно примечателен 2024 год, когда несмотря на незначительное снижение обращаемости до 34 290, достигается рекордный показатель по количеству трудоустроенных — 20 497 человек. Такая динамика может рассматриваться как маркер институциональной зрелости национальной системы содействия занятости, а также свидетельство формирования устойчивого алгоритма постмиграционной интеграции. Совокупность представленных данных позволяет заключить, что Кыргызская Республика вышла на фазу активного формирования неомиграционной модели реадаптации, ориентированной на устойчивое встраивание человеческого капитала мигрантов в экономическое и социальное тело государства.

В парадигме актуализированного дискурса миграционного регулирования представляется неотложным сконструировать композитную, многослойную и стратегически трансформативную доктрину государственной миграционной политики Кыргызской Республики, инкорпорирующую векторные элементы правозащиты трудовых мигрантов, экономико-диверсификационные импульсы, направленные на деконструкцию гипертрофированной зависимости от транснациональных денежных ремиссий, а также — что принципиально — интенсификацию институциональных механизмов репатриационного трудоустройства и реинтеграции демографического ресурса в пределах национального экономического контура.

Следует заострить внимание на институциональном прецеденте, согласно которому субъекты гражданства Кыргызской Республики, пребывающие в эмиграционном статусе с долгосрочным (постоянным) характером проживания экстерриториально, деюре деперсонифицируются в регистрационных массивах внутреннего учёта. С возвращением таковых на территорию юрисдикции возникает нормативная необходимость в осуществлении перерегистрационной процедуры, типологически идентичной той, что предписана прочим внутренним мигрантам, что и соотносится с положениями Закона Кыргызской Республики «О внутренней миграции». Тем самым обеспечивается унификация статистико-учётной документации в контексте пространственно-демографической мобильности населения.

Анализируя структуральный ландшафт источников денежных доходов домашних хозяйств на рубеже 2022 года, представляется релевантным отметить его полиморфизм, сопряжённый с мультиканальной природой экономических поступлений. Доминирующий вектор представлен трудовой рентабельностью, индицируемой доходами от наёмной занятости (43,1%), что может быть интерпретировано как маркер относительно стабильной операционализации национального рынка труда. Следом констатируется

вклад субъектов самозанятости и микроэнтрепренёрства (13,2%), что сигнализирует о латентной, но поступательной экспансии сектора микроэкономической инициативности.

Сельскохозяйственный сегмент, с удельным весом в 12,4%, по-прежнему исполняет роль жизнеобеспечивающего ядра аграрно-домохозяйственного уклада, особенно в контексте сельской периферии. Пенсионные трансферты, представляющие собой форму социофинансовой компенсации для лиц пожилого возраста, аккумулируют 13,5% от совокупных доходов, что демонстрирует значимость института социального обеспечения в общественно-экономическом механизме. Социальные выплаты иные — в пределах 1% — представляют собой условно-статистическую маргиналию, вероятно, детерминированную проектной помощью внешних доноров или целевыми государственными субсидиями.

Особую аналитическую гравитацию приобретает категория «прочих источников» (16,8%), где ключевой компонент — это транснациональные денежные переводы, генерируемые миграционным диаспорным капиталом. Специфика данного сегмента заключается в его неопределённости и зависимости от экзогенных экономических и политических колебаний. Эта флуктуативная составляющая, тем не менее, формирует неотъемлемый компонент финансовой модели домохозяйств и экзистенциально стабилизирует уязвимые слои населения, особенно в условиях институциональной хрупкости внутреннего рынка труда.

Системное присутствие денежных переводов как одного из магистральных источников домашних доходов экстраполирует тревожную картину: очевидна гипофункция национальной экономической модели, сопровождаемая ограниченностью механизмов социальной инклюзии и защиты. В связи с этим, концептуальная реформа трудомиграционного регулирования требует не просто модернизации, но и теоретико-практической

рефлексии о роли репатриантов как возможного драйвера реиндустриализации и локального экономического роста.

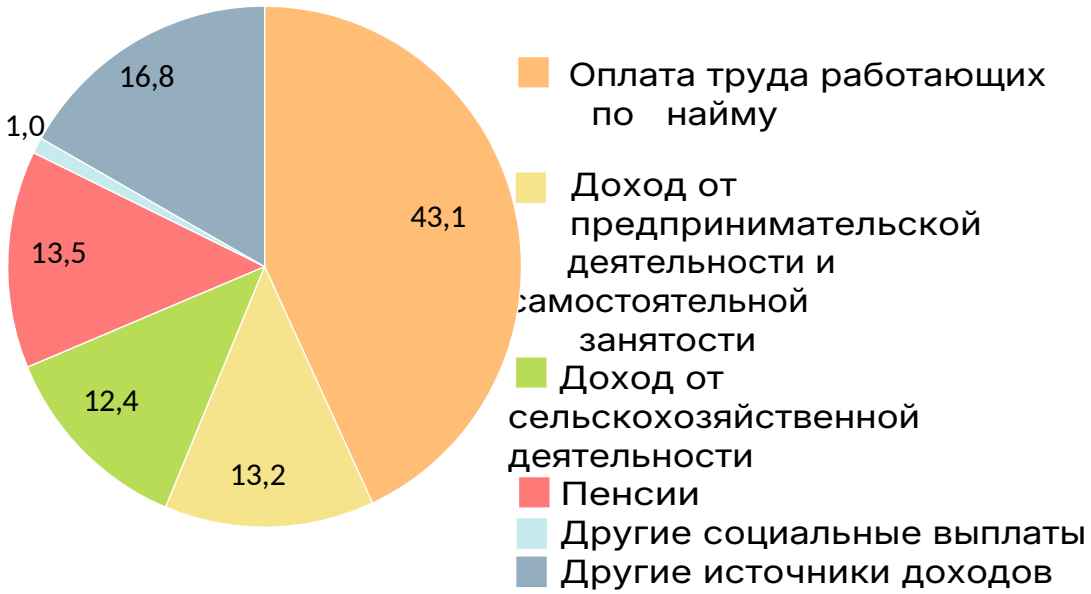

Рисунок 3.1 Структура денежных доходов домашних хозяйств по источникам доходов государствах ЕАЭС в 2022 году, %

Источник: составлен по данным https://eec.eaeunion.org/comission/

Анализ средней номинальной заработной платы в Кыргызской Республике в 2018-2022 годах в долларовом выражении, с учетом данных для других стран, позволяет оценить изменения в уровне жизни и конкурентоспособности трудового рынка страны.

В 2018 году средняя заработная плата в Кыргызстане составляла 239 долларов США, что существенно ниже по сравнению с другими странами, представленными в таблице. Например, в Армении в том году этот показатель был на уровне 358 долларов, в Беларуси — 476 долларов, а в Казахстане — 472 доллара. Россия также демонстрировала более высокую заработную плату, составляющую 699 долларов. Это свидетельствует о значительных различиях в уровне доходов среди стран региона, где Кыргызстан находился на одном из самых низких уровней.

В 2019 году средняя заработная плата в Кыргызстане увеличилась до 247 долларов, что представляет собой небольшой рост по сравнению с предыдущим годом. Однако этот рост был не таким значительным, как в других странах. Например, в Армении, Беларуси и Казахстане заработные платы также увеличились, но оставались значительно выше, составляя 380, 523 и 488 долларов соответственно. В России, как и в предыдущем году, заработная плата продолжала расти, составив 739 долларов.

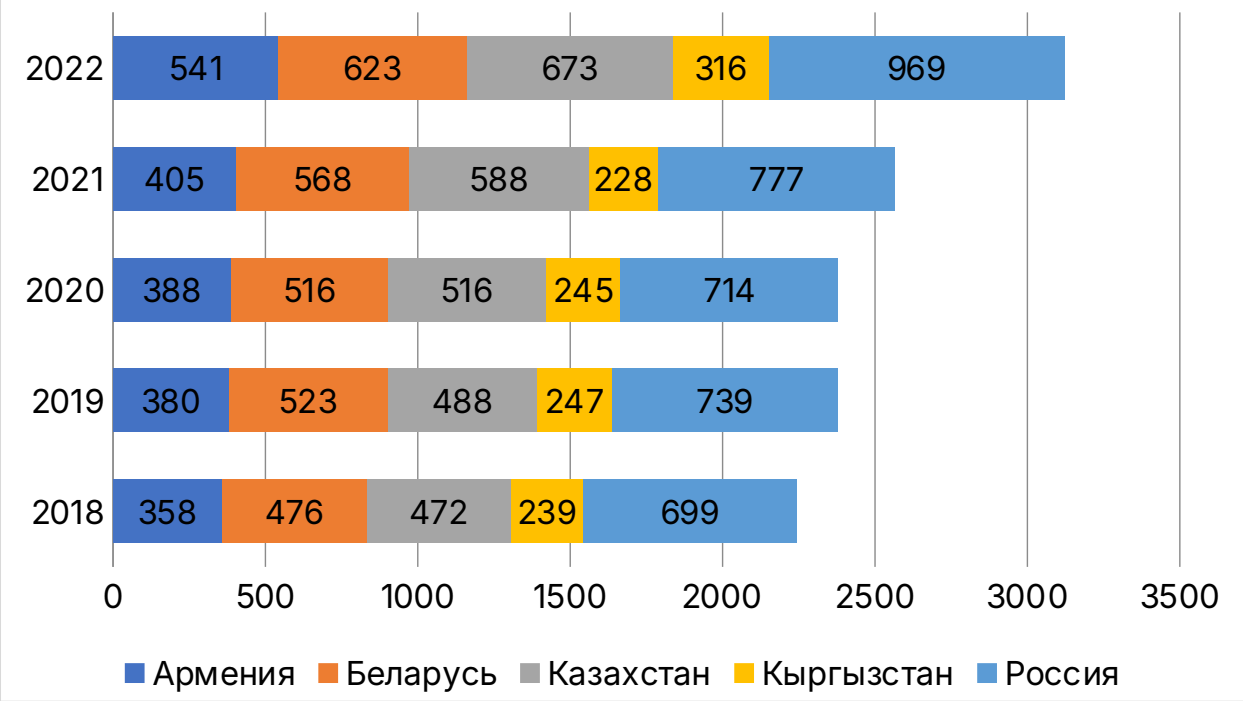

Рисунок 3.2 Среднемесячная номинальная заработная плата в государствах ЕАЭС в 2018 – 2022 годах, долларов США

Источник: составлен по данным https://eec.eaeunion.org/comission/

2020 год стал годом, когда многие экономики столкнулись с последствиями пандемии COVID-19. В Кыргызстане средняя заработная плата снизилась до 245 долларов, что является незначительным уменьшением по сравнению с 2019 годом. В других странах рост продолжался, хотя в некоторых странах, таких как Армения, заработная плата почти не изменилась. В Армении она выросла до 388 долларов, в Беларуси до 516 долларов, в Казахстане до 516 долларов, в России — до 714 долларов. Это также

подтверждает тенденцию, что уровень заработной платы в Кыргызстане значительно отставал от большинства соседей.

В 2021 году ситуация немного улучшилась, и средняя зарплата в Кыргызстане составила 228 долларов, что является снижением по сравнению с 2020 годом. Этот спад может быть связан с экономическими трудностями, вызванными пандемией, а также другими факторами, такими как инфляция и экономический спад. В то же время в других странах продолжался рост зарплат: в Армении — 405 долларов, в Беларуси — 568 долларов, в Казахстане — 588 долларов, а в России — 777 долларов. Кыргызстан продолжал находиться в группе стран с низким уровнем заработной платы.

В 2022 году в Кыргызстане наблюдается заметное повышение средней заработной платы — до 316 долларов, что является значительным ростом по сравнению с предыдущими годами. Этот рост можно объяснить восстановлением экономики после пандемии, а также возможными мерами правительства, направленными на повышение доходов населения. Несмотря на этот рост, Кыргызстан всё ещё остается страной с более низким уровнем заработной платы по сравнению с соседними государствами, такими как Армения (541 доллар), Беларусь (623 доллара), Казахстан (673 доллара) и Россия (969 долларов).

Таким образом, несмотря на рост средней заработной платы в Кыргызстане в последние годы, страна продолжает оставаться среди стран с низким уровнем доходов в регионе. Это свидетельствует о значительных экономических и социальных вызовах, с которыми сталкивается страна. В отличие от более высокоразвившихся стран, таких как Россия и Казахстан, Кыргызстан все еще находится на пути к улучшению уровня жизни и конкурентоспособности своей экономики.

Среднемесячная номинальная заработная плата в Кыргызской Республике в период с 2018 по 2022 годы значительно отставала от уровня заработных плат в более развитых странах, таких как Россия. Например, в 2022

году средняя заработная плата в Кыргызстане составила 316 долларов США, тогда как в России она была в 3 раза выше — 969 долларов. Это существенное различие в доходах является одной из ключевых причин, по которой многие граждане Кыргызстана стремятся искать работу за рубежом, особенно в России.

3.2. Меры по стимулированию возвращения мигрантов и их реинтеграции в экономику страны

Миграционные процессы в Кыргызской Республике продолжают активно развиваться на протяжении последних трех десятилетий. С первых лет независимости страна столкнулась с масштабным оттоком трудовых ресурсов, вызванным сокращением рабочих мест в различных секторах экономики. В поисках стабильного заработка многие граждане уехали за границу, при этом значительная их часть сохранила кыргызское гражданство, тогда как некоторые приняли подданство принимающих стран.

За последние годы миграционное законодательство в Российской Федерации существенно изменилось. В 2025 году эти изменения затронут десятки тысяч граждан Кыргызской Республики. Новые меры, касающиеся сроков пребывания и усиленного контроля за занятостью иностранных граждан, требуют от мигрантов более строгого соблюдения установленных правил. В настоящее время на территории России проживает свыше 411 тысяч граждан Кыргызстана — это значительно меньше по сравнению с прошлыми годами, когда их численность превышала отметку в 800 тысяч человек.

Однако ожидается устойчивое увеличение миграционного прироста в Кыргызскую Республику, обусловленное постепенным восстановлением экономики после пандемии, улучшением инвестиционного климата и реализацией национальных программ по привлечению трудовых мигрантов из-за рубежа, включая соотечественников. Прогноз миграционного прироста

(оттока) по внешней миграции на 2025–2027 годы основан на позитивной динамике, наблюдаемой с 2021 года.

2025 год – 11 971 человек. Дополнительным фактором выступает стабилизация политической обстановки, что создает благоприятные условия для возвращения граждан и привлечения новых мигрантов.

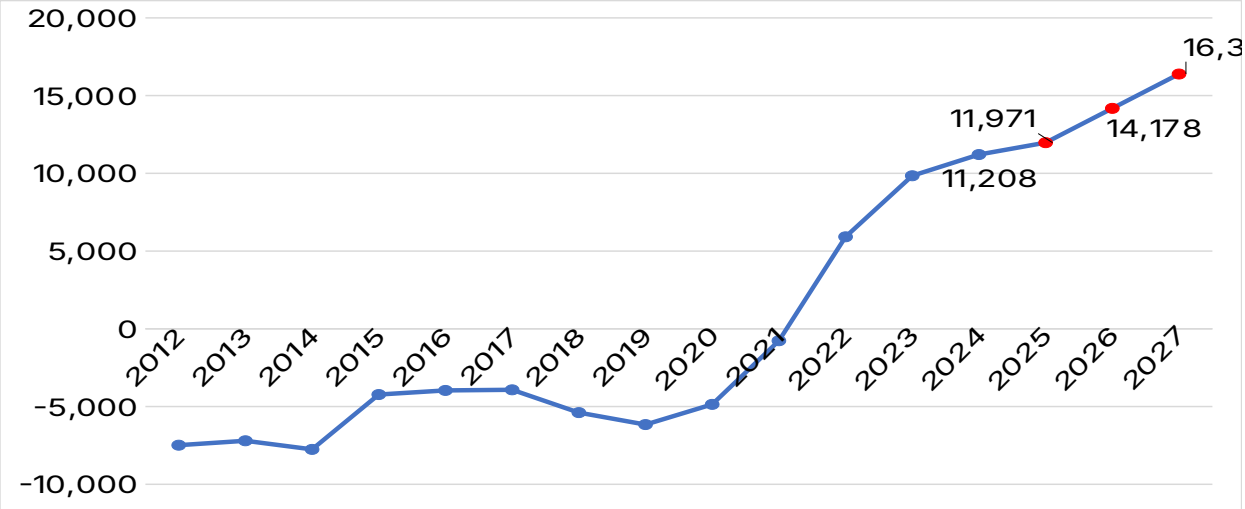

Рисунок 3.3. Прогноз миграционного сальдо КР до 2027 года, человек

Источник: рассчитан по данным НСК КР [185]

2026 год – 14 178 человек. Прогнозируется дальнейший рост положительного сальдо внешней миграции. Это может быть связано с активным развитием инфраструктурных проектов и растущей потребностью в рабочей силе, что делает страну более привлекательной для трудовых мигрантов. Кроме того, усиливается сотрудничество с зарубежными странами в сфере миграции, включая упрощение визового режима и заключение соглашений о взаимной трудовой занятости.

2027 год – 16 386 человек. Прогноз на 2027 год отражает укрепление позитивной миграционной тенденции. Страна становится всё более привлекательной как для возвращающихся граждан, так и для новых иностранных мигрантов благодаря росту уровня жизни, развитию системы образования и здравоохранения, а также интеграции в региональные экономические объединения. Это способствует увеличению числа приезжающих и снижению оттока населения за границу.

Таким образом, с 2025 по 2027 годы ожидается постепенный рост миграционного прироста, обусловленный социально-экономическими и политическими улучшениями, активной миграционной политикой и международным сотрудничеством.

Положительный миграционный прирост в 2025–2027 годах может стать мощным драйвером регионального развития, при условии эффективной региональной политики и грамотного распределения ресурсов. Регионы, способные интегрировать прибывающее население и предоставить условия для жизни и работы, получат значительное преимущество в социально-экономическом росте.

Рисунок 3.4. Прогноз рабочей силы и численности занятого населения в Кыргызской Республике до 2030 года, тыс.человек

Источник: рассчитан по данным НСК КР [185]

Положительный миграционный прирост в 2025–2027 годах окажет заметное влияние на развитие регионов страны, способствуя улучшению как экономической, так и социальной обстановки. Прежде всего, увеличение числа прибывающих граждан, особенно квалифицированных мигрантов и

вернувшихся соотечественников, позволит восполнить нехватку рабочей силы в аграрных районах, на промышленных предприятиях и в строительной сфере. Это усилит трудовой потенциал регионов и повысит эффективность их экономического развития.

Прогноз численности рабочей силы и занятого населения в Кыргызской Республике до 2030 года свидетельствует о стабильной положительной динамике, отражающей постепенное увеличение экономически активного населения страны. В 2025 году численность рабочей силы составит 2 740,9 тыс. человек, при этом занятое население достигнет 2 635,0 тыс. человек. Это означает, что около 105,9 тыс. человек формируют потенциальный резерв рабочей силы, а также относятся к числу безработных.

К 2026 году численность рабочей силы возрастет до 2 761,6 тыс. человек, а занятое население составит 2 663,7 тыс. человек, что на 28,7 тыс. человек больше, чем в предыдущем году. Такая тенденция сохраняется и в последующие годы: в 2027 году занятость увеличится до 2 692,3 тыс. человек, а общая рабочая сила достигнет 2 782,2 тыс. человек. Это подтверждает устойчивый рост занятости в среднем на 28–29 тыс. человек в год.

К 2030 году прогнозируемое количество занятого населения составит 2 778,1 тыс. человек, а численность рабочей силы возрастет до 2 844,3 тыс. человек. За шесть лет прогнозного периода рост занятого населения составит 143,1 тыс. человек или примерно 5,4% по сравнению с 2025 годом, а рост рабочей силы — 103,4 тыс. человек или 3,8%.

Данные свидетельствуют о том, что занятость растет немного быстрее, чем общая численность рабочей силы, что может указывать на улучшение ситуации на рынке труда, снижение уровня безработицы и активное вовлечение населения в экономическую деятельность. Вместе с тем, сохраняющийся разрыв между рабочей силой и занятыми означает наличие определенного уровня структурной безработицы, требующего внимания со стороны государственной политики в сфере занятости и образования.

Рост демографического контингента в ретроспективно-экстраполятивной перспективе влечёт за собой кумулятивное возрастание эндогенного спросового давления на товарно-услуговую матрицу, формируя своеобразный мультипликативный импульс для акселерации предпринимательских кластеров микро- и мезоуровня. В условиях растущей внутрисистемной деловой турбулентности наблюдается констеллятивное оживление коммерциогенной активности в секторах с высокой социоэкономической тягучестью — таких как торгово-эксплуатационная сфера, образовательные институции, а также учреждения соматогенной и профилактической направленности, что в свою очередь индуцирует рост занятостных показателей и воспроизводит фискальный потенциал территориальных бюджетов.

Нестандартный вектор представляет собой процесс репопуляционной реверсии в направлении субурбанизированных и аграрно-маргинальных территорий, где в условиях длительной депопуляционной инерции происходит латентное обрушение социального каркаса. Реадресация миграционного потока в сторону этих пространств может интенсифицировать их социокультурную реанимацию, простимулировать микроэкономическую циркуляцию и создать предпосылки для реконфигурации базовой инфраструктуры: речь идёт о редевелопменте школьного и дошкольного образования, а также реабилитации амбулаторно-клинической сети.

С демографическим дупликатом сопряжена и необходимость пространственно-функционального апгрейда инфраструктурных форматов — предполагается как экспансия жилого фонда, так и переосмысление логистико-транспортного скелета: реновации дорожного полотна, реструктуризация систем централизованного водообеспечения, ревизия энергораспределительных узлов, а также реинжиниринг публичной мобильности. Такая инженерно-социальная нагрузка требует диверсифицированной капитализации со стороны фискальных институтов —

предполагается рост капиталоёмкости государственных инвестиций в рамках территориального планирования и регионального инженерного форсайта.

Не менее актуализированной становится проблематика когнитивно-культурной реадаптации миграционного элемента, особенно в мультиэтничных и поликонфессиональных кластерах. В этой парадигме приобретают особую значимость механизмы культурно-коммуникативной интеграции: необходимы специализированные программы аккультурационного сопровождения, медиации межэтнического диалога, а также создание инструментов преодоления латентных конфликтогенов с целью стабилизации общественного климата и укоренения социального консенсуса.

Тем самым, позитивная динамика миграционного притока, будучи в своей сущности композитным фактором трансформирующего воздействия, выступает катализатором устойчивого и полисбалансированного развития субнациональных пространств.

Несмотря на наличие факторов квазимотивационного свойства, апеллирующих к рефлексивной тяге индивидуума к родине — таких как аффективная ностальгизация, квазиинстинкт культурной ретрансляции в воспитании потомства, а также демотивация вследствие правовой или социальной преходящей нестабильности в принимающем государстве — сам по себе реципрокный вектор миграционного потока в сторону Кыргызской Республики продолжает сталкиваться с институциональными и социоэкономическими аномалиями интеграционного толка. Возвратный мигрант зачастую оказывается в среде, не обладающей достаточным уровнем социоадаптивной эластичности: трудовой рынок имеет выраженную низкопотенциальность к реабсорбции квалифицированных кадров, чья профессиональная траектория формировалась в условиях экзогенного рынка. Более того, происходит дисфункция в системах ресоциализации — наблюдается дефицит инклюзивных программ поддержки, институционально

не закреплены механизмы перезапуска родственных сетей, отсутствует доступный жилищный фонд, а также нет четко артикулированной стратегии по инкорпорированию несовершеннолетних в образовательные кластеры.

При этом нередко фиксируется феномен коммунитарного ксеноантропоцентризма: локальные сообщества демонстрируют латентную социопсихологическую оппозиционность к «возвращенцам», что модулирует их адаптационные траектории и порождает эмоционально-психологическую резидуальность отчуждения. Таким образом, миграционный реверс, наблюдаемый в рамках постэмиграционной динамики в Кыргызстане, формирует собой феномен трансформирующейся социальной инерции, нуждающийся в стратегически системном подходе с точки зрения государственной миграционной парадигмы. В приоритет должны ставиться меры по разработке нормативно-функциональных протоколов постреинтеграции, включая субсидирование занятости, гибридные модели социальной протекции, а также инфраструктурное переосмысление среды обитания для репатриантов.

Стоит подчеркнуть, что экзолабильная трудовая миграция, являясь одним из архиважных компонентов региональной макросоциальной конструкции Кыргызской Республики, должна рассматриваться сквозь призму функциональной дихотомии: с одной стороны — как драйвер монетарных инъекций посредством трансграничных денежных переводов, с другой — как вектор латентного оттока человеческого капитала. Согласно положениям Государственной программы комплексного социально-экономического развития на 2025–2030 годы, предусмотрены положения о консолидированной поддержке миграционных субъектов, а также механизмы эффективного применения денежных транзакций в целях регионального развития.

Особое место в инструментарии постмиграционного сопровождения занимают экспресс-программы профессионального апгрейда. Эти краткосрочные образовательные конструкции, функционирующие по

принципу гибридной акселерации навыков, демонстрируют высокую социоэкономическую валентность: они обеспечивают быструю адаптацию возвратных мигрантов к конъюнктурным требованиям рынка труда. Их популяризация объясняется не только относительной бюджетной доступностью, но и парадигматической практикоориентированностью. Важно отметить, что вектор таких программ тяготеет к инклюзивности — в их орбиту попадают не только репатрианты, но и местные субъекты, проявляющие признаки профессиональной девальвации или стремящиеся к трансформации карьерного трека.

Таким образом, акцелерационные образовательные модули представляют собой не просто методологический инструмент ресоциализации, но и стратегический механизм повышения профессиональной резистентности трудоспособного населения, тем самым укрепляя устойчивость социального организма Кыргызстана в условиях миграционно-экономических колебаний.

На уровне макрополитического инжиниринга обнаруживается возможность апробации специализированных образовательных траекторий, концептуально детерминированных необходимостью дуальной подстройки под параметризованные кадровые дефициты у субъектов хозяйствования. Данными образовательными векторами предполагается охват как индивидуализированных претендентов на занятость, так и условно-адаптационных контингентов, чья профилогическая конфигурация требует таксономической коррекции под лабильные запросы агрегированного рынка труда.

Особый акцент должен быть сконцентрирован на демографически и институционально маргинализированных когортных группах, среди коих доминируют перманентно мигрирующие трудовые элементы, лица с ограниченными биофункциональными возможностями (ЛОБВЗ) и прочие контингенты социальной уязвимости. Интенсификация их профессионально-

компетентностного апгрейда обуславливает экстраполяцию на более широкий вектор трудоакцессуальности, модулирует параметры конкурентоспособности в условиях дестабилизированной занятости и детонирует процессы квазиинклюзивной социализации.

Дискурсивно-функциональная архитектура таких инициатив не только призвана редуцировать структурную безработицу, но и концептуализировать устойчивую, резилиентную и, что существенно, антропоцентрированную экономику, способную к когнитивному реагированию на вызовы фрагментированной постпандемической реальности.

В контексте реадаптационных трансферов миграционного характера, не исключена валидность институционализации проактивных механизмов содействия верифицированной экономической инкорпорации репатриированных трудовых субъектов. Одним из таких инструментов является организация оплачиваемых общественно-полезных работ — феномена, выступающего в роли промежуточного мостика между бездоходным пребыванием и полноправным трудовым участием, с параллельным мультипликативным эффектом на региональную социоинфраструктуру.

Не менее значимым следует считать формирование гибридных образовательных платформ (переподготовка, квалификационный апдейт), способных индуцировать профессиональный метаморфоз вернувшихся мигрантов в носителей дефицитных компетенций. Это, в свою очередь, открывает возможности интеграции их в экономику с добавочной стоимостью как в производственном, так и в сервисном сегменте.

Актуализируя кадровые диспропорции, службы занятости вправе инициировать таргетированные формы инклюзивного обучения с ориентацией на профессии, демонстрирующие устойчивый рыночный спрос: от операторов ПК и бухгалтеров 1С-модуля до электромонтажников и портных. Имеется эмпирическая верификация, что подобные специализации

значительно облегчают профессиональную ресоциализацию и увеличивают показатели трудовой мобильности.

Отдельного дискурса заслуживает программа «Мекеним 1+1» — стратегическая платформа, инициированная государством, целью которой является мобилизация транснационального капитала посредством вовлечения мигрантов в предпринимательские активности. Концептуально, каждый инвестированный сом со стороны мигранта кофинансируется эквивалентным вкладом из госбюджета, образуя эффект синергетического удвоения. Это не просто финансовая инъекция, но и попытка капитализации патриотического сентимента в экономическом контексте.

Таким образом, системная реинтеграция возвратившегося миграционного ресурса требует от государства выработки сложносоставных, полиаспектных программ поддержки. В стратегическую архитектуру таких программ должны быть имплементированы следующие кластеры:

– Реиндустриализация трудового потенциала через образовательные и институциональные вмешательства;

– Квази-гарантированное трудоустройство посредством механизмов приоритетного найма и сертификации трансграничных квалификаций;

– Поддержка микропредпринимательства, в том числе через налоговые субсидии, акселерационные площадки и консультативные блоки;

– Региональная реполяризация инфраструктурного развития, вкупе с деконцентрацией рабочих мест вне пределов столичной агломерации;

– Фондирование миграционно-ориентированных инициатив, обладающее возможностью реагировать на ситуативные потребности;

– Реформирование системы социальной протекции, с интеграцией вернувшихся субъектов в медицино-образовательный и правовой контекст.

Такая трансверсия политико-экономического мышления, несмотря на её фрагментарность и институциональную неустоявшесть, способна если не нивелировать, то по крайней мере смягчить травматический эффект от

циклической миграции и вовлечь возвращённых в инерцию устойчивого экономического контура.

3.3. Стратегия трансформации денежных переводов в инвестиции для устойчивого экономического развития

Финансовые ремитты, как одна из ключевых внешнеэкономических артерий, выступают в роли мультифункционального драйвера устойчиво-стимулируемого экономического роста, особенно в посттрансформационных экономиках с развивающейся институциональной матрицей. В контексте таких стран они становятся не просто латентным трансфером денежных масс, а фундаментом для манифестации капиталообразующих процессов в секторах с высоким социально-экономическим эффектом — от образовательных кластеров до систем здравоохранительной. Значимая доля этих потоков переадресуется на восполнение жизненных базисов семей мигрантов, но при этом, что немаловажно, служит катализатором запуска инвестиционно-предпринимательских механик, например, в малом и среднем бизнесе с эффектом мультипликативного создания рабочих мест и повышения уровня жизнеспособности.

Кроме того, ремитты детерминируют вложения в социально-гуманитарные платформы, особенно в образовательные траектории и оздоровительные проекты, что ведёт к консолидации человеческого капитала и стимулирует социомобильность. Важно, чтобы этот финансовый поток не деградировал в плоскость краткосрочного консумеризма, а трансформировался в инструмент эндогенного развития, посредством разработки адаптивных финансовых инструментарием для капитализации средств в перспективные проекты. Приоритетными в этой логике становятся сектора агробизнеса, экотуризма и «зелёных» технологий, что создаёт

предпосылки для диверсификации экономики и генерации устойчивых источников дохода, содействуя долговременному экономическому росту.

В 2024 году общий объем денежных переводов, поступивших в Кыргызстан, достиг $3 млрд, что на 10,5% больше, чем в предыдущем году. Основной источник этих поступлений остается неизменным — большая часть средств поступает из России, куда уезжает работать значительная доля кыргызских трудовых мигрантов. Страны-источники денежных переводов в Кыргызстан распределяются следующим образом: лидирует Россия с объемом в $2,8 млрд, за ней следуют США — $62,5 млн, Турция — $57,5 млн, Южная Корея — $45,6 млн, Казахстан — $6,7 млн, а на прочие государства приходится $73,7 млн [186] (Рисунок 3.5).

Таким образом, на Россию приходится около 93% всех поступлений, что свидетельствует о её ведущем значении в обеспечении доходов трудовых мигрантов из Кыргызстана и их семей. В то время как переводы из США, Турции и Южной Кореи также вносят вклад в общий объем, их доля остается сравнительно небольшой.

Рисунок 3.5. Общий объем денежных переводов, поступивших в Кыргызскую Республику, млн долларов США

Источник: рассчитан по данным НСК КР [185]

Распределение денежных переводов по странам выглядит следующим образом: Россия – $2,8 млрд, США – $62,5 млн, Турция – $57,5 млн, Южная Корея – $45,6 млн, Казахстан – $6,7 млн, другие страны – $73,7 млн [186].

На долю России приходится 93% от всего притока денежных средств, что подчеркивает ключевую роль этой страны в формировании доходов мигрантов и их семей в Кыргызстане. Хотя США, Турция и Южная Корея также являются источниками переводов, их вклад значительно меньше.

В 2024 году объем денежных переводов, отправленных из Кыргызстана за границу, составил $445,8 млн, что на 20,6% меньше, чем годом ранее. Основные страны, в которые направлялись денежные средства из Кыргызстана, распределяются следующим образом: наибольшая сумма была отправлена в Россию — $371,2 млн. Далее следуют Турция с $17,2 млн, Казахстан с $3,8 млн, Южная Корея — $0,9 млн и США — $0,7 млн. Остальные направления составили совокупно $11,6 млн [186] (Рисунок 3.6).

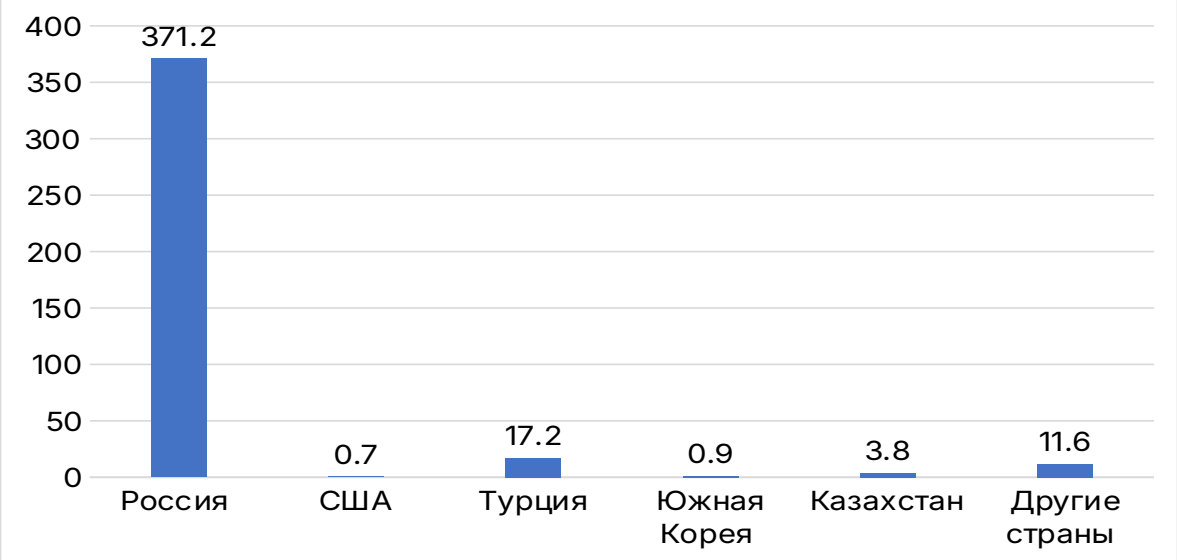

Рисунок 3.6. Общий объем денежных переводов, отправленных из Кыргызстана за границу, млн долларов США

Источник: рассчитан по данным НСК КР [185]

Более 83% всего оттока приходится на Россию, что объясняется различными факторами: поддержкой семей мигрантов, бизнес-расчетами, погашением кредитных и иных финансовых обязательств. Другие направления вывода средств, включая Турцию и Казахстан, играют менее значительную роль [186].

Экономика Кыргызской Республики, будучи в значительной мере интегрирована в транснациональные денежные контура, демонстрирует ярко выраженную зависимость от внешних ремиттов, чьи объёмы систематически превосходят обратные финансовые потоки за рубеж, что в свою очередь сигнализирует о высоком уровне уязвимости к экзогенным экономическим шокам. В этой ремиттной архитектуре Российская Федерация выступает доминантным партнёром, играя ключевую роль как в качестве источника, так и реципиента капитала, в то время как менее значимые по объёму каналы — США, Турция, Казахстан и Республика Корея — формируют дополнительную периферию финансовых потоков.

В контексте траектории устойчивого развития, стратегическая задача сводится к деконструкции зависимости от трудовой миграционной парадигмы и экспорта трудовых ресурсов, что требует инжиниринга комплексных политико-экономических мер для ревитализации внутренних источников дохода и активизации эндогенных экономических процессов. Традиционно, мигрантские денежные вливания функционируют в роли первичного обеспечения базовых бытовых потребностей семей, а лишь в редких случаях переформатируются в инвестиционные потоки, направляемые самими мигрантами согласно их субъективным приоритетам, зачастую далеким от предписаний международных институциональных агентств.

Для обеспечения системного экономического роста необходим редирект финансовых потоков в продуктивные инвестиционные ниши — предпринимательские инициативы, инфраструктурные проекты и развитие человеческого капитала, что должно стать краеугольным камнем национальной стратегии. В этом русле выстраиваются цели политики: увеличение доли ремиттов, нацеленных на долгосрочные вложения, формирование благоприятной институциональной среды для интеграции мигрантов в экономический цикл посредством облегчения доступа к инновационным финансовым инструментам и поддержке

предпринимательства, а также развитие инфраструктуры финансового посредничества, способной конвертировать денежные переводы в эффективные капиталовложения. В итоге, это позволит сконструировать устойчивый экономический рост за счёт мобилизации ресурсов мигрантского капитала в стратегически значимых секторах экономики

Рисунок 3.7. Стратегия трансформации денежных переводов в инвестиции для устойчивого экономического развития

Источник: составлен автором

Первое направление это, можно сказать, развитие финансово-инструментального спектра, где планируется запуск узкоспециализированных инвестиционных конгломератов, прицельно нацеленных на мигрантскую когорту, с миссией поддержания малого и среднего предпринимательства, капиталовложений в недвижимую собственность и аграрный сектор.

Параллельно предполагается внедрение адаптированных кредитно-сберегательных конструкций, отвечающих уникальным нуждам мигрантов и их социально-экономических экосистем. Чтобы упростить управление этими активами, будет развёрнута цифровая платформа, обеспечивающая мониторинг и контроль инвестиций в режиме онлайн (рисунок 3.7), что само по себе представляет собой попытку дигитализации финансового взаимодействия мигрантского капитала.

Далее, вторым вектором выступает активизация предпринимательского потенциала мигрантов через образовательные импульсы в направлении финансовой грамотности и повышения компетенций в управлении личными денежными ресурсами. Параллельно планируется десекуритизация и упрощение бизнес-регистрационных процедур, а также внедрение налоговых арбузов — то есть послаблений — для мигрантов, инвестирующих в экономику родины. Особое внимание сосредоточено на грантовом и льготном кредитовании стартапов, запускаемых мигрантами, что призвано стимулировать инновационные экономические начинания.

Оценка лидерства нового поколения формируется в условиях стремительных технологических, социально-экономических и институциональных трансформаций, которые радикально меняют требования к управленческим ролям и поведенческим моделям руководителей. Лидеры нового поколения характеризуются не только способностью к принятию решений в условиях неопределённости, но и развитым системным мышлением, цифровой грамотностью, эмоциональным интеллектом и готовностью к непрерывному обучению. Гибридные архитектуры ИИ значительно повышают точность прогнозирования лидерских качеств по сравнению с традиционными и автономными моделями глубокого обучения. Превосходные показатели моделей BERT + XGBoost и BERT + LightGBM свидетельствуют о том, что сочетание глубокого контекстного понимания языка со структурированными механизмами градиентного бустинга позволяет

системе лучше улавливать тонкие поведенческие и психометрические характеристики, связанные с лидерским потенциалом. Более того, стабильно высокие показатели F1-меры по основным компетенциям указывают на то, что предложенная структура способна надежно обобщать результаты по различным измерениям лидерства, от ясности коммуникации до эмоционального интеллекта и стратегического мышления. Кроме того, использование объяснимости на основе SHAP позволило получить важные сведения о том, как модель интерпретирует поведенческие сигналы, тем самым удовлетворяя важнейшее требование прозрачности в аналитике лидерства, основанной на ИИ. Рейтинг характеристик показал, что такие компетенции, как ясность коммуникации, эмоциональная стабильность и психометрическая согласованность, являются доминирующими индикаторами готовности к лидерству и предпринимательской деятельности [200].

Третий фокус сосредоточен на инфраструктурной трансформации инвестиционного поля, что подразумевает создание специализированных венчурных фондов, бизнес-инкубаторов, технопарков, а также расширение государственно-частных партнерств для финансирования крупных проектов с высоким стратегическим весом. Здесь государство выступает не только как регулятор, но и как катализатор вложений в критичные секторы — недвижимость, аграрный комплекс, промышленность посредством национальных программ поддержки.

Четвёртое направление это рефакторинг механизмов трансграничных денежных потоков с целью снижения транзакционных издержек через кооперацию с банковскими структурами и финтех-компаниями. Параллельно развивается внедрение инновационных технологий — блокчейна, цифровых валют — для упрощения и удешевления трансферов, а также создание онлайн-платформ, облегчающих процесс инвестирования ремиттов.

И, наконец, ключевым является усиление государственного фактора и расширение международного взаимодействия, разработка комплексной госпрограммы по трансформации денежных переводов в реальные инвестиционные проекты, с привлечением международных финансовых институтов для софинансирования перспективных инициатив. Кроме того, вводятся налоговые преференции, направленные на поощрение капиталовложений мигрантов в экономику страны. В результате ожидается увеличение доли инвестиционных ремиттов, рост малого и среднего бизнеса, снижение зависимости от потребительского характера денежных переводов, создание рабочих мест и повышение экономической устойчивости.

Выводы по главе 3:

1. Меры по стимулированию возвращения мигрантов и их реинтеграции в экономику страны включают разработку программ для профессиональной адаптации, создание условий для трудоустройства мигрантов по возвращению, а также поддержку их предпринимательской активности. Особое внимание уделено созданию сети информационных и консультационных центров для мигрантов, что способствует улучшению их социальной адаптации и интеграции в экономику. Реализация данных мер позволит сократить отток трудовых ресурсов и способствовать экономическому росту за счет возвращения квалифицированных работников.

2. Стратегия трансформации денежных переводов в инвестиции для устойчивого экономического развития включает меры по использованию денежных переводов мигрантов для поддержки малого и среднего бизнеса, развития инфраструктурных проектов и повышения человеческого капитала. Важным элементом этой стратегии является создание специальных финансовых инструментов и платформ для эффективного направления денежных переводов в долгосрочные инвестиционные проекты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе эмпирико-аналитического исследования внешней трудовой миграции был развернут панорамный взгляд на её воздействие на рынок труда и экономическую динамику, как в рамках Кыргызской Республики, так и в масштабах международной экономико-социальной экосистемы. Внешне трудовая миграция предстала как один из катализаторов глубинной трансмутации внутреннего рынка труда и структурно-функциональной перестройки национальной экономики в целом. В рамках исследования выявлено, что миграционные векторы оказывают мультифазное влияние не только на количественную динамику занятости, но и на качественные сдвиги в экономической архитектуре, оказывая стимулирующее или дестимулирующее воздействие на отдельные секторы в зависимости от географической направленности и объёма финансовых ремиттов.

Первая глава, посвящённая теоретико-методологическим аспектам, подчеркивает статус внешней трудовой миграции как ключевого компонента многоуровневых процессов экономической трансформации, требующего междисциплинарного подхода и применения инновационных методологий анализа миграционных эффектов, включая сравнительный анализ международного регулирования с целью максимизации экономического эффекта.

Вторая глава дала возможность выявить специфику миграционных паттернов Кыргызской Республики, её влияние на социально-трудовую структуру и развитие экономики в мультидисциплинарном ключе. Миграция, являясь источником значительных валютных вливаний, одновременно формирует вызовы по регулированию рынка труда, мобилизации и рационализации трудовых ресурсов, а также адаптации социальной политики.

В третьей главе акцентирован стратегический вектор усовершенствования управления миграционными потоками, включая

государственные инициативы по стимуляции возвратной миграции и успешной социально-экономической реинтеграции. Особое значение придаётся трансформации денежных переводов в инвестиционные инструменты, способствующие долгосрочному устойчивому росту и развитию.

Разрыв в уровне заработных плат между Кыргызстаном и Российской Федерацией выступает базисной мотивационной силой миграционных процессов в направлении РФ, что порождает как экономические выгоды для мигрантов и их семей, так и ряд социально-структурных проблем — от семейной социальной изоляции до повышения рисков для самих мигрантов. В перспективе, устойчивое сокращение миграционного давления возможно лишь при комплексном улучшении условий внутреннего рынка труда, росте доходов и стабилизации экономической среды.

В итоге, результаты исследования показывают, что для максимизации экономического потенциала внешней трудовой миграции требуется формирование многоуровневой стратегии, акцентированной на трансформации ремиттов в капитальные вложения, развитии финансовой грамотности мигрантов и создании институционально выгодных условий для их реинтеграции. Это должно стать базисом миграционной политики государства, направленной на экономическую синергию миграционных процессов.

Данное исследование является отправной точкой для разработки прикладных программ и инструментов, направленных на институционализацию миграционной политики и повышение эффективности использования миграционных ресурсов в интересах национального развития.

Искусственный интеллект и машинное обучение открывают путь для трансформации оценки лидерских качеств следующего поколения, предлагая объективные, масштабируемые и богатые поведенческими данными механизмы оценки. С помощью многомодальной архитектуры прогнозного

моделирования исследование показывает, что контекстные вложения на основе трансформеров в сочетании с ансамблями, использующими градиентный бустинг, значительно повышают точность и интерпретируемость прогнозов компетенций лидерства. Высокая эффективность модели в различных категориях компетенций подтверждает ее применимость в разнообразных организационных условиях, позволяя командам HR, коучам по лидерству и лицам, принимающим решения, внедрять основанные на фактических данных рабочие процессы идентификации талантов. Кроме того, интеграция объяснимых методов ИИ обеспечивает прозрачность и доверие, решая критически важные этические проблемы, связанные с автоматизированной оценкой лидерских качеств. Результаты подчеркивают растущую значимость поведенческой аналитики на основе ИИ в формировании будущего управления человеческим капиталом. Поскольку организации продолжают работать в условиях цифровой сложности, глобализации и быстрых изменений, предложенная структура представляет собой масштабируемое и надежное решение для прогнозирования готовности к лидерству и поддержки стратегического планирования кадровых ресурсов. В дальнейшем можно будет исследовать кросс-культурное поведенческое моделирование, адаптивное психометрическое профилирование и аналитику лидерства в реальном времени с использованием многомодальных потоков данных [200].

Рекомендации по совершенствованию управления внешней трудовой миграцией в Кыргызской Республике:

1. Укрепление институциональной инфраструктуры для поддержки мигрантов:

- Развивать сеть консультационных центров для мигрантов в регионах, а также создавать информационные платформы, которые будут предоставлять информацию о возможностях трудовой миграции, правах мигрантов, а также об условиях работы в странах назначения.

- Усилить деятельность посольств и консульств Кыргызстана за рубежом с целью защиты прав граждан, улучшения условий для трудовых мигрантов и минимизации рисков незаконной миграции.

2. Разработка программы обучения и повышения квалификации для трудовых мигрантов:

- Организовать курсы и тренинги по обучению профессиям, востребованным на международных рынках труда, что поможет увеличить конкурентоспособность граждан Кыргызстана на внешнем рынке труда.

- Внедрить программы для повышения уровня знаний о правах мигрантов и их юридической защите, а также обучающие курсы по финансовой грамотности для оптимизации денежных переводов.

3. Создание механизмов для стимулирования денежных переводов в инвестиции:

- Разработать системы, которые будут мотивировать трудовых мигрантов направлять часть своих денежных переводов в инвестиционные проекты в Кыргызстане, включая создание условий для легализации и прозрачности этих потоков.

- Предоставить налоговые льготы и субсидии для тех, кто инвестирует в малый и средний бизнес, а также в социальную сферу, такую как здравоохранение и образование.

4. Стимулирование возвращения мигрантов и их реинтеграции в экономику:

- Разработать меры для возвращения мигрантов в страну после завершения их трудовой деятельности за рубежом, в том числе налоговые льготы для бизнеса, создаваемого мигрантами по возвращении.

- Внедрить программы по социальной адаптации и профессиональной реинтеграции мигрантов, что позволит успешно интегрировать их в местную экономику и трудовой рынок.

5. Улучшение защиты прав трудовых мигрантов:

- Внести поправки в законодательство для улучшения правового обеспечения трудовых мигрантов, таких как защита их трудовых прав, повышение уровня социальной защиты, обеспечение доступа к медицинским услугам и образовательным программам.

- Усилить сотрудничество с международными организациями, работающими в области защиты прав мигрантов, для обмена лучшими практиками и разработки совместных программ по улучшению условий труда и жизни мигрантов.

6. Укрепление международного сотрудничества в сфере трудовой миграции:

- Установить двусторонние соглашения с ключевыми странами-работодателями для граждан Кыргызской Республики, чтобы обеспечить лучшую защиту прав мигрантов и улучшение условий трудовой деятельности.

- Развивать многостороннее сотрудничество в рамках международных организаций, таких как Международная организация труда (МОТ), для создания совместных проектов по регулированию трудовой миграции.

Эти рекомендации направлены на создание устойчивой системы, которая обеспечит выгодное взаимодействие между внешней трудовой миграцией и экономическим развитием Кыргызстана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные правовые документы

1. Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: введена в действие Законом КР от 27 июня 2010 года № 15. - Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913.
2. Гражданский кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: Кодекс КР от 8 мая 1996 года № 15. - Режим доступа: http://minjust.gov.kg/ru/content/313.
3. Трудовой кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: Кодекс КР от 4 августа 2004 года № 106. - Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/150
4. Об административно-территориальном устройстве Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: Закон Кырг. Респ. от 25 апреля 2008 года № 65. - Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202276.
5. О внешней миграции [Электронный ресурс]: закон Кырг. Респ. от 17 июля 2000 г. № 61. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=46.
6. О внешней трудовой миграции [Электронный ресурс]: закон Кырг. Респ. от 13 января 2006 г. №4. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1792?cl=ru-ru.
7. О местном самоуправлении [Электронный ресурс]: Закон Кырг. Респ. от 16 июня 2011 года № 101. - Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/203102.
8. О Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента КР от 31 октября 2018 года УП №221. – Режим доступа: http://www.gov.kg/?page_id=125892&lang=ru.

9. Указ Президента Кыргызской Республики «О согласии с внешнеполитической инициативой Министерства труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики о присоединении к Глобальному договору о безопасной, упорядоченной и легальной миграции» от 27 августа 2024 года № 229. [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=161827

10. Об утверждении Системы государственного прогнозирования в Кыргызской Республике и Порядка разработки прогноза социально-экономического развития Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: постановление Правительства Кырг. Респ. от 17 мая 2018 года № 239. – Режим доступа: http://cdb.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/11911.

11. Государственная программа комплексного социально-экономического развития регионов Кыргызской Республики на 2025–2030 годы.

12. Концепция миграционной политики Кыргызской Республики на 2021-2030 годы[Электронный ресурс]: Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/57-18372/edition/1168791/ru

II. Монографии, научные труды, учебная и статистическая литература

13. Абжамилова, А., & Давлетшина, Е. (2024). Трудовая миграция как инструмент устойчивого социально-экономического развития Кыргызстана. Вестник Ошского государственного университета. https://doi.org/10.52754/16948610_2024_2_38

14. Андриенко Ю. [и др.]. Разработка прикладной модели внутренних и внешних миграционных потоков населения для регионов Российской Федерации [Текст] / Ю. Андриенко, С. Гуриев.- М.: ЦЭФИР, 2022.- 134 с.

15. Афанасьев В.Н. [и др.]. Статистическое исследование миграционных процессов населения [Текст] / В. Н. Афанасьев, Т. И. Плеханова. - Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2024. - 176 с.

16. Аттокурова А. Т. Развитие народонаселения в условиях региона (на примере Ошской области Кыргызской Республики) [Текст]: дис. канд.экон.. наук: 08.00.05 / А.Т. Аттокурова.- Бишкек, 2014.- 167 с.

17. Беккер Г. Выбор партнера на брачных рынках [Текст]: THESIS, 2024. - вып.6.

18. Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение [Текст]: THESIS / Г. Беккер, 2023.- вып.1.

19. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. Рациональные элементы теории меркантилизма [Текст] / М. Блауг.- М., 1994.- С.123.

20. Бондарева С.К. [и др.]. Миграция (сущность явления) [Текст] / С.К. Бондарева, Д.В. Колесов. М., 2024. -296 с.

21. Борисов В. А. Демография [Текст] / В. А. Борисов. – М.: NOTA BENE, 1999. – 272 с.

22. Боярский А. Я. [и др.]. Основы демографии [Текст] / А. Я. Боярский, Д. И. Валентей, А. Я. Кваша. – М.: Статистика, 1920. –287 с.

23. Валентей Д. И. [и др.]. Демографическая политика: современное состояние и перспективы [Текст] / Д. И. Валентей, В. В. Елизаров, А. Я. Кваша. – М.: Статистика, 1985. – 175 с.

24. Валентей Д. И. [и др.]. Основы демографии [Текст] / Валентей Д. И., Кваша, А. Я. – М.: Статистика, 2006. – 510 с.

25. Валентей Д. И. [и др.]. Теоретические основы политики народонаселения [Текст] / Д. И. Валентей, А. Я. Кваша, В. М. Медков // Основы теории народонаселения. – 1996. – № 2. – С. 178 –189.

26. Васильева Л. А. Вынужденная миграция в Республике Беларусь. Теоретико-правовые и организационные аспекты [Текст]/ Л. А. Васильева. - Минск: Акад. МВД, 2002. - С.53.

27. Виноградова, Е. В. Международная трудовая миграция [Текст] / Е. В. Виноградова // Мировая экономика и международные отношения, 1994.-№ 12.-С. 110-116.

28. Воробьева О. Д. Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации [Текст] / О. Д. Воробьева // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ, 2003. -№ 9 (202). -С. 9–22.
29. Воронина Н. Правовое регулирование миграции в России // Вынужденные миграции: интеграция и возвращение [Текст] / Н. Воронина / под ред. В.А. Тишкова.- М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. - С. 33-45.
30. Галуза Е.В. [и др.]. Миграционные процессы в современной России [Текст] / Е.В. Галуза, Г.С. Денисова, Ю.А. Кашуба, А.А. Контарев, В.Н. Перекрестов.- Ростов-н/Д, 2024. - 326 с.
31. Географическое положение и территориальные структуры: памяти И. М. Майергойза [Текст] / сост.: П. М. Полян, А. И. Трейвиш. М.: Новый хронограф, 2012. -896 с.
32. Гимаев И.Р. [и др.]. Государственное регулирование миграционных потоков в Российской Федерации [Текст] / И.Р. Гимаев, И.Ф. Хафизова // Студент и аграрная наука: материалы II Всероссийской студенческой научной конференции. - Уфа: БГАУ, 2008. - С. 215-222.
33. Глазов В.А. [и др.]. Особенности межрайонной миграции населения в СССР [Текст] / В.А. Глазов, Большакова, Е. С., Л.С. Барсукова, В.Е. Родин // Миграционная подвижность населения в СССР: сб. / под ред. Б. С. Хорева, 1989.- 284 с.
34. Глущенко Г. Денежные переводы международных трудовых мигрантов: характеристики и детерминанты [Текст] / Г. Глущенко // Вопросы статистики, 2005. –№ 3. – С. 38-50.
35. Глущенко Г. И. Миграция и развитие [Текст] / Г. И. Глущенко, В. А. Пономарев. - М.: Экономика, 2009. -456 с.
36. Демографический ежегодник Кыргызской Республики [Текст]: Статсборник. - Бишкек: Нацстатком КР, 2010-2024.- 322с.

37. Демография [Электронный ресурс]: электронный учебник [для вузов] / ред. В. Г. Глушкова, Ю. А. Симагина, 2020. - С. 287.

38. Дмитриев А.В. Нелегальная иммиграция: риски и опасности [Текст] / А.В. Дмитриев, Г.А. Пядухов. - М.: Изд-во РГСУ, 2007. - 88 с.

39. Дуглас Массеи Синтетическая теория международной миграции. Международная миграция населения: Россия и современный мир [Текст] / Массеи Дуглас // Мир в зеркале международной миграции, 2009.- Выпуск 10. - С. 132

40. Дювель Франк Пространственная мобильность населения: индикаторы, категории и типологии. Методология и методы изучения миграционных процессов [Текст] / Франк Дювель, 2011.- С.72.

41. Жаренова О.А. Интеллектуальная миграция России: Ближнее и дальнее зарубежье [Текст] / О.А. Жаренова.-М.: Гном и Д. Центр полит, информ., 2022. - 126 с.

42. Зайончковская Ж.А. Перед лицом иммиграции [Текст] / Ж.А. Зайончковская // ProetContra, 2023. -№ 3 (30, ноябрь-декабрь). - С. 72-87.

43. Заславская Т.И. Миграция сельского населения [Текст] / Т.И. Заславская.-М.: Статистика, 2020.- С. 28 -34.

44. Заславская, Т. И. Миграция и пограничный режим [Текст] / Т.И. Заславская. — Беларусь, 2022.

45. Ибрагимов М.М. Миграционные процессы в России и на постсоветском пространстве [Текст] / М.М. Ибрагимов. - Саратов: Аквариус, 2021. - 178 с.

46. Ивахнюк И.В. Перспективы миграционной политики России: выбор верного пути [Текст] / И.В. Ивахнюк. -М.: МАКС Пресс, 2021. - С. 127-133.

47. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения [Текст] / В.А. Ионцев. -М.:Диалог-МГУ, 2023. - 370 с.

48. Исаков К.И. Развитие рынка труда в трансформирующейся экономике Кыргызской Республики [Текст] / К.И. Исаков, Л.А. Субачева. – Бишкек: КРСУ, 2020. – 226с.

49. Исаков К.И. [и др.]. Оценка эффективности мер по преодолению негативных последствий стихийно развивающихся процессов миграции. [Текст] / К.И. Исаков, Э.К. Исаков // Вестник КРСУ, 2018. -том 8. -№ 3.

50. Катагощина И.Т. Кризис идентичности как фактор миграционных процессов на постсоветском пространстве [Текст] / И.Т. Катагощина // Восток: Афр.-азиат. общества: история и современность.- М., 2001. - № 6. - С.75-92.

51. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег». Антология экономической классики в двух томах [Текст] / Дж. М. Кейнс. - М., 1993.- С.54.

52. Кириллова Е.К. Проблемы вынужденных переселенцев в России: глазами мигрантов [Текст] / Е.К. Кириллова // Социс, 2004. - № 11. - С. 46-51.

53. Коданьоне К. Опыт иммиграционной политики Италии и некоторые уроки для России [Электронный ресурс] / К. Коданьоне. - Режим доступа: http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/wold/kodanione-politic.

54. Койчуев Т.К. Глобализация — противоречивая черта современного мирового развития [Текст] / Т.К. Койчуев // Общество и экономика, 2000. - №3.

55. Койчуев Т. К. Избранные сочинения в 3-х томах. Дополнительный том: Политика, экономика, миросвязи Кыргызстана [Текст] / Т. К. Койчуев. - Б: Цэс при ПКР, ОО «Экономисты за реформу», 2007. – 224 с.

56. Койчуев Т.К. Экономика Кыргызстана на переломном этапе [Текст] / Т. К. Койчуев.- Бишкек, 2003.

57. Койчуев Т.К. Экономика Кыргызстана на переломном этапе. [Текст]: Избранные сочинения / Т. К. Койчуев.- Бишкек, 2007. -Том 3

58. Коков В. Как управлять миграцией в России [Текст] / В. Коков // Экономист. М., 2002. - № 2. - С.75-82.

59. Колев Г.В. Миграционная политика европейских стран [Электронный ресурс] / Г.В. Колев. - Режим доступа: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Kolev.

60. Колосницына, М. Г. [и др.]. Международная трудовая миграция: теоретические основы и политика регулирования [Текст] / М.Г. Колосницына, И. К. Суворова // Экономический журнал ВШЭ, 2005. - № 4. - С. 543-564.

61. Корель Л.В. Перемещение населения между городом и селом в условиях урбанизации [Текст] / Л.В. Корель. - Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1982.

62. Костин Л. Миграция и мигранты [Текст] / Л. Костин // Человек и труд. М., 2001. - № 8. — С.61-64.

63. Кочербаева А.А. Евразийская экономическая интеграция: проблемы, реалии и перспективы для Кыргызстана [Текст] / А. А. Кочербаева // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. Сотрудничества // Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 1. – С. 306-311.

64. Кочербаева А.А. Особенности демографического развития Кыргызстана: проблемы, их социальные последствия и перспективы решения [Текст] / А. А. Кочербаева // Народонаселение. Сер. Экономика. – 2016. – №1. – С. 117-124.

65. Кочербаева А.А. Проблемы и перспективы развития социальной инфраструктуры [Текст] / А. А. Кочербаева. - Бишкек: Изд-во КРСУ, 2011.

66. Кочербаева А.А. Развитие трудового потенциала в трансформирующейся экономике [Текст] / А. А. Кочербаева. - Бишкек: КРСУ, 2011.

67. Красинец Е. [и др.]. Миграция населения в Российской Федерации: тенденции развития и проблемы регулирования [Текст] / Е. Красинец, Е. Тюрюканова, Т. Шевцова // Власть, 2004.- № 10.-С. 63-69.

68. Крухмалев А.Е. Миграционные проблемы в современной России [Текст] / А.Е. Крухмалев // Социол. исслед. М., 2002. - № 9. - С.137-138.

69. Кулешов Д. Н. Теоретико-методологические аспекты изучения миграции населения [Текст] / Д. Н. Кулешов // Вестник ВЭГУ, 2007. -№ 2. -С. 196–205.

70. Кумсков В. И. На пути к рынку [Текст] / В. И. Кумсков.- Бишкек, 1996.

71. Кумсков В. И. [и др.]. Рекомендации по рациональному использованию трудовых ресурсов Средней Азии и Южного Казахстана на период до 2005 года [Текст] / В. И. Кумсков, А. А. Саякбаева и др. – Москва-Фрунзе: СОПС при Госплане СССР, НИИЭМП Госплана Кирг. ССР, 1986.

72. Кумсков В. И. Рыночный переход в прямом и непосредственном восприятии [Текст] / В. И. Кумсков.- Бишкек, 2006.

73. Кумсков В. И. Рыночная экономика вечная экономика [Текст] / В. И. Кумсков.- Бишкек, 2008.

74. Кумсков В.И. [и др.]. Узловые проблемы развития производительных сил Средней Азии и Казахстана на период до 2010 года. Разработка предложений по рациональному использованию трудовых ресурсов Киргизской ССР с учетом новых условий хозяйствования и региональных особенностей развития производительных сил на период до 2010 с выделением ХШ пятилетки [Текст] / В. И. Кумсков, А. А. Саякбаева [и др.]. - Фрунзе: НИИЭМП Госплана Кирг.ССР, 1990. – 300с.

75. Кумсков Г. В. Актуальные проблемы народонаселения и демографии [Текст] / Г.В. Кумсков // Проблемы трансформационной экономики: Монографический сборник. - КРСУ, Бишкек, 2004, 0,6 п.л.

76. Кумсков Г.В. Гендерные подходы к анализу человеческого потенциала. [Текст] / Г. В. Кумсков \\ Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета.– Бишкек, КРСУ, 2010. - Т10. - № 3 - 0,5 п.л

77. Кумсков Г.В. Закономерности и особенности развития миграционных процессов Кыргызстана на современном этапе [Текст] / Г. В. Кумсков. – Бишкек: Илим, 2002. – 14,5 п.л.

78. Кумсков Г.В. Население Кыргызстана и охрана его здоровья в условиях перехода к рыночной экономике [Текст] / Г. В. Кумсков и др. - Бишкек: Министерство здравоохранения КР, 1994. – 8,0 п.л.

79. Кумскова Н. Х. Закономерности движения населения Киргизии [Текст] / Н. Х. Кумскова. – Фрунзе, 1983.- 104с.

80. Кымбат кызы Ж. (2019). Миграция населения Кыргызстана: специфика и последствия. Вестник Бишкекского гуманитарного университета. https://doi.org/10.35254/bhu.2019.47.12

81. Кыргызстан в цифрах [Текст]: стат. сборник.-Бишкек: НСК КР, 2010-2024.

82. Ладан Е.А. Методология анализа миграционных процессов // Общество: политика, экономика, право [Текст] / Е.А. Ладан, 2010.- № 1. -С. 47–51.

83. Линдерт П. Экономика мирохозяйственных связей [Текст] / П. Линдерт. - М.,1992. - С.45.

84. Леонидова Т.Н. Содержание миграционной функции государства: теоретические аспекты [Текст] / Т.Н. Леонидова // Миграционное право, 2007. - № 1. - С. 22-27.

85. Магомедова А.Г. Экономико-демографические аспекты внешней миграции в России [Текст] / А.Г. Магомедова // сб. ст. Науч. серия: Международная миграция населения. Россия и современный мир / гл. ред. В. А. Ионцев. -М.: ТЕ-ИС, 2006. - Вып. 17. - 128 с.

86. Мазин А.Л. Теоретические аспекты миграции населения // Народонаселение [Текст] / А.Л. Мазин. - М., 2001. - № 1. - С. 132-146.

87. Маколифф М. и Л.А. Оучо (под ред.), 2024. Доклад о миграции в мире 2024. Международная организация по миграции (МОМ), Женева.

88. Мальтус Т. Опыт закона о народонаселении, Антология экономической классики в двух томах [Текст] / Т. Мальтус. - М., 1993. - Т. 2.- С.118.

89. Мамытбек уулу Талгар и Айбашев, Меняющиеся модели миграции в Кыргызской республике, 2021. https://doi.org/10.18411/LJ-02-2021-113.

90. Медков В. М. Демография [Текст] / В. М. Медков. – Ростов–на–Дону: Феникс, 2002. – 448 с.

91. Менеджмент социального обеспечения и социального страхования населения [Текст] // под общей ред. проф. А.А.Саякбаевой. – Бишкек: КНУ им.Ж.Баласагына, 2005. – 295 с.

92. Метелев И.С. О содержании и значимости миграционного опыта [Текст] / И.С. Метелев // Проблемы современной экономики, 2012. -№ 3 (43).- С. 110–113.

93. Метелев С.Е. Международная трудовая миграция и нелегальная миграция в России [Текст] / С.Е. Метелев. - М., 2006. - 359 с.

94. Миграции в постсоветском пространстве: политическая стабильность и международное сотрудничество [Текст] / под ред. Дж. Азраэла, В. Мукомеля, Э. Паина. М.: Комплекс-Прогресс, 1997. - 197 с.

95. Миграция и рынки труда в постсоветской России [Текст] / под ред. Г.С. Витковской. -М., 1998. - 177 с.

96. Миграция сельского населения [Текст] / под ред. Заславской Т.И. - М.: Мысль, 1970.-С.150

97. Мишунина А.А. Миграционные процессы в федеративном государстве: конституционно-правовое исследование: монография [Текст] / А.А. Мишунина.- Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2009. - 400 с.

98. Моисеенко В.М. Динамика миграционной активности населения в современной России [Текст] / В.М. Моисеенко // Вестник Моск. ун-та. -Сер.6: Экономика. - М., 2001. -№4.-С.64-84.

99. Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения [Текст] / В.М. Моисеенко. -М.: ТЕИС, 2004. -285 с.

100. Мусакожоев Ш.М. Государственное регулирование национальной экономики (на материалах Кыргызстана) [Текст] / Ш.М. Мусакожоев, Н.Б. Нарматова. - Бишкек. 2006. – С. 31-32.

101. Мусакожоев Ш.М. [и др.]. Методы экономического прогнозирования [Текст] / Ш.М. Мусакожоев, Б.Ч. Ишенов, А.Ш. Осмоналиев.- Б., 2009. С.31-48.

102. Мусакожоев Ш. М. [и др.]. Основы инновационной экономики [Текст] / Ш. М. Мусакожоев, Т. К. Камчибеков, Р. М. Абылкасымов.– Бишкек: БГУЭП, 2005. – 176 с.

103. Нелегальная миграция [Текст]: Научная серия: Международная миграция населения. Россия и современный мир / гл. ред. В.А. Ионцев. -М.: МАКС Пресс, 2002. -140 с. -Вып.9.

104. Оторбаев К. О. [и др.]. Концепция развития и размещения производительных сил Киргызской ССР на период до 2000 года [Текст] / К. О. Оторбаев, В. И. Кумсков, А. А. Саякбаева и др. – Фрунзе: Госплан Кирг. ССР, НИИЭМП Госплана Кирг.ССР, 1982. - 59с.

105. Оторбаев К.О. [и др.]. Концепция развития и размещения производительных сил Киргизской ССР на период до 2005-2010 годов [Текст] / К. О. Оторбаев, А. Дж. Термечиков, В. И. Кумсков, А. А. Саякбаева [и др.]. –Фрунзе: Госплан Кирг.ССР, НИИЭМП Госплана Кирг.ССР, 1986. – 72 с.

106. Пальников М. Иммиграция в Россию из постсоветских республик [Электронный ресурс] / М. Пальников // Перспективы, 2009. - Ч. I, II. - 14 с. - Режим доступа: http://www.russians.kz/compatriot/994492-immigracija-v-rossiju-iz-postsovetskikh.html.

107. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения [Текст] / В. И. Переведенцев.- М.: Наука, 1975. -232 с.

108. Переведенцев В.И. Миграция в ритме времени [Текст] / В. И. Переведенцев. -М.: Макс Пресс, 2010. – С.80.

109. Пискун О. Основы миграционного права [Текст] / О. Пискун.- Киев, 2019. - 365 с.

110. Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. Центр миграционных исследований, Институт народнохозяйственного

прогнозирования РАН [Текст] / под ред. Ж.А. Зайончковской и Г.С. Витковской.-М.: АдамантЪ, 2009. -411 с.

111. Практическая демография [Текст] / под ред. Л. Л. Рыбаковского. -М. : ЦСП, 2005. - 202 с.

112. Преображенская Н.М. Философские аспекты миграционных процессов [Текст] / Н.М. Преображенская // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия, 2004. - № 5. -С. 76-90.

113. Равенштайн Е.Г. Миграция населения (вопросы теории) [Текст] / Е.Г. Равенштайн.- М.: ИСПИ РАН, 2023. -238 с.

114. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. (Очерки теории и методов исследования) [Текст] / Л.Л. Рыбаковский. - М., 2023.- 217 с.

115. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика [Текст] / Л.Л. Рыбаковский.- М., 1987. – 284 с.

116. Рыбаковский О. Л. Миграция населения между регионами: совершенствование методологии анализа [Текст]: автореф. дисс. на соиск. уч. степ, д-ра эконом, наук: 08.00.05 / О.Л. Рыбаковский. — М., 2021. - 149 с.

117. Савин В.Е. Демографическая политика в переходный период [Текст] / В. Е. Савин //Проблемы рыночных отношений в Кыргызстане // Отв. ред. Кумскова Н. Х. - Бишкек, 2000. –С. 236-240.

118. Савина С. Е. Проблемы формирования и использования рабочей силы в трансформационной экономике (на материалах Кыргызской Республики) [Текст]: дис. … д-ра. экон. наук: 08.00.05/ С. Е. Савина. - Бишкек, 2009.- 264 с.

119. Садовская Е.Ю. Привлечение рабочей силы из Китая в Казахстан в период суверенитета: динамика и проблемы регулирования // Труд в Казахстане. 2021. № 8. С.5.

120. Самигуллин Э. В. [и др.]. Этап формирования основ развитой экономики Кыргызстана: необходимость укрупнений и преобразований объектов государственного устройства, предпринимательства и социальной активности

населения [Текст] / Э.В. Самигуллин, Н.Н. Кыдырмаева. – Бишкек, 2019. -150 с.

121. Самигуллин Э.В. Социальная экономика Кыргызстана [Текст] / Э.В. Самигуллин. – Бишкек, 2010.

122. Самигуллин Э.В. Формирование товарного рынка переходной экономики[Текст] / Э.В. Самигуллин. – Бишкек, 2004.

123. Саякбаева А.А. [и др.]. Роль социальной составляющей в развитии экономики [Текст] / А. А. Саякбаева, Н. И. Акылбекова // Материалы XXXVI междунар. научно-практ. конф. Евразийского научного объединения «Современные концепции научных исследований», февраль 2018 года.- Евразийское научное объединение. - № 3 (37), 2018. - С.164-167.

124. Саякбаева А. А. Социально-демографические аспекты миграции населения как угроза национальной безопасности Кыргызской Республики [Текст] / А. А. Саякбаева, Н. И. Акылбекова // Финансовая безопасность. современное состояние и перспективы развития Материалы VIII Международной научно-практической конференции Международного сетевого института в сфере ПОД/ФТ. Том 2. Москва, 2022. – С. 123-129.// https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50731276

125. Саякбаева А. А. Социально-экономические аспекты миграции населения как угроза национальной безопасности Кыргызской Республики [Текст] / А. А. Саякбаева, Н. И. Акылбекова // Материалы VIII Межд. Научно-практической конференции Международного сетевого института в сфере ПОД/ФТ Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Том 2, 2022. - Астана, ЕНУ им. Гумилева, 2016. –С. 290-304.// https://lib-repository.mephi.ru/conferences_mephi/2022_Finansovaya_bezopasnost_Tom2.pdf

126. Саякбаева А.А. [и др.]. Статистический анализ и прогноз деморазвития и материнской смертности в Кыргызской Республике [Текст] / А. А. Саякбаева, Н. И. Акылбекова // Материалы XLIII междунар. научно-практ. конф.

Евразийского научного объединения «Перспективы модернизации современной науки», сентябрь 2018 года.- Евразийское научное объединение.- № 9 (43), Сентябрь, 2018.-С.76-79.

127. Саякбаева А.А. [и др.]. Тенденции развития современных демографических процессов в Кыргызской Республике [Текст] / А.А. Саякбаева, Н. И. Акылбекова // Экономика жана финансы 3/2009, 1 болум. – Бишкек: КНУ, 2009. –С.179-185.

128. Саякбаева А.А. [и др.]. Человеческий потенциал как фактор развития экономики [Текст] / А. А. Саякбаева, Н. И. Акылбекова // Известия Иссык-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии, VII Исраиловские чтения, 2018. - С.74-81.

129. Современная демография / под ред. Кваши А.Я., Ионцева В.А. - М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2024. - С. 106.

130. Термечиков А.Дж. [и др.]. Концепция экономического и социального развития республики Кыргызстан на 1991-1995 годы и на период до 2010 года [Текст] / [А. Дж. Термечиков, В. И. Кумсков, К. С. Сыдыков, А. А. Саякбаева и др.]. – Фрунзе: ИЛИМ, 1989. – 61с.

131. Токторбаева К.А. Качество жизни населения: понятие, показатели, современное состояние в Кыргызской Республике [Текст] / А.А. Токторбаева К.А. //Научный альманах, 2016.- № 4-1 (18). - С. 251-260.

132. Тюркин М.Л. Миграционная система России [Текст]: монография. М.: Стратегия, 2023.-368 с.

133. Филлипов, Н. Н. Проблемы формирования трудовых ресурсов села [Текст] /Н. Н. Филлипов, В. А. Суков. Свердловск, 1972. — Вып. 4. -С. 107.

134. Франция продолжает ужесточать миграционное законодательство [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://www.migrator.ru/news/?id=286.

135. Хабриева Т.Я. Миграционное право России: теория и практика [Текст] / Т.Я. Хабриева. - М., 2008. -336 с.

136. Хореев Б.С. Проблемы изучения миграции населения [Текст] / Б.С. Хореев, В.П. Чапек.- М., 1978.-255 с.

137. Цапенко И. Роль иммиграции в экономике развитых стран [Текст] / И. Цапенко // Мировая экономика и международные отношения, 2004. - № 5. - С. 38-43.

138. Шене Жан-Клод. Миграция как инструмент развития [Текст] / Жан-Клод Шене // Миграция и развитие: сб. ст. Науч. серия: Международная миграция населения. Россия и современный мир / гл. ред. В. А. Ионцев. -М.: Би Эль Принт, 2007. - Вып. 20. - С. 87-92.

139. Шульц Т. Ценность детей [Текст] / Т. Шульц. –THESIS, 1994. -вып.6. С.21-28.

140. Щербакова Е. Таджикистан, Казахстан, Киргизия и Молдавия входят в четверку стран мира, в которых денежные переводы мигрантов составляют наибольшую величину по сравнению с ВВП [Текст] / Е. Щербакова // ДемоскопWeekly.- 2020. - № 445-446.

141. Щербакова Н. Трудовая миграция и управление миграционными потоками в странах Западной Европы [Электронный ресурс] / Н. Щербакова.- Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ agenda/povestka/ povestka-immigration/europa-dis/trudiupravlenie.

III. Социально-экономическая и научная литература на иностранном языке

142. Almon, S. The distributed lag between capital appropriations and capital expenditures //Econometrica. 1965. — № 1 — Vol. 33. - P. 178—196.

143. Alonso, W. A Theory of Movements Introduction. Berkeley, Institute of Urban and Regional Development, University of California, 1976.

144. Amersfoort H. Migration: the Limits of Governmental Control // New Community. 2021. - Vol. 22. - P. 243-257.

145. Anderson, A., Philipov, D. Migration and Economic Development. -Florence, Italy: IIASA-IASI/CWR IRPET. - 2022. - (Conference, April 8-10).

146. Appleyard; R. Skilled migration in a Globalized World. // World in the Mirror of International Migration. Scientific series "International Migration of A Population: Russia and the Contemporary World". Vol.10. Moscow: MAX Press, 2022.

147. Becker, G. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Political Economy, Supplement, 1962.

148. Controlling Immigration. A Global Perspective / W.A. Cornelius, P.L. Martin, J.F. Hollifield (eds.). Stanford: Stanford Univ. Press, 2024. - P. 3-48.

149. Demetrios Papademetriou. International migration in a changing world. International migration today / Edited by Charles Shahl , 2024.

150. Dodd, S. The Interaction Hypothesis: A Gravity Model Fitting Physical Masses and Human Groups // American Sociological Review. № 2 (Apr. 1950). - Vol. 15. - P. 245-256.

151. Eisenstadt, Shmuel N. The Absorption of Immigrants A. Comparative Study Based Mainly on the Jewish Community in Palestine and the State of Israel. London: Routledge&Kegan Paul, 1954.

152. Ergeshbayeva, R.D., Makiev, S.T., & Ergeshova, A.M. (2022). Role of state government bodies in regulating labor migration of the population of Kyrgyzstan. Bulletin of the Branch of the Russian State Social University in Osh, Kyrgyzstan. https://doi.org/10.55428/16945727_2022_26_2_135

153. Fields, G. Place-to-place migration: Some new evidence // The Review of Economics and Statistics. 1979. - № 1. - Vol. LXI.

154. Freeman G.P. Can Liberal States Control Unwanted Migration? // The Annals of the A APSS. 1994. - Vol. 534. - P. 17-30.

155. Ginsberg, R. Critique of probabilistic models application of the semi-Markov model to migration // J. Mathematical Sociology. 2022. - № 2.

156. Gorden W., Finlley B. Urban unemployment, intersectoral capital mobility and development policy // Economica. 1975.

157. GREENWOOD M. "Research on internal migration in the United States: A survey". Journal of Economic Literature.- №13. - 1975. - P.397-433.

158. Greenwood, M. Research on internal migration in the United StatesA A survey//Journ, of Economic Literature. 2023. -№13 (June).

159. Hamberg, E. Studies in International Migration. Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 2021.

160. Harris, J., Todaro, M. Migration, unemployment and development: a Two-SecTor Analysis // American Economic Review. 1970. - № 60. -P. 126-142.

161. Hicks, I. The Theory of Wages.London : MacMillan, 1932.

162. Holliefield J.F. Immigrants, Markets and States: The Political Economy of Postwar Europe. Cambridge MA: Harvard Univ. Press, 2022.

163. Hunt, J.C., Kan, J.B. Migration and Wage Growth: A Human Capital Approach // South. Econ. J. 1985. - № 3. - Vol. 51.

164. Kindleberger C.P. Europe's Postwar Growth: The Role of Labor Supply. - Cambridge: Harvard Univ. Press, 2024.

165. Kubat Daniel. «Canada: Immigration's Humanitarian Challenge». In The Politics ofMigration Policies. Ed. D. Kubat. New York: Center for Migration Studies. - P. 234.

166. Luttwak, Edward. Turbo capitalism. Winners and Losers in the Global Economy" - Weidenfeld & Nicolson, London, 1998 / HarperCollins, New York, 2020. - 290 p.

167. Massey D.S. The False Legacy of the 1965 Immigration Act // World on the Move. 1996.-№2.-P. 2-3.

168. Massey D.S., Arango J., Hugo G., Taylor J.E. Theories of international migration: a review and appraisal // Population and development review. 1993. -№ 19.-C. 43.

169. Migration Theory. Talking across Disciplines / Edited by Caroline B. Brettell and James F. Hollifi eld. New York : Routledge, 2000. 239 p.
170. North D.S. Why Democratic Governments Can't Cope with Illegal Migrations: Paper Presented at the OECD Conference on Migrations. Rome, 1991.
171. Piore M. Doeringer P., Internal labour markets and manpower analys is. Lexington, 1971. P.43.
172. Population seven billion: UN sets out challenges, BBC (26 October 2011). URL: http ://www.bbc. co. uk/news/ world-15 45 9643.
173. Ravenstein Ernst Georg, «The laws of migration» (Лондон, 1876), P.38.
174. Simon J., Akbari A. Determinants of Welfare Payment Use by Immigrants and Natives in the United States and Canada / Immigrants and Immigration Policy: Individual Skills, Family Ties, and Group Identities. P. 84-85.
175. Samers M. Migration. New York : Routledge, 2020. 374 p.
176. Sciortino G. Planning in the Dark: The Evolution of the Italian System of Immigration Controls // Mechanisms of Immigration Controls / G. Brochmann, T. Hammar (a cura di). Oxford: Berg, 2024. - P. 233-260.
177. Taylor J. Edward (1986)/ Differential migration, network, information and risk" in Oded Stark . ed.: Migration theory, Human Capital and development, JAI Press, Greenwich, Conn.: P. 147.
178. Thranhardt D. Germany's Immigration Policies and Politics // Mechanisms of Immigration Controls / G. Brochmann, T. Hammar (a cura di). Oxford: Berg, 1999.- P. 29-58.
179. Todaro Michael P. Internal Migration in Developing Countries. Geneva: InternationalLaborOffice, 1976.
180. Thomas B. 2023. Migration and Economic Growth: The Study of Great Britain and Atlantic Economy, Cambridge University Press, Cambridge.

IV. Интернет-ресурсы

181. http://www.cbr.ru/ – веб-сайт Центробанка РФ.

182. http://ssm.gov.kg/ - веб-сайт Государственной службы миграции при Правительстве КР.
183. https://eec.eaeunion.org/comission/ – веб–сайт Евразийской экономической комиссии.
184. https: //www.nbkr/kg - веб-сайт Национального банка Кыргызской Республики.
185. http://www.stat.kg – веб–сайт Национального статистического комитета Кыргызской Республики.
186. https://economist.kg/dengi/2025- веб-сайт Economist.kg
187. https://www.gov.kg/ru/npa/s/4628 - Постановление Кабинета Министров от 18.03.25 №134 Об утверждении Государственной программы комплексного социально-экономического развития регионов Кыргызской Республики на 2025–2030 годы
188. https://koomtalkuu.gov.kg/ru/view-npa/4278 - Об утверждении Национальной программы по развитию рынка труда и содействию занятости населения «Эл Дөөлөтү-Эмгек» до 2030 года: Указ Президента Кыргызской Республики
189. https://zanyatost.kg/Home/NewsDetails/5482?utm_source=chatgpt.com - Стажировка для молодёжи – новая мера активной политики содействия занятости: Бишкекское городское управление по содействию занятости Министерства труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики.
190. https://raexpert.ru/researches/regions/migration_regions_2024/ - Миграции населения в 2024 году: потоки ослабевают
191. https://mlsp.gov.kg/ - сайт Министерства труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики.
192. https://mlsp.gov.kg/ru/czentr-trudoustrojstva-grazhdan-za-rubezhom/ сайт Центр трудоустройства граждан за рубежом при Министерства труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики.

193. Базовая оценка мобильности МОМ 2024 г. https://kyrgyzstan.iom.int/ru/publikaciiРАУ

194. https://science-education.ru/ru/article/view?id=15284 Савеленко Д.В. Прогнозная оценка социально-экономических последствий развития трудовой миграции в России.// Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6 URL: (дата обращения: 01.06.2025).

195. https://documents1.worldbank.org/curated/en/946351511861382947/pdf/121691-Indonesias-Global-Workers-Juggling-Opportunities-Risks.pdf?utm_source=chatgpt.com - Опыт регулирования миграции в Индонезии:

196. https://www.migrationpolicy.org/article/philippines-migration-next-generation-ofws?utm_source=chatgpt.com - Опыт регулирования миграции в Филиппинах:

197. Inter-American Development Bank Report on Migration in Perupublications.iadb.org - Опыт регулирования миграции в Перу:

198. https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/975611641931193943/colombia-social-and-economic-integration-of-migrants-development-policy-financing?utm_source=chatgpt.com - Опыт регулирования миграции в Колумбии:

199. https://www.migrationpolicy.org/article/bangladesh-migration-remittances-profile?utm_source=chatgpt.com - Опыт регулирования миграции в Бангладеш.

200. https://www.tpmap.org/ Rajesh, D., Nazaralieva, B., Rustamova, L., Nazarkulova, G., Bakai Kyzy, Z., & Sharma, S. (2025). *Predictive modeling: AI and machine learning for next-generation leadership assessment*. TPM: Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology, 32(4).